

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

**К Сорокалетию Великой
Октябрьской Социалистической
Революции**

(СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ)

Красноярск
1957

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
И Н С Т И Т У Т

58-5

1187а

**К Сорокалетию Великой
Октябрьской Социалистической
Революции**

(СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ)

Красноярск
1 9 5 7

В. ГОЛОСОВ

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ОСНОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В
ПЕРИОД ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В РОССИИ
(1894-1903 гг.)

Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку. Под руководством В. И. Ленина, гениального продолжателя дела Маркса и Энгельса, Великая Октябрьская социалистическая революция победила как практическое осуществление теории научного социализма. Она отразила всеобщий закон революции и строительства на определенном этапе большого пути развития человеческого общества. Великая Октябрьская социалистическая революция «это — не только столбовая дорога пролетариата Советского Союза, но и общая столбовая дорога, по которой должны идти пролетарии всех стран для достижения победы» (статья «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» в газете «Женьминьжибао» от 23 декабря 1956 года. Сб. «Под знаменем пролетарского интернационализма», Госполитиздат, 1957, стр. 225—226).

Опыт борьбы и побед социалистической революции учит, что самое существенное содержание мирового исторического процесса XX века органически связано с историей Коммунистической партии нашей страны, с именем В. И. Ленина, организатора и вождя этой партии, отстаившим и развившим дальше марксистское учение.

КПСС выросла на основе рабочего движения в дореволюционной России из марксистских кружков и групп, связывавшихся с рабочим движением и вносивших в него социалистическое сознание. Вождь партии В. И. Ленин поднял на небывалую высоту значение теории, сознательности, партии, как революционизирующей и руководящей силы стихийного рабочего движения, блестяще обосновал коренное марксистское положение, гласящее, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом.

КПСС росла и крепла в принципиальной борьбе с многочисленными врагами социалистического рабочего движения — либеральными народниками, «легальными марксистами», меньшевиками, анархистами, буржуазными националистами, троц-

кжстами, бухаринцами, с разнообразными агентами политической реакции и контрреволюции.

В истории разброма всех этих ревизионистских, реакционных и контрреволюционных течений и групп огромное место, значение и роль занимала борьба В. И. Ленина за чистоту и дальнейшее развитие марксистской теории.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения», — указывал В. И. Ленин. (Соч., т. 5, стр. 341). Для русского революционного социалистического движения значение теории еще более усиливалось тем, что складывавшаяся революционная партия должна была отмежеваться от ряда немарксистских течений мысли, грозивших совлечь движение с правильного пути. В. И. Ленин указывал, что в буржуазно-демократической революции неизбежно известное сплетение пролетарски-социалистических и мелкобуржуазно-демократических (и оппортунистически-демократических и революционно-демократических) элементов и тенденций. В капиталистически развивающейся «крестьянской» стране буржуазная революция не могла произойти без того, чтобы не дала себя знать объективная слитость известных пролетарских слоев с известными мелкобуржуазными слоями. Констатируя оживление в начале XX века в России не социал-демократических революционных направлений, В. И. Ленин писал: «При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет» (Соч., т. 5, стр. 341—342). Партия поэтому должна была переживать процесс необходимой разборки, размежевки, выделения действительных пролетарски-социалистических элементов, *очистки* «от приставших к движению» только ради «яркого» лозунга (См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 263).

В интересах этой разборки была необходима усиленная теоретическая работа. «Текущий момент в России, — писал В. И. Ленин в ноябре 1908 года, — именно таков, что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не настроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики», — а всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное мирозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» (Соч., т. 15, стр. 265).

Значение теории для русской революционной социал-демократии подчеркивалось еще и тем, что партия должна была критически и самостоятельно проверить многогранный опыт западноевропейского рабочего движения, использовать и претворить его в особых условиях развития русского революционно-освободительного движения.

«...Социал-демократическое движение, — писал В. И. Ленин, — международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным провинциализмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо умение критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его» (Соч., т. 5, стр. 342).

И, наконец, своеобразие русской революции, особо ответственная и революционная задача, возложенная историей на русский пролетариат, — быть застрельщиком борьбы против империализма, — требовали неустанной работы по дальнейшему развитию марксистской теории во всех направлениях.

На заре русского революционного рабочего движения В. И. Ленин предвидел великую международную роль социалистически организованного русского пролетариата. «История, — писал он, — поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (Соч., т. 5, стр. 345).

Известно, что это научно обоснованное предвидение В. И. Ленина целиком сбылось. Россия в двадцатом веке превратилась в центр международного революционного движения. Русскому рабочему классу, руководимому Коммунистической партией, первому пришлось решать необъятной сложности и трудности задачи изыскания новых методов и форм классовой борьбы в эпоху империалистической стадии развития капитализма, первому строить социалистическое государство, коренным образом практически перестраивать общественную жизнь. Русский рабочий класс смог выполнить свою почетную роль передового борца международного революционного движения прогрессивного человечества благодаря тому, что Коммунистическая партия, во главе с В. И. Лениным, отстояла в напряженной борьбе чистоту марксистской теории, двинула дальше развитие этой теории. Пророческие слова В. И. Ленина — «... роль передового борца может выполнить только партия,

руководимая передовой теорией» (Соч., т. 5, стр. 342) оказались практически подтвержденными историей.

Наша партия неустанно заботилась о всестороннем развитии в новых исторических условиях своей теории. Это неотъемлемое от нашей партии качество в ней воспитал великий диалектик современности В. И. Ленин. Гению В. И. Ленина обязан русский и международный пролетариат своей вооруженностью новой стратегией и тактикой, искусством сочетания демократических и социалистических задач, искусством гибкого подчинения первых вторым, сплочения вокруг пролетариата всей трудящейся массы народа под знаменем социализма против империализма. «Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать промаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать и, когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах. Ибо он был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. I, стр. 805).

Многосторонна и сложна история теоретической борьбы В. И. Ленина и руководимой им Коммунистической партии против империализма, реакции и контрреволюции. Эта борьба строго соответствовала и определялась требованиями и нуждами практической истории КПСС, которая за весь период жизни и деятельности В. И. Ленина не имеет себе равной по богатству опыта. Ни в одной стране за этот период «не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта» (В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 10).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ «КРИТИКИ» И РЕВИЗИОНИЗМА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В борьбе В. И. Ленина и партии за чистоту революционной теории и ее дальнейшее всестороннее обогащение огромное значение имело развитие в новых исторических условиях марксистской философии. Марксистская философия есть ми-

ровоззрение Коммунистической партии и руководимого ею рабочего класса. Органическая связь марксистской философии с политикой Коммунистической партии характеризует ее качественное отличие от всех предшествующих философских систем и школ.

Философский материализм, освобожденный классиками марксизма от метафизических ограниченностей и пут, органически соединенный с диалектическим методом Коммунистической партии, указал путь раскрытия законов развития человеческого общества, путь революционного перехода от буржуазного общества к обществу коммунистическому, не знающему эксплуатации человека человеком. Материалистическое понимание истории и разоблачение тайны прибавочной стоимости превратили социализм из утопии в науку. Коммунизм явился итогом анализа и научного понимания природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат. Научно была раскрыта перспектива пролетарской революции и строительства социализма. «Таким образом, — писал Энгельс, — при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен». (К. Маркс и Ф. Энгельс, избранные произведения, 1955, т. I, стр. 328).

Значение диалектического материализма для практической деятельности Коммунистической партии состоит, прежде всего, в том, что он по своему существу является глубоко критическим и революционным. Практика революционного преобразования мира есть первая и основная точка зрения теории познания диалектического материализма.

Маркс и Энгельс рассматривали свою философскую и политическую задачу не как нечто обособленное друг от друга, а как одну и ту же общую задачу своей научно-революционной деятельности. «Подобно тому, — писал Маркс, — как философия находит в пролетариате свое материальное оружие так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие... Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 428—429).

Диалектический материализм развивался, все более и более овладевал сознанием широких революционных масс именно потому, что сила его крепла в огне классовых битв Коммунистической партии с врагами пролетарского движения. У самых истоков возникновения и формирования научной философии пролетариата Маркс решительно подчеркнул, что эта философия должна быть партийной, глубоко революционной, не должна отступать «перед столкновением с властями предрешающими». Философия должна быть теоретическим оружием

коммунистической борьбы рабочего класса, она должна дать пролетариату научно обоснованный лозунг его борьбы, т. е., как указывал В. И. Ленин, суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия.

В соответствии с таким пониманием задач и существа философии Маркс и Энгельс превратили философию в теоретическую основу стратегии и тактики борьбы международного пролетариата за ниспровержение капитализма и построение социалистического общества. «Основную задачу тактики пролетариата, — писал В. И. Ленин, — Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания» (Соч., т. 21, стр. 58). Не удивительно поэтому, что в конце XIX и начале XX века буржуазная «критика» марксизма и ревизионизм так усиленно старались «отделить» в учении научного коммунизма экономическую и историческую теории от диалектического материализма, «доказать» возможность их независимого друг от друга существования, возможность «соединения» этих теорий с идеалистической и метафизической философией.

В конце XIX века между революционным марксизмом и буржуазной идеологией развернулась особо напряженная философская борьба. Она явилась отражением ожесточенной классовой борьбы революционного марксизма за демократию и социализм против развивавшейся империалистической реакции. Пытаясь «спустить на слом» диалектический материализм, «отделить» от него экономическую и историческую теории Маркса, буржуазная «критика» и ревизионизм опопшляли марксистскую теорию социализма, выхолощивали ее революционное содержание и в таком карикатурно изуродованном виде ставили на службу политики оппортунистического разложения рабочего движения. Идеализм, выполняя строго определенную классовую задачу, являлся теоретическим средством проведения в жизнь политики либеральной буржуазии и ревизионизма, пытавшихся примирить рабочий класс с буржуазным обществом, проложить тем самым путь победы империалистической реакции над демократией и социализмом.

Объективной основой нового расцвета буржуазной «критики» и ревизионизма в конце XIX и в начале XX века явилось возникновение союза известной высокооплачиваемой и организованной части рабочего класса и мелкой буржуазии со «своей» национальной, империалистически развивавшейся крупной буржуазией.

* * *

Буржуазное общество к концу XIX столетия вступило в новую полосу своего развития, империализм стал господствующей системой. На рубеже двух веков — XIX и XX — совер-

шился поворот от господства капитала вообще к господству финансового капитала. На этой основе из всех государств выдвинулись государства, обладающие наибольшей финансовой мощью, создавались государства-рантье, государства-ростовщичьи, буржуазия которых стала жить вывозом капитала и стрижкой купонов. Решающее значение приобрел вывоз капитала, что накладывало отпечаток паразитизма на жизнь стран, сосредоточивших у себя огромные денежные богатства.

Мир оказался разделенным на небольшую группу так называемых «великих держав» и подавляющее большинство угнетенных, зависимых и колониальных стран. Установилась, как указывал В. И. Ленин, всемирная система угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран всего остального человечества. В период с 1788 по 1893 год Англия, например, захватила в Африке промадные пространства — от Бечуаналенда до Бельгийского Конго. В Восточной Африке с 1886 по 1890 год Англия захватила Джабаленд и Кению, в Юго-Восточной Азии — ряд Малайских островов. Размеры тогдашней богатейшей английской колонии — Индии были значительно расширены захватом в 1876 году Белуджистана и в 1885 году — Бирмы.

По данным Р. Палм Датта (Britains Crisis of Empire By R. Dalme Datta, 1949), колониальные владения Англии с 1884 по 1900 год, т. е. за шестнадцать лет, увеличились на 3700 тысяч кв. миль. К 1914 году общая площадь Британской империи равнялась 12,7 миллиона кв. миль, из которых на метрополию приходилась ничтожно малая часть.

Вслед за Англией в конце XIX века устремились в Африку и Юго-Восточную Азию и другие хищники империалистического мира — Германия, Франция, Италия, Япония, Бельгия. Франция, например, превратила в свою колонию огромную территорию от Сенегала до западных праниц Дорфура и от Средиземного моря до Габана. В Юго-Восточной Азии колониальная экспансия Франции сосредоточилась в Индо-Китае.

Германия, захватив в 1885 году владения занзибарского султана в Восточной Африке, создала впоследствии на этой базе крупнейшую колонию — Немецкую Восточную Африку.

К концу XIX столетия Италии удалось создать новую колонию на побережье Индийского океана — Итальянское Сомали.

С 1786 года шесть капиталистических стран — Англия, Россия, Франция, Германия, США и Япония — увеличили размеры своих колониальных владений с 40,4 миллиона кв. км с 272,6 миллиона жителей до 81,5 миллиона кв. км с 960 миллионами жителей.

Империализм подчинил все слои имущих классов финансовому капиталу. В государствах-рантье снизился процент

производительного населения и вырос многочисленный слой людей, профессией которых стала праздность. Все имущие слои населения «великих держав» так или иначе оказались **заинтересованы** в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации. Кроме того, получение монопольно-высокой прибыли давало империалистам возможность подкупать и отдельные прослойки рабочих, развращать их. К XX веку создалась связь империализма с многочисленными слоями угнетающей нации — основа реакционных увлечений перспективами процветания «своего», «отечественного» капитализма, основа «обуржуазивания» части рабочего класса, роста оппортунизма в рабочем движении, смыкания буржуазной «критики» с ревизионизмом.

Конец XIX и начало XX вв. характерны, как эпоха парламентаризма и создания новых массовых организаций, ставящих перед собой задачу пропаганды идей классового сотрудничества. В Англии тредюнионы, в Германии гиршдункеровские рабочие союзы ревностно защищали точку зрения «гармонии интересов труда и капитала». «В современном обществе, — писал Э. Д. Бернштейн, предельно четко формулируя теоретическую позицию международного оппортунизма, — общий интерес играет большую роль по сравнению с частным. Классовые интересы отступают, сила общего интереса увеличивается». (Очерки по истории и теории социализма, изд. 1902 г., стр. 318—319).

Такое представление как нельзя более отвечало политике либеральной буржуазии, выражало суть ее «критики» революционного марксизма. Это представление требовало своего «теоретического» обоснования, последней цели наиболее полно отвечала философия неокантианства, ставшая в конце XIX и в начале XX вв. знаменем борьбы либеральной буржуазии против революционного марксизма.

* * *

Раскрывая связь либерализма и социалистического оппортунизма, В. И. Ленин указывал, что когда социализм был слаб и только еще развивался, борясь за свое существование, против него стояла буржуазия, как поднимающийся вверх класс. Она тогда смело и последовательно защищала либерализм, как цельную систему политических и экономических воззрений. К концу XIX столетия, когда буржуазия стала опускающимся, гибнущим, умирающим классом, а социализм, отстаивавший свое право на существование, вырос и окреп, либерализм изжил себя, обнаружил несостоятельность, пнилость. Период с 1872 по 1904 год характерен тем, что Запад с буржуазными революциями покончил, а Восток до них еще не дорос (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 545). Учение Маркса

одерживает в этом периоде полную победу и идет вширь, завоевывает непререкаемый авторитет в международном рабочем движении. Социализм вырос в могучую партию, приводящую в трепет весь официальный мир. «У нас есть товарищи, — говорил в 1893 году Ф. Энгельс, — в тюрьмах, Сибири, на золотых приисках Калифорнии, везде, вплоть до Австралии... Мы — великая держава, внушающая страх, держава, от которой зависит больше, чем от других великих держав. Вот в чем моя гордость!» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 370). Попытки теоретиков буржуазии открыто выступить против марксизма и поколебать рост его авторитета среди рабочих одна за другой оканчивались неудачей. «Диалектика истории такова, — писал В. И. Ленин, — что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне-спивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*» (Соч., т. 18, стр. 546).

Либерализм, воскрешающийся в виде социалистического оппортунизма, выступал теперь в качестве острейшего оружия борьбы против революционной демократии и ее теоретического знамени — марксизма. «Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, — писал В. И. Ленин, — и за 20 лет русские социал-демократы познакомились досконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма», — *очищенного* от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы-признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «лемагогической», «бланкистско-утопической» стороны его» (Соч., т. 21, стр. 197).

Среди прочих причин, способствовавших развитию процесса воскрешения либерализма в виде социалистического оппортунизма, В. И. Ленин отметил три основных:

1. Правда марксизма все более подтверждалась наукой. Поэтому с марксизмом приходилось бороться лицемерно, выхлащивая его революционную душу софизмами.

2. Развитие оппортунизма среди социал-демократических партий поддерживало такую «переделку» марксизма. Внутри социал-демократических партий вырос целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, которые срослись со своей национальной буржуазией и которых вполне сумела оценить и «приспособить» буржуазия.

3. Огромные сверхприбыли, получаемые империализмом

от эксплуатации колониальных народов, дали возможность подкупить значительные слои мелкой буржуазии и верхушку рабочего класса. Образовался союз известной части рабочего класса и мелкой буржуазии со «своей» национальной буржуазией, против угнетенных масс всех наций. «Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепедают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «спрувизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс всех наций» (В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 198).

Социалистический оппортунизм явно обнаружил себя еще при жизни Маркса и Энгельса.

Энгельс в письме к Марксу от 7 октября 1858 года уже писал, что «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается» (К. Маркс и Ф. Энгельс. «Об Англии», 1952, стр. 437).

В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» (там же, стр. 457).

Английская нация, — указывал Энгельс, — по-видимому, хочет довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. (См. там же, стр. 437).

Ленин дал следующую оценку состояния рабочего класса Англии конца XIX столетия: «Английские рабочие в силу целого ряда особых исторических причин оказались в последней трети XIX века зависимыми от либералов, пропитанными духом либеральной рабочей политики. Они оказались не во главе народов и классов, борющихся за свободу, а в хвосте презренных лакеев денежного мешка, господ английских либералов» (Соч., т. 20, стр. 131—132).

Пролетарская масса Англии, по оценке В. И. Ленина, была совершенно дезорганизована и деморализована переходом меньшинства наилучше поставленных, квалифицированных, сплоченных в союзы рабочих на сторону буржуазной политики (см. Соч., т. 21, стр. 233). Английская либеральная буржуазия сумела на десятилетия идейно развратить и поработить большинство сознательных рабочих (см. Соч., т. 20, стр. 245).

Крайне опасным для международного революционного социалистического движения было и состояние рабочих партий во Франции конца XIX и начала XX веков. В. И. Ленин отмечал, что во Франции традиции республиканского мелкобуржуазного радикализма превратили очень многих рабочих в сторонников «радикальной» буржуазной партии или не менее буржуазного анархизма (см. Соч., т. 20, стр. 246).

Период 1882—1890 гг. был во Франции эпохой беспорывной борьбы и расколов внутри социалистического рабочего движения. Молодая рабочая партия, не успев освободиться от анархистских элементов, оказалась лицом к лицу с оппортунистическим крылом — POSSИБИЛИСТАМИ, организованными «Французскую рабочую социалистическую партию».

В 1890 году от рабочей партии отделилась группа «аллеманистов», которая позже объединилась с группой бланкистов в «Коммунистический союз». В начале 90-х годов возникла так называемая «Федерация независимых», в которую вошли преимущественно мелкобуржуазные интеллигенты. Бланкисты также отделились от рабочей партии, организовав партию социалистов-революционеров. Рабочее социалистическое движение к концу XIX столетия раздробилось на шесть самостоятельных организаций, между которыми шла непрерывная борьба.

В начале XX столетия произошло слияние этих организаций в две большие партии — социалистическую партию Франции (гедисты, бланкисты) и реформистскую Французскую социалистическую партию (жоресисты). В 1905 году обе эти партии объединились. Социалистическое движение как бы консолидировалось, но эта консолидация сопровождалась подавлением революционных элементов в гедизме, подчинением революционного крыла социалистического движения Франции оппортунистическому. Революционная партия Геда перешла в лагерь социал-национализма.

Уже с начала XX столетия гедисты отказывались от руководства стачками и стремились вывести массовое движение на тредьюнионистский путь соглашения с предпринимателями. В первом десятилетии XX века партия Геда без остатка была поглощена партией социальных реформ, скатилась в пропасть черной измены делу социализма и демократии.

Особо благоприятную почву для одурманивания сознания рабочих масс империалистическая реакция имела в Германии.

В. И. Ленин писал в 1914 году о положении рабочего класса Германии: «В Германии полвека тому назад рабочие шли еще за либеральным Шульце-Деличем и поддавались «национал-либеральным» (в то же время «королевски-прусским») оппортунистическим шатаниям Лассалля и Швейцера, а теперь сотни тысяч рабочих идут за играющим в «демократизм» католическим центром». (Соч., т. 20, стр. 246).

Немецкое рабочее движение — единственная возможная реальная сила в борьбе с политической реакцией — было развращено в начале его развития лассальянцами и впоследствии оппортунистами, ставшими к концу XIX столетия опорой хищнической империалистической политики германских магнатов финансового капитала.

Чтобы окончательно подчинить себе и превратить немецкий народ в послушное орудие своей грабительской политики, империалистам Германии необходимо было вырвать рабочий класс из-под влияния марксизма. Эта задача была возложена в конце XIX века на так называемых ревизионистов, во главе с предателем интересов социализма и демократии Эдуардом Бернштейном. Последний взял на себя обязанность теоретического обоснования «нового направления» в социал-демократии и вместе со своими друзьями К. Шмидтом, Адлером и другими изменниками рабочему классу опубликовал в конце XIX столетия ряд работ, ставших евангелием международного оппортунизма. Э. Бернштейн стал признанным теоретиком социал-национализма II Интернационала, все буржуазные рабочие партии объединились под знаменем бернштейнианства.

* * *

Политика разложения «изнутри» революционного рабочего движения, поиски путей установления классового мира и единства нации во имя защиты «своего» капитализма объединили буржуазную «критику» Маркса и ревизионизм в единый международный фронт борьбы против революционного марксизма. Философским основанием этого фронта и явился идеализм.

Под флагом идеализма мобилизовывались все силы старого буржуазного общества против живых революционных сил социалистического лагеря, еще и еще раз практически подтверждающая объективную связь философии и политики, партийность философии.

Как никогда, политика буржуазии, направляемая на оппортунистическое разложение рабочего класса, требовала насаждения среди народных масс идеализма, противопоставления его материализму. Идеалистическое миропонимание должно было связать революционную активность народных масс, отвлечь рабочий класс от выполнения им его основной исторической задачи — роли гегемона в борьбе демократии против империализма, одурманить сознание народов угаром шовинизма и национализма.

Конспектируя книгу известного идеолога германского империализма Шульце-Геверница «Британский империализм», В. И. Ленин записал в свою тетрадь: «Идеализм на службе у империализма». (В. И. Ленин. «Тетради по империализму», стр. 402—403). Шульце-Геверниц требовал идеалистической политики в области народонаселения, идеалистической нацио-

нальной политики, идеалистической социальной политики. «Та нация, которая сумеет осуществить, станет — на благо человечества и по воле божьей — во главе человечества» (там же). Шульце-Геверниц стремился, по заключению В. И. Ленина, «Плещом Кантианца» прикрыть империализм, ссылаясь на Канта, он претовал для Германии господствующего положения в мире.

«Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист... Награбили гг. англичане, дайте и нам пограбить, «освятить» прабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой — вот суть позиции сего «ученого»!!» (В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 392).

Идеологи буржуазии пытались реакционно оформить чувство растерянности народных масс перед лицом неизбежно обострившихся противоречий общественной жизни. Они великодушно сознавали, что тех, кто потерял ясность перспективы, перестал правильно понимать действительность, сомневался в собственных силах и ждал избавления от тяжестей жизни только от сверхъестественного случая, «чуда», от появления «национального героя», легко увлечь дешевой демагогией на ложный политический путь. Именно поэтому буржуазия отдавала предпочтение таким идеалистическим философским системам, которые в наибольшей степени извращали реальную картину мира, особенно мистифицировали отношения и связи между вещами, предметами и явлениями действительности. Идеализм отравлял сознание масс ядом мрачного пессимизма, органически смыкаясь с политикой буржуазии и обслуживая ее.

В утешение «страдающему человечеству» идеалисты «создавали» мир идеала, в котором бы «тяжелое сновидение жизни» уступило место «легенде», «мечте» (см. Ф. А. Ланге, «История материализма», т. II, стр. VII). Вслед за Ланге все последующие буржуазные философы-идеалисты принялись, каждый в меру своих сил и способностей, создавать «образ идеального мира», «отпривившись от желаний, в блаженном покое склонять утомленную пытливостью голову на лоно искусства» (Виндельбанд, «Прелюдии», стр. 31). По замыслу идеологов буржуазии, философия должна была принести страдающему человечеству успокоение, навеять «умиротворяющую грусть», «окутать сознание человека «сладостным дурманом», в вдохновенные часы которого человек забывает свою тяжелую жизнь и в нем «распространяется вневременная вечность» (Виндельбанд, «Прелюдии», стр. 309).

Содержание идеалистической философии превратилось в краеугольный камень реакционного идеологического фундамента империалистической кровавой политики. С точки зрения идеалистической философии обосновались теория национальной исключительности, идея мирового господства

одного народа, «избранного» «сверхъестественной силой», над всеми остальными народами. Идеалистическая теория прославляла «героев», «перводвигателей» исторического движения общественной жизни и принижала роль народной массы, низводя народ до степени тупой, бездушной, косной толпы, лишенной творческой инициативы. Буржуазное государство превращалось в «земно-божественное» существо, диктатура «избранных духа», авантюристов на троне окружалась ореолом святости. Отравленные ядом уточненной идеалистической религиозной фантазии обезволивались трудящиеся массы, человек лишался подлинно человеческих качеств, — все было направлено на опустошение интеллекта, на превращение живого и жизнеспособного существа в механический автомат, слепо и беспрекословно исполняющий веления носителей мистической «всеобщей» воли, «мирового духа», «провидения» и т. д. и т. п.

Первое место в системе империалистического воспитания народов заняла к концу XIX столетия идеалистическая философия неокантианства.

Из кантовской философии предварительно тщательно вытравлялись все ее положительные, прогрессивные элементы, а реакционные стороны воскрешались, модернизировались в качестве идеологической формы выражения политической реакции, рожденной империализмом.

Буржуазия в конце XIX столетия пыталась создать в своих странах империалистическое единство. С этой целью она, опираясь на подкупленную часть рабочих и их оппортунистических вождей и теоретиков, принялась создавать свой «империалистический социализм». Империалистическая буржуазия хотела иметь «свое отечество» без революционизирующих и мешающих ее подготовке к захватническим войнам элементов. Она мечтала о таком «единстве» нации, при котором абсолютное большинство народа было бы слепым исполнителем ее воли и ей можно было бы без всякого сопротивления и борьбы, свободно, не беспокоясь за свой тыл, осуществлять прабительскую внешнюю политику. Она предлагала рабочим «социализм», сущностью которого являлось обеспечение буржуазного «спокойствия» внутри страны, империалистическое единство нации, превращение нации целиком в нацию угнетательницы, нацию империалистического разбоя.

Собственно, этот «империалистический социализм» был дальнейшим развитием того буржуазного «социализма», суть которого была прекрасно вскрыта в «Манифесте Коммунистической партии». «Предлагая пролетариату осуществить его системы и вступить таким образом в новый Иерусалим, этот социализм, в сущности, требует только, чтобы рабочий продолжал жить в буржуазном обществе, но перестал его ненавидеть», (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 508—509).

К концу XIX столетия появились специальные работы, «обосновывающие» социализм с точки зрения кантовской идеалистической философии. Большая часть новых «теоретиков социализма» неокантианского толка сгруппировалась в Германии в так называемой марбургской школе неокантианцев (Ланге, Коген, Натторп, Штамлер, Бернштейн, В. Адлер, К. Шмидт и др.). «Социализм» немецких неокантианцев и явился воскрешением в новой, модернизированной форме старого, убитого Марксом и Энгельсом «истинного» «немецкого социализма».

Из Германии эта тусовая попытка подменить пролетарский социализм Маркса разлагающимся трупом немецкой реакционно-идеалистической теории была подхвачена и перенесена во все страны Европы.

«Социалисты» из лагеря империалистической реакции требовали обоснования общественных идеалов человечества с точки зрения работы Канта «Критика практического разума». Реакционно извращая и самого Канта, они предлагали, во-первых, радикально отказаться от материализма, как теоретического фундамента марксовой теории научного социализма; во-вторых, признать идею бога и необходимость веры в него в качестве «регулирующего и руководящего принципа» общественной теории; в-третьих, считать государство и общество отражением абсолютной идеи, идеи ничейной, божеской, и стремиться в своей общественной деятельности к полному соответствию реальной жизни религиозному идеалу.

Неокантианцы пытались доказать, что социализм не может быть обоснован научно. Как и всякий общественный идеал, — утверждали они, — он может быть обоснован лишь средствами религии. Главная задача человека будто бы понять то, что предначертано планом божественного провидения. Социализм, утверждали неокантианцы, есть система нравственных идеалов, априори присущих, изначально заложенных в общественной природе человека. С такой точки зрения общественное развитие есть само собой совершающееся, постепенное осуществление этих идеалов в реальной жизни.

Идея социализма должна иметь религиозное обоснование. «Если наука переходит в философию, — писал Бердяев, — то философия переходит в религию» (Н. Бердяев, Субъективизм и индивидуализм, стр. 25).

Кантовская философия широко использовалась буржуазной «критикой» и ревизионизмом для борьбы против теории научного коммунизма. Она более чем какая-либо другая система буржуазной философии отвечала попытке либеральной буржуазии воспитать в пролетариате мешанское сознание, приучить его к мысли о необходимости классового сотрудничества. «Под флагом неокантианства можно провозить всякие товары, как хорошие, так и плохие», — признавался Бер-

дьяев («Ланге о критической философии», журн. «Мир бо-жий», июнь 1900 года).

Кант провел строгие границы между так называемым им теоретическим и практическим разумом. Это деление разума на две строго отграниченные друг от друга области и было особо использовано неокантианцами для построения реакционной теории «этического социализма». Область теоретического разума — наука, область практического разума — мораль, этика, религия, общественные идеалы. Теоретический разум не должен вмешиваться в дела практического разума, общественные идеалы — область морали, религии и они не подвластны науке, научному познанию, утверждали неокантианцы.

Маркс нарушил границы познания, установленные Кантом, — не устали повторять неокантианцы, — он вторгся в область религии, этики, морали, в царство практического разума, где нет места науке, он дает научное обоснование социализму, между тем, «социализм прав, — писал Коген, — поскольку он имеет в основании идеализм этики и идеализм этики служит социализму обоснованием» (предисловие к книге Ланге „ges. hichte des Materialismus“ стр. (XV).

Нравственный закон, выведенный Кантом как закон, совершенно не связанный с опытом, как «чистый» от эмпирической действительности, идеальный, как заповедь бога, был воспет неокантианцами на все лады. Этот закон был положен ими в основание «этического социализма», во-первых, потому, что социализм таким путем отвлекался, отделялся от реальной общественной жизни, от классовой борьбы, перемещался в область «чистой» «внеклассовой», «общечеловеческой» морали; во-вторых, потому, что «социализм», будучи понимаем как общечеловеческий нравственный закон, заведомо объявлялся неосуществимым. Нравственный закон по Канту есть лишь «добрая воля», неосуществимая на практике, есть стремление без эмпирического существования. «Истинная действительная связь социализма, — писал Форлендер, — с критическим идеализмом основывается на чисто моральном, на выводах (которые Кант сам на практике не всегда делал), из простых и возвышенных формул категорического императива». («Кант и социализм», стр. 16).

Мы «признаем» социализм, но лишь как систему нравственных идеалов, «изначально» заложенных в природу человека, — утверждали неокантианцы. Социализм — идеал, а идеал есть первичное по отношению к действительности и действующим в ней силам, идеал находится вне науки, «выше ее», сама реальность должна явиться отражением идеала.

Реакционные стороны и сущность кантовской идеалистической философии на протяжении XIX столетия трижды бы-

ли использованы в качестве орудия выхолащивания революционной сути возникавших новых прогрессивных учений.

Первый раз идеологи немецкой буржуазии опозлили революционные идеи французской буржуазной революции, превращая материально-мотивированную волю революционной французской буржуазии XVIII века в «добрую волю» немецкого мещанина, мечтавшего об итогах французской буржуазной революции, но без самого революционного процесса, без восстаний народных масс, без крови и волнений, перенесшего осуществление этой «добрай воли» в потусторонний мир.

Вторично идеалистическая философия была привлечена немецким мещанством для обезвреживания рационального зерна утопического социализма, для борьбы с запугавшим имущие классы Европы призраком коммунизма.

И, наконец, когда появилась смертельная угроза для самого существования мира наемного рабства — всепобеждающая теория научного социализма Маркса — империалистическая буржуазия вновь привлекла идеалистическую философию, как испытанное идеологическое средство выхолащивания прогрессивного содержания революционных идей. «Кант против Маркса» — таков был общий международный лозунг либеральной буржуазии и ее агентуры в рабочем движении в конце XIX и в начале XX столетий. Во всех странах Европы теоретики либеральной буржуазии занялись проповедью реформизма, обоснованием национал-социализма. Появились толстые «труды» теоретиков и идеологов империалистической буржуазии, посвященные критике марксизма, выхолащиванию из учения Маркса его революционной сути, приспособлению марксизма к нуждам и запросам социал-шовинизма.

* * *

Ревизионисты во главе с Бернштейном целиком восприняли неокантианскую философию либеральной буржуазии. Тщетно было бы искать у них что-либо новое, оригинальное. В теоретическом походе против революционного марксизма они послушно следовали по стопам буржуазной «критики» Маркса. Усвоив идеи «этического социализма», ревизионисты отрицали возможность научного обоснования социализма, объявляли несостоятельным понятие о «конечной цели» социалистического движения международного пролетариата, отвергали идею диктатуры пролетариата, теорию классовой борьбы.

Превращение социализма в нравственный идеал, не связанный причинно с действительностью, с реально существующими общественными отношениями, делало из него нечто потустороннее. В соответствии с требованиями категорического императива Канта, для такого социализма важно само стрем-

ление к нему, а не осуществление, движение к нему как к цели, а не практическое становление. Социализм как цель бесконечно отдалялся, он как цель, — говорил Бернштейн — ничто по сравнению с движением к нему.

Ревизионизм к XX веку целиком сомкнулся с буржуазной «критикой» всех основных идей марксизма. По своему содержанию ревизионизму не приходилось развиваться и складываться, это содержание целиком было заимствовано из буржуазной литературы. И не удивительно, — заметил В. И. Ленин, — «что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера» (Соч., т. 5, стр. 326).

Неокантианство позволяло ревизионистам вести тонкую игру: они за социализм, но социализм, «этически» обоснованный, за революцию, но революцию, понимаемую не как высшее выражение классовых битв рабочего класса против буржуазии за слом государственной машины капиталистического рабства, за установление диктатуры пролетариата и ликвидацию частной собственности на орудия и средства производства, — нет, с их точки зрения «революцию» надо было понимать как процесс овладения априори данными моральными нормами и постулатами, перед которыми бледнеют классовые противоречия. Ревизионисты «принимали» основные положения экономической и исторической теории Маркса, но только требовали философского обоснования этих положений по Канту.

Классики марксизма-ленинизма не раз подчеркивали органическую взаимосвязь диалектического материализма и экономической и исторической теорий марксизма. Разрыв этой связи означал на деле глубокое извращение и философской, и экономической, и исторической теории Маркса; они переставали быть собственно марксистскими, переставали выражать мировоззрение рабочего класса, его коренные экономические и политические интересы. Партийное, глубоко революционное общественное значение всех трех теорий Маркса раскрывается именно в их органической взаимосвязи. Вне этой связи они не могут ни существовать, ни развиваться. Ревизионизм, сомкнувшийся с буржуазной «критикой» Маркса, в конце XIX и начале XX века как нельзя более продемонстрировал величайшую опасность нарушения взаимосвязи составных частей учения Маркса для всего международного социалистического движения пролетариата.

«Все мещанские течения в социал-демократии, — писал В. И. Ленин, — воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (Соч., т. 34, стр. 336).

Э. Д. Бернштейн — отец международного оппортунизма в социал-демократическом движении, — стремясь «пустить на слом» диалектический материализм, открыто провозгласил сво-

им знаменем неокантианство. Летом 1897 года он опубликовал в теоретическом органе Германской социал-демократической партии «*Neue Zeit*» серию статей «Проблемы социализма». «...Социал-демократии, — писал Бернштейн, — нужен новый Кант, который направил бы оружие своей критики против устарелых взглядов, который доказал бы в чем кажущийся материализм есть величайшая и потому легко сбиваемая с пути идеология...» («Исторический материализм» СПб 1905, стр. 330). «Если бы я не боялся, — продолжал он, — быть не верно понятым... я заменил бы выражение — «вернемся к Канту» — выражением: «вернемся к Ланге» (там же, стр. 331).

В своем призыве отказаться от диалектического материализма Бернштейн не был одиноким среди теоретиков международной социал-демократии. Требования примирить Маркса с Кантом, вернуться к Канту и т. д. объединили к концу XIX века весь оппортунистический лагерь II Интернационала. Сподвижник Бернштейна по ревизионистским делам В. Адлер, например, нашел уместным в некрологе об умершем Энгельсе (1895 год) призвать к замене материалистического обоснования социализма неокантианским. Жорес в реферате об идеалистическом понимании истории, опубликованном в «*Neue Zeit*» (XIII, 2), заявил: «Я не хочу ставить материалистическое понимание по одну сторону перегородки, а идеалистическое по другую. Они должны проникать друг друга, как в ограниченной жизни взаимно проникают друг друга механизм мозга и сознательная воля». Вольтман, разделяя общее требование оппортунистов вернуться к Канту, дополнительно «примирял» марксизм с социальным дарвинизмом, а Штаудингер — с махизмом.

* * *

Рабочие лейтенанты империалистического мира, высказывая откровенную заинтересованность в сохранении существующего рабства, не могли публично провозгласить себя душеприказчиками реакции. Свою политику единения с империализмом, они прикрывали демагогией, выражением которой и являлся развиваемый ими «этический социализм». Ревизионистам приходилось маскироваться, принимать тон высокой моральности. Маркс давно уже отметил, что чем более развиваются противоречия буржуазного общества, тем более идеология господствующего класса пропитывается лицемерием.

Эдуард Бернштейн с достаточной определенностью сформулировал основное требование международного оппортунизма: социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в партию социальных реформ, научный социализм Маркса в «этический социализм» Ланге-Когена. «Социал-демократия должна иметь мужество признать себя тем,

чем она на деле уже стала, — говорил Бернштейн, — именно: демократическо-социалистической партией реформ». («Исторический материализм», СПб., 1901, стр. 291). Феодализм должен был быть насильственно уничтожен, буржуазное общество не нуждается в насильственной ликвидации, оно само собой «вырастет в социализм» (Эд. Бернштейн, «Очерки по теории и истории социализма», СПб., 1902, стр. 160). «Либеральные учреждения современного буржуазного общества... не приходится уничтожать, а только развивать» (Эд. Бернштейн, «Исторический материализм», стр. 249).

Борьба против самого существования революционной партии, против теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата — таково преобладание Бернштейна, которое он оставил, как говорил В. И. Ленин, целой батареей довольно согласованных «новых» аргументов и соображений.

Венцом всей социальной демагогии бернштейнцев, ее конечной целью была усиленная работа по оправданию подготовки германского империализма к империалистическим войнам, проведению колониального грабежа. Ревизионисты утверждали, что социал-демократия должна отказаться от принципиальной борьбы против расширения рынков. Колониальная политика будто бы способствует развитию производительных сил и национального богатства. «А в росте национального богатства заинтересованы и рабочие», — писал в работе «Очерки из истории и теории социализма» Эд. Бернштейн. Он требовал от социал-демократии одобрения захватнических агрессивных устремлений германского империализма, в частности одобрения захвата Германией Клау-Гжоуской бухты Китая, завоевательной политики на Дальнем Востоке. «Германской социал-демократии совершенно нечего опасаться колониальной политики» (Эд. Бернштейн, «Очерки по истории и теории социализма», стр. 258).

Бернштейн, а за ним и все оппортунистические партии Европы требовали решительно стать на защиту национальных интересов «своего» империализма. «Германская социал-демократия, — писал Бернштейн, — не должна допустить, чтобы Германия была оттеснена на задний план» (Там же, стр. 262—263). Бернштейн проявлял особое беспокойство, боясь, что при разделе Китая между империалистическими странами Германия может оказаться обойденной. Германия должна добиться, призывал он, «чтобы относительно всех вопросов, касающихся Китая, Германия имела бы решающий голос. «Захват» Клау-Гжоуской бухты является лишь приобретением гарантии будущих интересов Германии в Китае» (Там же, стр. 267).

Германия должна иметь собственные колонии — требовал Бернштейн. «Если мы примем в соображение, что Германия в настоящее время ежегодно ввозит все возрастающее количест-

во колониальных продуктов, — то мы должны признать, что может настать время, когда было бы желательно, чтобы хотя бы часть этих продуктов **возилась** из собственных колоний» (Там же).

Предвосхищая современное империалистическое варварство во внешней политике Эд. Бернштейн писал, что «право диких на занимаемую ими территорию может признаваться лишь условно. На стороне высшей культуры здесь должно быть и высшее право» (см. там же).

Ревизионизм бернштейнцев был с ликованием встречен буржуазной реакцией. В адрес Бернштейна, Шмидта и др. посыпались со стороны реакции шумные поздравления. Так, немецкий буржуазный экономист Юлиус Вольф, «известный социалистоед», (по выражению Г. В. Плеханова), писал о Бернштейне, что важность его выступлений не может быть переоценена. Вольф верно характеризовал ревизионизм Бернштейна, как объявление войны революционному марксизму, как «удар кулаком в лицо современной социалистической теории» (см. об этом у Г. В. Плеханова «О мнимом кризисе марксизма». Избранные философские произведения, 1956, т. II, стр. 334—335). «Вновь восходящее солнце Канта, — писал матерый идеолог германского империализма Шульце-Геверниц, — затмило звезду Маркса» («Маркс или Кант», СПб., 1909, стр. 5).

Теория «этического социализма», заимствованная ревизионизмом от идеологов либеральной буржуазии, являлась средством подмены революционной тактики борьбы рабочего класса против буржуазии, политикой либеральной буржуазии. В этом собственно и состоял глубокий реакционный смысл ревизионистской игры в неокантианство. Философия, не раз указывали классики марксизма-ленинизма, не может быть не классовой, не партийной, она по существу своему всегда органически связана с политикой того или иного класса, той или иной партии, всегда служит теоретической основой той или иной классовой политики. Не может быть философии, «чистой» от политики, философия, замкнутой в себе. Такая философия была бы никому не нужной, ее существование было бы невозможным.

«Не за теорию только хвалили Бернштейна буржуазия, — писал В. И. Ленин, — и даже собственно вовсе не за теорию. Буржуазии плевать на все теории. Буржуазия хвалила немецких с.-д. правого крыла за то, что они указывали иную тактику. За тактику хвалили их. За тактику реформистов в отличие от тактики революционной. За признание главной или почти единственной борьбы — борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна. Его хвалили буржуа за *притупле-*

ние противоречий между трудом и капиталом в эпоху «накануне социалистической революции» (Соч., т. 10, стр. 322).

Неокантианство являлось теоретической основой тактики, удобной буржуазии, тактики, уводящей рабочих от классовой борьбы в область буржуазной морали, превращавшей социализм пролетарский в социализм буржуазный, в реакционную утопию. Не удивительно поэтому, что бернштейнианство стало модой в лагере врагов марксизма «...Против этой моды, — констатировал В. И. Ленин, — не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч.» (Соч., т. 5, стр. 335).

Русское звено международной буржуазной «критики» и ревизионизма в конце XIX века

Русское звено международного фронта буржуазной «критики» и ревизионизма составляли в конце XIX и в начале XX века так называемые «легальные марксисты».

Основные идеи «легального марксизма» далее в России были подхвачены и развиты «экономистами» и меньшевиками. «Легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм», — писал В. И. Ленин, — представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции» (Соч., т. 13, стр. 95). Легальный марксизм-экономизм-меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью» (там же).

Своеобразие общественной жизни России конца XIX и начала XX века сводилось к борьбе классовых носителей двух враждебных друг другу способов или путей развития капитализма, оплетенного особо густой сетью докапиталистических отношений. Буржуазия в России была и либеральна и контрреволюционна. По своему экономическому положению в отсталой и полукрепостнической стране буржуазия не могла не стремиться к политической свободе, но еще больше чем реакция она боялась народной революционности, самодетельности и инициативы. Мечта о реформах и боязнь полоротить отношения с крепостниками, которые не только не давали реформ, но и отбирали назад уже данные, боязнь потерять помощь крепостников были характерны для либеральной буржуазии в России.

Наиболее последовательным революционным демократом связь буржуазии с крепостниками была ясна уже в 1861 году. Н. Г. Чернышевский ясно указал на бесповоротность враждебного отношения русского либерала к развитию революционного движения крестьянства, понимал, что реформа 1861 года есть «мерзостная сделка» между либералом и помещиком.

Русская буржуазия видела за своей спиной могучего и непримиримого противника — русский пролетариат — жадно учившегося, вбиравшего в себя опыт классовых столкновений в странах Западной Европы. Интересы борьбы с ростом рабочего движения подчинили себе интересы борьбы русской буржуазии с крепостничеством.

Чичерин, Кавелин и др. вожди и теоретики либерализма эпохи реформы 1861 года, запуганные бурными днями 1848 года в Европе, запуганные многочисленными волнениями и восстаниями крестьян в России, стали на путь примирения с крепостниками, заключили с ними союз против революционного демократизма, во главе которого стоял Н. Г. Чернышевский.

Вымалывая у крепостнического государства мелкие реформы, либеральная буржуазия укрепляла союз с помещиками против революционно-демократического крестьянского пути развития капитализма в России. В этом была суть политики пореформенного либерализма. Эта политика была усвоена и унаследована вождями и теоретиками буржуазно-либерального движения 90-х годов XIX столетия. Замазывая противоречия капитализма, относя нужду, нищету, голод и разорение крестьян за счет «перенаселения», призывая рабочего идти на «выучку» к капитализму, защищая капитализм, эти вожди и теоретики буржуазного либерализма одновременно выполняли и задачи охранения крепостнического государства. **Создавался и креп классовый союз русской буржуазии с помещиками против революционно-демократических интересов крестьян.**

Русская буржуазия стала на путь развития капитализма сверху за счет интересов крестьян. Этот путь развития капитализма означал, что старое помещичье хозяйство, тысячами лет связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Весь аппаратный строй государства, в конце концов, должен был стать капиталистическим, но надолго сохраняя при этом крепостнические черты и главные устои старой «надстройки».

Философским выразителем интересов классовых носителей буржуазного преобразования России сверху в конце XIX столетия и были «легальные марксисты». В этом своем качестве они восприняли и перенесли на русскую почву неокантианство, приспособивая его к обслуживанию нужд и запросов русской либеральной буржуазии. В своих философских «изысканиях» они с наибольшей отчетливостью и полнотой проявили в России все основные идеи объединенного международного фронта буржуазной «критики» и ревизионизма. Разоблачение научной несостоятельности и реакционности философии «легальных марксистов» поэтому являлось и разоблачением всего международного фронта буржуазной «критики» и ревизионизма. Борьба революционного марксизма в России против

«легального марксизма» перерастала по своему объективному содержанию в борьбу против международного ревизионизма и буржуазной «критики» в целом.

Носителем противоположного прусскому пути развития капитализма в России явилось крестьянство, заинтересованное в крутой ломке и разрушении всех остатков крепостничества и крупного землевладения, прежде всего, всех главных устоев старой «надстройки». В борьбе за этот путь развития капитализма крестьянство неминуемо сталкивалось с прямым сопротивлением со стороны либеральной русской буржуазии, с ее поддержкой и защитой помещиков. «Школа капиталистической буржуазии, — писал В. И. Ленин, — для русских крестьян есть школа измен и предательства либеральной буржуазии (которая предавала крестьян помещикам и абсолютизму)...» (Соч., т. 34, стр. 374).

Для крестьянской массы, в соответствии с ее противоречивым классовым строением, мелкобуржуазностью, антагонизмом различных классовых тенденций, было характерно колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом. «Буржуазная демократия России, — писал В. И. Ленин, — т. е. в первую голову крестьянство, колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения» (Соч., т. 20, стр. 102).

Ярким идейным выразителем этого колебания и являлось в конце XIX столетия либеральное народничество. «Сущность народничества, — писал В. И. Ленин, — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа» (Соч., т. 1, стр. 375).

В. И. Ленин указывал на необходимость строгого различения идеологии революционного народничества от идеологии либерального народничества. Революционные народники представляли интересы крестьянства, в котором процесс классовой дифференциации не был еще достаточно глубоким. Эта идеология сложилась в эпоху, когда мелкобуржуазный характер крестьян еще был слабо обнаруживаем, когда народники резко отмежевывались от либеральной буржуазии, шли в народ, разделяя с ним горячую вражду к крепостному праву и всем его порождениям в общественной жизни, когда народники верили в возможность крестьянской социалистической революции.

К концу XIX века русское крестьянство уже значительно классово дифференцировалось, деревня раскололась. «Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 246).

Крестьянство быстро обезземеливалось, разорялось, отда-

но было буквально на разграбление капиталу и фиску. Вместе с тем все более и более усиливались кабала и тяжелейший гнет средневековых отношений в деревне. В прямой связи с этим ширилось возмущение, росла ненависть миллионов масс крестьян к помещичьему строю. Стремление к радикальной расправе с помещиками и помещичьим землевладением, к расчистке земли, к свободе и равноправию мелких крестьян проходило красной нитью через все многочисленные волнения и выступления крестьян. И однако, если меньшая часть крестьянства при этом поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, то большая часть крестьянства 90-х годов XIX века жила еще иллюзиями «...плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей...» (В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 184), относилась «патриархально, по-юродивому» к определению путей и выбору руководителей.

Либерально-народническая философия полностью отразила это колебание и это противоречие в движении крестьянской массы, ее растерянность, реакционную мечтательность. Избрав отправным пунктом своих теоретических изысканий волю, желание и сознание надуманной ею «критически сильной личности», наделив эту личность сверхъестественными свойствами и возложив на нее свои надежды по части переустройства общественной жизни, либерально-народническая философия создала иллюзорный мир «общечеловека», мир, являвшийся идеалистически приукрашенным отражением неизжитой еще пока наивной мечты и веры части русского крестьянства в мифическую сильную личность «благодетеля», «заступника», который «вот уж» разберется, поможет крестьянскому горю.

Отражая всей своей теоретической деятельностью точку зрения мелкого буржуа, его двойственность, его колебания между антагонистическими классами буржуазного общества, либеральные народники, с одной стороны, выражали программу общедемократических требований, осуществить которую могла лишь буржуазно-демократическая революция. В. И. Ленин подчеркнул положительные черты народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. С другой стороны, пытаясь отрицать капиталистический характер развивавшихся новых производственных отношений в деревне, считая их «случайными», «наносными» явлениями, смертельно боясь развертывавшегося революционно-освободительного движения, обострения классовой борьбы, либеральные народники пускались во всевозможные социальные прожекты, с неизменной целью «улучшить» положение крестьян на основе сохранения докапиталистических отношений. Они допускали тем самым

поразительную историческую бестактность, впадали в реакционный романтизм.

Н. К. Михайловский — глава либеральных народников — горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против проявлений крепостнического гнета, был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. В этом его большая историческая заслуга в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России. Но смешение буржуазного демократизма с социализмом у Михайловского являлось реакционной авантюрой. Попытка насадить «социализм» на основе сохранения докапиталистических отношений, да к тому же путем реформ, испрашиваемых у крепостнического государства, было выбрасыванием за борт исторического реализма, присущего русским просветителям. «В отношении практическом, — писал В. И. Ленин, — на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот это-та перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии» (Соч., т. 1, стр. 376).

Отворачиваясь от реальных фактов, либеральные народники уходили в мир бесплодной фантазии, реакционной романтики, все свои надежды на социальные перемены они связывали не с классовой борьбой демократических масс против угнетателей, а со своевременным появлением гениального ума, «критически мыслящей личности», которая поведет за собой толпу народа. «Критически мыслящая личность» должна для «бездумной» массы народа «составить тот центр, из которого рассеются во все стороны лучи правды» (см. Н. К. Михайловский, собр. соч., 1911, т. IV, стр. 460).

В. И. Ленин уже в 1894 году научно предвидел, что такая позиция либерального народничества скоро приведет их к полному отказу от демократии. История полностью подтвердила предвидение В. И. Ленина.

«Михайловский, — писал В. И. Ленин, — очень долго, свыше десятка лет, был главой и душой группы литераторов «Русского Богатства». Что же вышло из этой группы в великие 1905—1907 годы?

Вышли первые ликвидаторы среди демократии!

...Что же вышло с «открытой партией» гг. Мякотинных, Пешехоновых и прочих соратников Михайловского? Вышло полное отсутствие всякой партии, полный отрыв от масс «открытой» группы оппортунистов народничества» (Соч., т. 20, стр. 101—102).

Вслед за умалением практических задач движения неудержимо падал и теоретический уровень либерального народничества. Материализм Чернышевского теоретиками либерального народничества был подменен агностицизмом Михайловского и реализм уступил свое место реакционной мечте. Теоретики либерального народничества требовали перестать «гоняться за неуловимой и непознаваемой сущностью вещей в себе», положить в основу всех действий этику, нравственный долг. Нельзя решить вопроса — что же сущность мира есть материя, гегелевская саморазвивающаяся идея или гартмановское бессознательное (См. Н. К. Михайловский. Соч., 1909, т. 4, стр. 65). «...Между сознанием человека, — писал Михайловский, — и внешним миром находится как бы полупрозрачный занавес, не допускающий нас познать объективную истину, сущность вещей» (Н. К. Михайловский, Собр. соч., 1888, т. III, стр. 95—96).

«Представление о каком-либо предмете, — развивал далее агностическую точку зрения Михайловский, — и самый предмет принадлежат двум совершенно различным мирам, которые также мало допускают между собою какое-либо сравнение, как луна и уксус, как цвета и тоны или еще лучше, как буквы какой-нибудь книги со звуком того слова, которые они изображают» (Собр. соч., т. III, стр. 85).

Истина — это кредитный билет, находящийся в обращении, она имеет чисто условную ценность (там же, стр. 81). Каждый животный организм наделен особой, своей истиной о внешнем мире и представление мухи, ползущей по столу, об этом столе не менее истинно, чем представление о столе человека (Н. К. Михайловский, Собр. соч., 1911, т. II, стр. 88). У каждого человека, особого биологического индивида, своя истина, каждому из людей свойственно строить свои идеальные представления и понятия.

Вся эта субъективно-идеалистическая система взглядов, отрицающих объективную истину, понадобилась Михайловскому для того, чтобы построить основание для теории и волюнтаристической тактики «героев и толпы».

Люди, утверждал Михайловский, по природе своей различны. Он поделил людей на две группы: идеальные люди, высокой нравственности и одухотворенности — их незначительное меньшинство и «ползучие приспособленцы» — их большинство (См. Михайловский, Собр. соч., 1911, т. I, стр. 284). Из среды «идеальных людей» выделяются «критически мыслящие личности», призванные дать миру «приспособленцев» общественные идеалы. Все реальные факты эмпирической жизни должны быть подчинены созданному «критической личностью» общественному идеалу, должны быть истолкованы с точки зрения этого идеала. В этом будто и состоит един-

ственный смысл истории, единственный закон исторической группировки событий.

Так наивную мечту крестьянина конца прошлого столетия о всепасающей сильной личности, заступнике, «благодетеле» либеральные народники превратили в субъективно-идеалистическую систему взглядов, центральное место которой заняла реакционная идея «героя и толпы». Вся история человеческого общества была отдана либеральными народниками под нравственный надзор «критически мыслящего» героя истории и осуждена как бессмысленное стихийное сцепление событий.

Реакционность либерально-народнической философской теории сводилась к тому, что она неверие в силы народных масс доводила до степени философского принципа, третируя рабочих и крестьянские массы, как неспособные к историческому творчеству, оправдывала дезорганизованность, мелкобуржуазную расхлябанность, анархию — злейших врагов революционного освободительного движения народа.

Вся философия народничества была направлена против материализма Маркса, его диалектики. «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими «позитивистами» (В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 100—101).

Объявляя борьбу апологетическим взглядам струвистов, Михайловский, тем не менее, именно потому, что он плелся за кантианцами и махистами, примкнул к общему международному фронту «критического» похода теоретиков либеральной буржуазии против марксистской философии, деятельно поддерживал все главные клеветнические вымыслы последних. Он так же, как и все «критики» Маркса, стремился опорочить диалектический материализм, повторял клеветнический вымысел о «философской необоснованности» экономической и исторической теории Маркса, требовал в основу «социализма» положить «веления нравственного долга», этики и т. п.

По части клеветы на марксизм «критические» измышления международного и русского струвизма дополнялись «критической» диалектикой и историческим материализмом со стороны либеральных народников. Последние в своей философской борьбе против марксизма отнюдь не были оригинальными. Они в значительной степени, вслед за международным фронтом буржуазной «критики», сползли на позиции неокантианства. В системе эклектических воззрений либерального народничества неокантианство занимало почетное место.

Как бы сами теоретики либерального народничества не отмежевывались от прямых апологетов капитализма, в обла-

сти философии они, по сути дела, смыкались с ними: «А эта суть дела, — писал В. И. Ленин, — состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом. Эту суть дела с полнейшей определенностью выразил Энгельс в своем «Л. Фейербахе», когда он всех кантианцев и юмистов того времени (т. е. 80-х годов прошлого века) отнес к лагерю жалких электиков, крохоборов (Lohkacker, буквально, ущемитель блохи) и т. п.» (Соч., т. 14, стр. 192—193).

Позитивизм являлся общей и для «легальных марксистов», и для либеральных народников философской основой. Каждое из этих враждебных марксизму течений далее приспособляло позитивистскую философию для обслуживания своей особой политики.

«Легальные марксисты» в соответствии со своей классовой позицией апологетов русского капитализма пыгались насадить среди народных масс фаталистическую концепцию исторического процесса, превращающую массы в слепых рабов обожествляемой исторической необходимости. Отсюда и следовал обращаемый к рабочим призыв «легальных марксистов» — идти на выучку к капитализму.

Либеральные народники, представляя идеологию мелкого буржуа и протестуя против «ужасов» и язв буржуазного общества, разоблачая противоречивость капиталистического развития, пытались насадить среди масс насквозь порочную волюнтаристическую концепцию исторического процесса. Они скидывали со счета истории объективные законы развития, превращали историю в игру случайностей, игру произвола, низводя народные массы на степень тупой, неодушевленной толпы, наделяли «критически мыслящую личность» сверхъестественными чертами единственных двигателей и творцов общественного процесса.

И та и другая концепция исторического процесса стояли поперек дороги освободительного движения, являлись злейшими врагами рабочего класса и так или иначе смыкались в области философии с общим международным фронтом борьбы реакции против революционного марксизма.

На рубеже XIX и XX века весь идеологический аппарат международной либеральной буржуазии был приведен в движение — появились тысячи «ученых» трактатов, популярных брошюр, лекций, докладов, посвященных «критике» марксизма. Ревизионизм социал-демократии опирался на это движение, полностью смыкался с ним. Буржуазная «критика» Маркса явилась основой международного объединения ревизионистских течений и групп. «В настоящее время (теперь это уже явственно видно), — писал В. И. Ленин в 1902 году, — английские фабианцы, французские министералисты, немецкие

кие бернштейнианцы, русские критики — все это одна семья. Все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма» (Соч., т. 5, стр. 325).

Революционному марксизму нельзя было не реагировать на широко развернувшееся международное наступление буржуазной «критики» и ревизионизма, связанное с коренными сдвигами в развитии капитализма, с ясно оформившейся тенденцией раскола рабочего движения. Победа революционного пролетариата невозможна была бы без борьбы против буржуазной «критики» и ревизионизма, без разоблачения, опозорения и изгнания из рядов марксистских партий оппортунистических социал-предательских вождей.

«Ортодоксальное» руководство II Интернационала и международный ревизионизм, примиренческая позиция «ортодоксов»

Факты неопровержимо свидетельствуют, что вожди и теоретики II Интернационала не оказались способными сколь-нибудь серьезно организовать борьбу против надвигавшейся опасности оппортунистического пленения социал-демократических партий. Еще при жизни Ф. Энгельса вожди и теоретики II Интернационала проявили разоблачавшуюся Энгельсом тенденцию примирения с оппортунизмом. Энгельс в последние годы своей жизни систематически отмечал эту тенденцию. Он разоблачал оппортунистические шатания у ряда вождей рабочей партии Франции, пытавшихся перенести центр тяжести партийной работы на «ловлю» голосов при выборах, предупреждал Лафарга и Геда об опасности заключения «брака по расчету» с парламентской фракцией, возглавляемой Мильераном и Жоресом, указывал на неизбежность разрыва с последними.

Энгельс высказывал опасение, что В. Либкнехт и другие лидеры германской социал-демократии не смогут решительно положить конец усилившимся атакам оппортунистов в партии. Он отмечал у редактора теоретического органа партии — Каутского черты доктринерства, схоластичности, неумения владеть материалистической диалектикой.

Для нанесения удара по оппортунизму и пресечения колебаний у «ортодоксов» Энгельс считал необходимым перед Эрфуртским съездом немецкой социал-демократии опубликовать в «Neue Zeit» «Критику Готской программы». Эта публикация должна была по его мнению произвести впечатление «взорвавшейся бомбы» (письмо Энгельса Зорге от 17 января 1891 года).

Проект программы, которая должна была обсуждаться на Эрфуртском съезде, вызвал острое возмущение Энгельса, и

он вновь нанес удар по «миролюбивому оппортунизму» и «по бодро-скромно-весело-свободному» вращению «старого свиства» в новое общество.

Либкнехт, Каутский и др. вожди и теоретики II Интернационала оказали сопротивление борьбе Ф. Энгельса против примиренческой тенденции, они достаточно откровенно проявили стремление не считаться с огромным авторитетом Энгельса. После смерти Энгельса руководство II Интернационала пошло «своей дорогой», отличной от пути решительного размежевания с оппортунизмом, рекомендованного творцом научного коммунизма.

С особой тревогой Ф. Энгельс отмечал фактическую сдачу революционной позиции руководством немецкой социал-демократии по самому главному вопросу — вопросу о диктатуре пролетариата. Он во «Введении» к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции» решительно выступил против «суеверного почтения к государству» и еще раз подчеркнул, что «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии». «Введение» заканчивается прямым обращением к оппортунистам — «социал-демократический филистер»: «В последнее время оппортунистический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1955, т. 1, стр. 444).

Несмотря на категорические предупреждения и указания Ф. Энгельса, Эрфуртский съезд, при попустительстве вождей партии В. Либкнехта, Каутского и других, все же принял такую программу, в которой нет ни одного слова о государстве, о диктатуре пролетариата. В этом главном вопросе марксизма съезд оказался на позициях оппортунизма.

В. Либкнехт, пытаясь дать обоснование отступлению съезда от главного и основного в марксизме, говорил: «Слово «государство» имеет очень обширное значение; оно означает вообще организованное общество. Говорят о «государстве пчел», о «муравьином государстве», о «государстве ученых», причем не может быть и речи об эксплуатации и рабстве, а только выражается понятие замкнутой организованной общины. В итоге мы не могли внести выражение «государство» в новую социал-демократическую программу...» («Обоснование Эрфуртской программы», Соч. В. Либкнехта. Биб-ка «Промышленности», Спб., «Речь, произнесенная на Эрфуртском съезде в 1891 г.»).

Таким образом, в угоду миру с оппортунистами В. Либк-

нехт явно отказался выполнить указания Ф. Энгельса и встал на путь разрыва с теорией революционного марксизма.

Защищая свою примиренческую позицию, В. Либкнехт и Каутский старательно отмежевывались от марксовской оценки Лассалья. «Точка зрения Маркса на Лассалья не есть точка зрения германской социал-демократии», — писал Каутский в „*Neue Zeit*“ (№ 21).

Когда Ф. Энгельс опубликовал перед Эрфуртским съездом «Критику готской программы» и тем самым внес в ряды оппортунистов растерянность, К. Каутский, спасая положение, перепечатал направленную против этого программного документа марксизма статью из центрального органа партии «Вперед». В этой статье говорилось: «Германские социал-демократы — не марксисты, не лассальянцы — они социал-демократы». «Целью съезда, — утверждала далее статья, — было объединение обеих фракций, а не формулировка научных принципов. Нужно было выбирать между научным церковным собором и социалистическим объединительным съездом». («*Neue Zeit*», 1891, стр. 684).

Здесь явно прокламировался разрыв между теорией и практикой, впоследствии ставший «смертным грехом» всего II Интернационала. Разрыв между теорией и практикой был официально провозглашен с трибуны Эрфуртского съезда и В. Либкнехтом. Пытаясь оправдать свои отступления от революционного марксизма во имя сохранения мира с оппортунистами, В. Либкнехт говорил: «...теория и практика — две разные вещи, и насколько я безусловно доверял Марксу в теории, настолько в практике я шел своей собственной дорогой...» (Соч. В. Либкнехта, «Речь, произнесенная на Эрфуртском съезде в 1891 г.», Биб-ка «Просвещения», Спб.).

Следует отметить, что в стремлении идти на практике «своей» дорогой, дорогой разрыва с Марксом и Энгельсом, В. Либкнехт прибегнул даже к прямой фальсификации одной из работ Ф. Энгельса — «Введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.». Сам Энгельс писал по этому поводу: «Либкнехт сыграл со мной недурную штуку. Из моего «Введения» к статьям Маркса о Франции 1848—50 гг. он взял все, что могло послужить ему для защиты мирной во что бы то ни стало, противонасильственной тактики... Но эту тактику я рекомендую лишь для Германии сегодняшнего дня, да и то со значительной оговоркой... для Германии она уже завтра может стать неприемлемой» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 487—488).

Бебель, Либкнехт, Каутский и другие вожди и теоретики «ортодоксы» сами учились и других учили марксовской диалектике. Многие из того, что ими было сделано в этом отношении, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы. Однако, отрывая теорию от практики, они

в силу этого оказались именно на практике не диалектиками. Они не сумели учесть необходимости крутой ломки старых форм борьбы, ломки, которая оказалась необходимой в новую эпоху, эпоху перехода капитализма в империалистическую стадию развития.

В империалистическую эпоху развития капитализма коренным образом изменились условия классовой борьбы, стали быстро развиваться новые формы пролетарского движения. Тот из вождей и теоретиков социализма, кто не сумел в своей практической революционной работе понять исторического смысла смены форм движения, тот безнадежно отстал. Нарушение диалектики в практике борьбы неизбежно обусловило и крупнейшие ошибки и отступления от революционной теории. Нельзя быть верным диалектике Маркса в теории, не умея применить ее к практике классовой борьбы, ибо диалектика и есть теория познания, теория действия, практика составляет ее основу. Нарушение связи теории и практики неминуемо приводит к извращению марксовской диалектики.

Вскрывая причины политического банкротства таких вождей Второго интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др., В. И. Ленин писал: «Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух» (Соч., т. 31, стр. 82).

За развитием и подъемом монополистического капитала, создавшего экономические основы союза привилегированной части рабочего класса с буржуазией, ортодоксальное руководство II Интернационала не сумело разглядеть роста классовых противоречий, обострения классовой борьбы; не сумело разглядеть оборотной стороны процесса относительного улучшения положения незначительной части рабочего класса — роста эксплуатации огромной массы неквалифицированных рабочих метрополий и неслыханно зверского угнетения колониальных народов.

Империализм означал острое обострение всех противоречий капитализма. И если «организованная» верхушка рабочего класса метрополий склонялась к заигрыванию с буржуазией, шла к ней на поклон, оказалась материально заинтере-

сованной в империалистическом укреплении «своего» капитала, то «внизу» шло нарастание могучего революционного движения, развертывающегося в новых формах. В самой Германии конец XIX века был отмечен быстрым ростом безработицы. Реальная зарплата «неорганизованных» (малоквалифицированных и неквалифицированных) рабочих неуклонно падала, условия труда рабочих, окруженных многочисленными надсмотрщиками, армией вышколенных лакеев на производстве, делались все более и более невыносимыми. Быстро росло возмущение рабочего класса, росло число участников стачечного движения.

Вожди II Интернационала — Каутский и др. не применили марксистской диалектики в новой сложной обстановке классово-борьбы, в обстановке развивавшихся двух форм рабочего движения — оппортунистического и революционного, не встали решительно на сторону последнего, консервировали старые методы и способы руководства рабочим движением. В этом кроется основная ошибка, настаивание на которой привело в конце концов к скатыванию «ортодоксов» в лагерь социал-предателей, а в период 90-х годов прошлого столетия к примиренческой позиции по отношению к оппортунистам.

Идя на уступки оппортунистам, отклоняя рекомендованную Ф. Энгельсом линию решительной борьбы и размежевания с оппортунистами, руководство II Интернационала проявляло в области философии нетерпимую беззаботность, недооценивало опасности неокантианской ревизии. К. Каутский писал Г. В. Плеханову: «...Я хочу возможно дольше воздержаться от прямых нападок на Бернштейна. Когда, связанные теснейшим образом, мы плечом к плечу боролись вместе в течение 18 лет, тогда не так-то легко обратить оружие против старого соратника. Пусть это — сентиментальная причина, но все-таки это чувство во мне очень живо» (письмо от 22 мая 1898 года. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», 1938, сб. V, стр. 263—264).

В. Либкнехт по поводу бернштейниады заявил Г. В. Плеханову: «Вы приписываете Бернштейну значение и влияние, которого он никогда не имел» («Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. V, стр. 271). В письме Г. В. Плеханову от 11 ноября 1898 года Либкнехт писал: «Относительно Бернштейна вы неправы — он не серьезен» (там же, стр. 274).

Пренебрегая необходимостью раскрытия социальных корней ревизионизма, не видя связи его с развивавшимся расколом рабочего движения, с изменившимися условиями классово-борьбы, Ф. Меринг считал, что «...Больше, чем настроением, ревизионизм никогда не был в Германии» (Ф. Меринг. «История германской социал-демократии», 1909 г, т. IV, стр. 378).

П. Лафарг в письме к Г. В. Плеханову от 27 ноября 1898 года писал: «Я не придаю такого значения, как вы, этим со-

циалистам-филантропам, которые верят, что все устраивается к лучшему в этом лучшем из капиталистических обществ...

...Я объясняю себе падение Бернштейна интеллектуальным переутомлением, которому он подвергал себя целые годы... Я скорблю об этом интеллектуальном отступлении Бернштейна, но я слишком дружески к нему расположен и слишком восхищаюсь его прошлой деятельностью, чтобы когда-либо критиковать его с той резкостью, которая для вас чересчур обычна. Она ослабляет нашу критику» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 277—278).

Резкое разоблачение Г. В. Плехановым неокантианской ревизии было встречено руководством II Интернационала с огромным неудовольствием и осуждением. «...Все здешние немцы, — писала В. И. Засулич Г. В. Плеханову, — очень огорчены вашим тоном относительно Конрада Шмидта. Такой, мол, он хороший человек» (там же, стр. 271).

Фактически руководство немецкой социал-демократии взяло Бернштейна и его компанию под защиту от резкой разоблачительной критики Г. В. Плеханова. Дело дошло до того, что Каутский, например, заканчивая свою речь на Штутгартском партийном съезде Германской социал-демократической партии, состоявшемся 3—8 октября 1898 года, благодарил Бернштейна за то, что тот «заставил нас размышлять» (см. об этом открытое письмо Г. В. Плеханова Каутскому. Избранные философские произведения Г. В. Плеханова, т. II, стр. 362).

Что касается собственно философской ревизии марксизма, то Каутский, по существу, вообще пытался отстраниться от борьбы за чистоту марксовой теории. Он, отражая общую для «ортодоксов» позицию, считал вполне допустимым объединение Кагана с Марксом. «...Я должен открыто заявить, — писал Каутский Плеханову, — что неокантианство меня смущает меньше всего... Все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством» (письмо К. Каутского Г. В. Плеханову от 22 мая 1898 года. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 264).

Такое отношение Каутского к попыткам ревизовать марксизм фактически оправдывало клеветнические измышления о философской «необоснованности» и «несостоятельности» теории научного социализма, выявляло глубокое непонимание «ортодоксов» неразрывной цельности и единства всех составных частей марксизма, непонимание существа диалектического материализма, существа и экономического и исторического учения Маркса. «Борьба» Каутского против философской ревизии объективно превращалась в дымовую завесу, в тонкое замаскированное прикрытие «критического» похода на Маркса.

В. И. Ленин, имея в виду немецкую социал-демократию,

писал: «Материализм, как философия, везде у них в загоне. „Nur eine Zeit“, самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков» (Соч., т. 34, стр. 336. Письмо от 13 февраля 1908 года А. М. Горькому).

«Посмотрите,— заметил Г. В. Плеханов в письме к Л. И. Аксельрод,— как мало понимают немецкие социал-демократы в философии. Их надо охранять от чепухи, как детей» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 291).

Г. В. ПЛЕХАНОВ И В. И. ЛЕНИН В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ «КРИТИКИ» И РЕВИЗИОНИЗМА, РАЗЛИЧИЕ ИХ ФИЛОСОФСКИХ ПОЗИЦИЙ

Линия решительного разоблачения философского ревизионизма, проводившаяся Ф. Энгельсом, прерванная после его смерти руководителями и теоретиками социал-демократических партий Западной Европы, была подхвачена и продолжена лишь русскими революционными марксистами. В этом заключается величайшая историческая заслуга русского марксизма перед международным коммунистическим движением рабочего класса. Вождь русского пролетариата, организатор Коммунистической партии в России В. И. Ленин с первых же дней своей политической деятельности встал во главе борьбы против международного объединения буржуазной «критики» и ревизионизма и русского звена этого объединения — «легального марксизма», «экономизма», меньшевизма.

Работы В. И. Ленина 1894 года, направленные против либерального народничества и струвизма («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе», впоследствии положенный в основу работы «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»), были первыми в истории русского марксизма до конца последовательно революционными ответами буржуазной «критике» и ревизионизму. Они написаны В. И. Лениным в последний год жизни великого корифея марксистской науки — Ф. Энгельса. Революционная теория Маркса и Энгельса в работах В. И. Ленина получила не только свою неотразимую защиту, но и дальнейшее всестороннее развитие. В В. И. Ленине дело Маркса и Энгельса нашло своего гениального продолжателя.

Сам В. И. Ленин считал свою борьбу 1894—1895 гг. со струвизмом поучительным образчиком, практически показывающим политическую ценность непримиримой теоретической полемики. «...Небесполезно посмотреть,— писал В. И. Ленин,— на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со «струвизмом» намечались уже тогда, из ка-

ких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.» (Соч., т. 13, стр. 82).

Свою работу, разоблачающую «струвизм», В. И. Ленин считал являющейся во многих отношениях конспектом позднейших работ, теоретической формулировкой положений, из которых вытекала «лево-блжкстская» тактика Коммунистической партии, идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, идея сочетания в единой классовой борьбе демократических и социалистических задач (см. Соч., т. 13, стр. 82—83). Критика ревизионизма у В. И. Ленина была органически связана с дальнейшим развитием марксистской теории в новых исторических условиях и выработкой на этой основе стратегии и тактики Коммунистической партии, соответствующей этим новым условиям.

В 1894—1895 гг. за несколько лет до «бернштейниады» на западе В. И. Ленин разоблачал ревизионизм в России, предостерегал П. Струве и отмежевывался от него. В 1901 году он объявил струвистам беспощадную войну, как либералам, неспособным отстаивать даже чисто-демократические требования, указывал на реакционные и контрреволюционные черты либерализма. «Статья «Аннибалы либерализма»,— писал В. И. Ленин,— критикует ошибочные рассуждения одного либерала, и эта критика оказывается теперь почти целиком применимой к политике крупнейшей либеральной партии в нашей революции» (Соч., т. 13, стр. 84).

Разоблачая реакционную сущность ревизионистских наскоков на марксизм, В. И. Ленин придавал огромное значение для судеб пролетарского движения защите и дальнейшему развитию диалектического материализма. В статье «Наши упразднители» он писал, полемизируя с Потресовым, пытавшимся «примирить» материализм с махизмом, отнести к числу пустяков борьбу материализма с идеализмом, отрицавшим связь философского материализма с революционным пролетарским движением: «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой» реальной связью» с марксистским общественно-политическим течением — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» (Соч., т. 17, стр. 53).

В прямой связи с таким пониманием В. И. Лениным органической связанности диалектического материализма с революционным социалистическим движением рабочего класса находится чрезвычайно высокая оценка философской деятельности Г. В. Плеханова. В. И. Ленин считал, что формирова-

ние русского марксизма было бы невозможно без выяснения Г. В. Плехановым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского (см. Соч., т. 17, стр. 52). За двадцать лет (1883—1903) Г. В. Плеханов, по оценке В. И. Ленина, дал массу превосходных философских сочинений (Соч., т. 20, стр. 333). «Мы отметим только,— писал В. И. Ленин,— что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (Соч., т. 15, стр. 19).

К великой чести Г. В. Плеханова, он ясно видел опасность бернштейниады, понимал, что философский ревизионизм наносит делу международного социалистического движения огромный вред. «...Война теперь,— писал он,— пойдет смертная, надо вооружаться» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 272). Речь идет о том «...кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией» (Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 340).

В. И. Ленин приветствовал и одобрял выступления Г. В. Плеханова против международного оппортунизма, подчеркивал огромные заслуги Г. В. Плеханова в этом отношении и систематически требовал от него дальнейшей нетерпимости к малейшим проявлениям философского ревизионизма и буржуазной «критики».

Считая Г. В. Плеханова лучшим и единственно последовательно верным философии марксизма теоретиком из числа вождей II Интернационала, В. И. Ленин систематически подталкивал его на решительные выступления против философской ревизии. «...Меня крайне удивляет,— писал В. И. Ленин — А. Н. Потресову 2 августа 1898 года,— почему это автор „Beiträge Zur geschichte des Materialismus“ («Очерки по истории материализма» — В. Г.) не высказывается в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников» (Соч., т. 34, стр. 5—6). В ряде своих писем В. И. Ленин вновь и вновь высказывал недовольство медлительностью Г. В. Плеханова, недоумевая по поводу его пассивной позиции в борьбе против русских неокантианцев. «Не понимаю только одного,— писал В. И. Ленин А. Н. Потресову 27 июня 1899 года, — как мог Каменский (псевдоним Г. В. Плеханова — В. Г.) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом слове» против Энгельса!.. Что «критики» только путают публику, не давая ровно ничего, с этим я вполне согласен, а равно и с тем,

что с ними (особенно по поводу Бернштейна) необходима будет серьезная война» (Соч., т. 34, стр. 21).

Г. В. Плеханов не сумел вовремя раскрыть подлинного классового лица «легальных марксистов», он в 90-х годах не видел в них врагов марксизма, считал их прочными союзниками. Под влиянием В. И. Ленина он в начале 900-х годов встал на позицию борьбы со струвистами, примкнул к В. И. Ленину, уже в 1894 году резко разоблачавшему Струве, как апологета капитализма. Статьи Г. В. Плеханова против Бернштейна и Струве читались В. И. Лениным и В. И. Ленин, как видно из переписки между ним и Г. В. Плехановым, делился с Г. В. Плехановым своими критическими замечаниями. «Великое Вам спасибо,— писал Г. В. Плеханов В. И. Ленину,— за ваше замечание относительно моей статьи против Бернштейна» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 302).

Тесное общение Г. В. Плеханова с В. И. Лениным, теоретические споры и дискуссии между ними, развертывавшиеся вокруг рукописей их работ, в искровский период совместно обсуждаемых, непосредственное ознакомление с до конца революционной политической и философской позицией В. И. Ленина не могло не оказать благотворного влияния на философские теоретические работы Г. В. Плеханова, направленные против «критиков» и ревизионистов. Особенно это относится к его работам против «легальных марксистов». Г. В. Плеханов в известной степени обязан В. И. Ленину тем, что его собственная теоретическая позиция в борьбе против международного и русского ревизионизма конца 90-х годов прошлого столетия и первых лет 900-х годов была партийно заострена, носила характер резкого разоблачения антинаучной сущности ревизионистских «критических» измышлений врагов марксистской теории.

В. И. Ленин писал в 1921 году: «...Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Соч., т. 32, стр. 73).

С железной логикой и последовательностью развивая замечательные следствия, вытекающие из материалистического ответа на вопрос об отношении материи и духа, бытия и сознания, Г. В. Плеханов дал цельное научное освещение ряда вопросов и проблем, поставленных борьбой революционного марксизма против философского ревизионизма (отношение марксистской философии к гегелевской философии, роль и значение французского материализма в истории философии, вопрос о свободе и необходимости, о роли личности в истории, о роли и значении классовой борьбы в обществе, как могучего рычага экономического и политического преобразования,

и др.). Особое место Г. В. Плеханов уделил в своих работах разъяснению идеи развития, защищая марксистское учение о «скачках», о революционном переходе и в природе и в обществе от одного качественного состояния к другому. В противоположность буржуазной «критике» и ревизионизму Г. В. Плеханов с большой силой подчеркнул, что «появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» (Избранные философские произведения, т. II, стр. 450). В своих работах Г. В. Плеханов всесторонне излагал сущность открытого Марксом материалистического понимания истории, отстаивал это понимание от наскоков ревизионизма, выдвигал новую аргументацию, дал глубокую критику «экономического материализма» и вытекающего из него квиетизма, игнорирующего роль народных масс в истории, роль активной деятельности людей. В направленных против кантианцев работах Г. В. Плеханов раскрыл непримиримость материализма и кантианского идеализма, защитил и конкретизировал основные положения материалистической диалектики, подчеркнул ее революционное содержание. Он наголову разгромил попытку подмены научного коммунизма «этическим социализмом», показав, что «этический социализм» это средство буржуазии в ее борьбе против марксовой теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. «Заведомо несбыточный идеал для нас не идеал, — писал Г. В. Плеханов, — а просто безнравственные пустяки. Наш идеал, идеал революционной социал-демократии, это — действительность будущего» (Избранные философские произведения, т. II, стр. 621).

Решительно подчеркивая величайшие заслуги Г. В. Плеханова, последовательного материалиста, наносившего по философским противникам марксизма удары исключительной силы, мы вместе с тем обязаны отметить слабые стороны его теоретической борьбы, повлекшие за собой, в определенных исторических условиях, значительные отступления от высот, завоеванных марксистской философией, развивавшейся великим продолжателем Маркса и Энгельса — В. И. Лениным.

В обобщенном виде эти слабые стороны философской борьбы Г. В. Плеханова, как нам представляется, сводятся к следующему.

Г. В. Плеханов, прекрасно разъясняя и раскрывая основные законы марксовой диалектики в их общем виде, на практике в ряде случаев оказался на чуждых диалектике позициях. Он не сумел практически применить марксову диалектику к анализу исторического общественного процесса классовой борьбы в России, не сумел раскрыть объективной диалектики этого процесса. Во многом это объясняется тем, что развитие марксистской философии Г. В. Плеханов более всего

искал в логической защите ее основных положений и в логическом выведении из этих положений дальнейших следствий. блестяще иллюстрируемых многообразием примеров, взятых из разных областей науки, искусства, общественной жизни. Поэтому диалектика у Плеханова в самой слабой степени выступала в ее подлинном качестве, как теория познания и действия, оказалась по преимуществу сведенной именно к сумме примеров (см. об этом у В. И. Ленина, «Философские тетради», 1947, стр. 328).

Марксова диалектика не оказалась у Г. В. Плеханова руководством к раскрытию объективной диалектики исторического процесса классовой борьбы в России. В его работах, посвященных русской общественной жизни, она скорее всего лишь прилагалась к действительности в качестве бесспорной истины, дающей ответы на конкретные вопросы, поставленные этой действительностью. Отсюда абстрактность плехановского анализа общественной жизни, разрыв между теорией и практикой, систематически отмечавшиеся В. И. Лениным. Например, Г. В. Плеханов в полном соответствии с марксизмом утверждал, что России предстоит буржуазная революция. Он применял это неоспоримое положение ко всем экономическим и политическим вопросам, но это применение приняло у него характер поисков ответов на вопросы, поставленные действительностью, в логическом развитии общей истины о буржуазном характере революции.

Что значит применение бесспорных положений марксизма к действительности, в соответствии с духом диалектического материализма, четко и ясно разъяснил В. И. Ленин. Раскрывая порок плехановского применения положений марксизма, он писал: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть оплошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (Соч., т. 3, стр. 10).

В своих работах, посвященных вопросам тактики рабочей партии в период буржуазной революции, Г. В. Плеханов подменял конкретный анализ русской действительности ссылками на «Манифест Коммунистической партии», констатирующий прогрессивную роль буржуазии в ранние периоды буржуазных преобразований в странах Западной Европы. Он не сумел раскрыть развивавшегося с 1861 по февраль 1917 года противоречия между классовыми носителями двух враждебных друг другу методов, способов буржуазного преобразования

общественной жизни России, не сумел понять своеобразие положения крестьян в России, глубокого отличия крестьянского вопроса в России от крестьянского вопроса в странах Западной Европы. Словом, конкретное содержание объективной диалектики исторического процесса общественной жизни России не оказалось отраженным в теоретических работах Г. В. Плеханова, и именно в силу этого его защита диалектики Маркса от ревизионизма носила абстрактный характер.

В речи на III съезде партии, анализируя теоретические истоки ошибочной позиции Г. В. Плеханова в вопросе об участии партии во временном революционном правительстве, В. И. Ленин отметил, что большевики, в отличие от Г. В. Плеханова, утверждая невозможность республики в России без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ставили вопрос на конкретную почву. Они учитывали реальные общественные силы, которые участвовали в России в борьбе за демократический переворот. «Плеханов же, — говорил В. И. Ленин, — ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях... Это чудовищно, но это так... Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя. А о конкретных условиях Плеханов не говорит ни слова» (Соч., т. 8, стр. 357—358).

Основным пороком философской позиции Г. В. Плеханова являлась глубокая недооценка теории познания диалектического материализма. Рассматривая «Капитал» Маркса лишь с историко-экономической точки зрения, он в своих философских работах отвел теории познания вообще второстепенное место. Между тем буржуазная философия, а вслед за ней ревизионизм, с последней трети XIX века особенно специализировались на гносеологии. «По крайней мере, — писал В. И. Ленин, — позитивизм вообще и махизм в частности гораздо более занимались тонкой фальсификацией гносеологии» (Соч., т. 14, стр. 316). Естественно, что защита теории познания диалектического материализма, ее дальнейшее развитие в новых исторических условиях должны были занять ведущее место в борьбе против врагов марксовой философии. В предисловии к «Очеркам по истории материализма» Г. В. Плеханов же писал: «Еще два слова. Может быть, читатели найдут, что я недостаточно подробно остановился на теории познания разбираемых здесь мыслителей (Гельвецкий, Гольбах, Маркс — В. Г.). На это я могу возразить, что я сделал все, чтобы точно изложить их взгляды в этом пункте. Но так как я не причисляю себя к сторонникам столь модной в настоящее время теоретико-познавательной схоластики, я не имел наме-

рения подробно останавливаться на этом совершенно второстепенном вопросе» (Г. В. Плеханов, избранные философские произведения, т. II, стр. 35). Считая теорию познания второстепенным вопросом, Г. В. Плеханов не понял того, что диалектика Маркса и есть теория познания, он, — как заметил В. И. Ленин, — не обратил внимания на эту суть дела (см. «Философские тетради», стр. 329). Раскрывая этот основной порок философской позиции Г. В. Плеханова, В. И. Ленин писал:

«Разработать:

Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов+против Богданова+против кантинцев+основные вопросы etc, etc). Из них о большой лопике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) nil!!» (Философские тетради», стр. 258—259).

Пренебрегая теорией познания диалектического материализма, Г. В. Плеханов не смог с достаточной глубиной раскрыть и сущность диалектики Маркса как философской науки. В прямой связи с этим, как нам думается, находится и ошибочное представление Г. В. Плеханова о самом предмете марксистской философии. Он извратил сущность высказывания Энгельса о том, что открытие диалектического материализма означает конец старой философии, понял это высказывание в смысле «отмирания» философии вообще как науки, в смысле отмирания права философии на самостоятельное существование. Плеханов по существу свел предмет диалектического материализма к задаче разработки материалистического понимания истории, вслед за чем с его точки зрения должно последовать создание подлинной социальной науки и самоликвидация философии, которая (философия) станет в будущем не нужна.

Ошибочно считая, что философия сделала свое дело в области естествознания, привела к созданию точных наук и что теперь ей осталось лишь завершить аналогичную работу в области социологии, Г. В. Плеханов писал: «Задача диалектического материализма была, таким образом, определена заранее. Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была освободить социальную науку из лабиринта ее противоречий. По выполнении этой задачи философия могла бы сказать: «Я исполнила свой долг, я могу уйти», так как в будущем точная наука должна сделать бесполезным гипотезы философии» (Избранные философские произведения», т. II, стр. 148).

Такое ошибочное представление о предмете, задаче и будущем философии, несомненно, определялось глубоким непониманием материалистической диалектики как науки, как теории познания и логики. Не случайно поэтому в годы реакции Г. В. Плеханов, полемизируя с махистами, разбирал

махи́зм вне его связи с физикой, одной из точных наук, где, по его мнению, философия уже, собственно, делать нечего. Естествознание Г. В. Плеханов считал само по себе свободным от идеалистических тенденций, исключал влияние естественно-научных открытий и теории в области философии. «Естествознание тут не при чем, — писал он, — не в нем тут сила» (Соч., т. XVII, стр. 21). Г. В. Плеханов прошел мимо гносеологических выводов, вытекавших из новейших открытий физики, не ясная того, что на этой почве в физике развернулась борьба различных философских направлений. «Разбирать махи́зм, — писал В. И. Ленин, — игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса. Энгельс говорит прямо, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области» (не говоря уже об истории человечества) «материализм неизбежно должен изменять свою форму» (Соч., т. 14, стр. 238).

Где же кроется основная причина глубоких отступлений Г. В. Плеханова от теории познания диалектического материализма? В разрыве единства теории и практики; в неумении на деле, а не на словах, сочетать их, вовремя находить переходы от теории к практике, в недостаточной связи теории с определенными задачами эпохи; в том, что, защищая марксистскую философию, Г. В. Плеханов не смог отразить в теории поразительно резкой смены условий общественной жизни при переходе капитализма в империалистическую стадию развития; в том, что он не обратил достаточного внимания на действительную сторону марксизма, его живую душу, качество быть живым руководством к действию.

«Судьба Плеханова, — писала Н. К. Крупская, — трагична. В области теории его заслуги перед рабочим движением чрезвычайно велики, но годы эмиграции не прошли для него даром, они оторвали его от русской действительности. Широкое массовое движение возникло в то время, как он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал.

...К началу 900-х годов Плеханов потерял уже непосредственное ощущение России» («Ленинский сборник», III, 2-е издание, стр. 39—40).

Философия Маркса — мировоззрение рабочего класса, его научная теория познания и действия. Это — не собрание раз навсегда данных, законченных положений, а вечно развивающееся учение, обогащающееся в практике применения в конкретных условиях борьбы партии за демократию и социализм, за революционное преобразование действительности. **Руководство к действию** — такова глубокая сущность марк-

систской философии и таково непеременимое условие ее жизненности, ее постоянного развития. Когда вольно или невольно ослабляется действительная сторона и сущность марксистской философии, тогда ее положения застывают в неподвижности, теряют свою научную и партийную остроту, начинает преобладать буква над содержанием, драгоценные приемы познания и действия превращаются в догмы.

В. И. Ленин о соединении научности и революционности в самом существе марксистской философской теории

Считая, что из всех вождей и теоретиков II Интернационала лишь Г. В. Плеханов поднял знамя борьбы против философского оппортунизма, решительно поддерживая его в этой борьбе, В. И. Ленин тем не менее занял по всем основным вопросам марксистской философии самостоятельную позицию, отличающуюся от позиции Г. В. Плеханова глубиной проникновения в революционную и действительную сущность диалектического материализма. Особое внимание В. И. Ленин уделил раскрытию партийности марксистской философии, ее неразрывной связи с революционной практикой партии, с задачами разработки стратегии и тактики рабочего класса в предстоящей буржуазной революции в России. Обогащение и развитие марксистской диалектики В. И. Ленин видел не в дальнейшем логическом выведении следствий и выводов из уже установленных Марксом и Энгельсом положений, а в раскрытии, с помощью этих положений, объективной диалектики классовой борьбы в новых исторических условиях. Философия для В. И. Ленина была прежде всего орудием классовой борьбы. «Философией, — писала Н. К. Крупская, — Ильич занимался не потому, что это «очень интересная дисциплина», а потому, что в философии Ленин искал руководства к действию. Он нашел его в диалектическом материализме, который вооружил его умением чрезвычайно глубоко изучать явления, находить пути организованного влияния на эти явления, диалектический метод вооружил его необычайной дальнорукостью, устойчивостью во взглядах, умением, как говорится «брать быка за рога», выявлять самое существенное, важное в каждом вопросе» (Н. К. Крупская, «Избранные педагогические произведения», стр. 570—571).

В. И. Ленин систематически подчеркивал, что теория не догма, а руководство для действия. Условия действия и, следовательно, задачи действия постоянно меняются, в соответствии с изменяющимся соотношением классовых сил: изменяется конкретная социально-политическая обстановка, и марксизм как живая доктрина, как живое руководство к действию отражает в себе это изменение. В положении — теория не

догма, а руководство для действия, — подчеркивается, — указывал В. И. Ленин, — та сторона марксизма, которая сплоскнута рядом упускается из виду. «А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» (Соч., т. 17, стр. 20).

Главное в работах В. И. Ленина 90-х годов XIX столетия — это его гениальное использование и развитие диалектического материализма как теории познания и действия. Каждое положение философского учения Маркса выявляет в работах В. И. Ленина свое научное и революционное содержание в связи с анализом фактов исторической действительности. «Приложение» к России теории Маркса, — систематически подчеркивал В. И. Ленин, — «может состоять только в том, чтобы **ПОЛЬЗУЯСЬ** выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО** метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию» (Соч., т. 1, стр. 248—249). «...Задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс...» (там же, стр. 147).

Развивать диалектический материализм — значит, пользуясь его указаниями, раскрывать объективную диалектику исторического естественного и общественного процесса и, исходя из нее, разрабатывать научное объяснение фактам и явлениям этого процесса. Не из теории выводить объяснения фактов действительности, а пользуясь теорией, как компасом, указывающим путь исследования, искать это объяснение в сведении явлений и фактов действительности к их глубинной внутренней сущности. В. И. Ленин и был гениальным мастером научного объяснения фактов и явлений общественного исторического процесса, мастером раскрытия объективной диалектики этого процесса — его внутренней сущности. Работы В. И. Ленина — это непревзойденные образцы диалектико-материалистического сведения явлений классовой борьбы к их сущности, сведения многообразия отдельных фактов к их основанию, внутреннему единству; непревзойденные образцы материалистического анализа и материалистической оценки всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и общественных групп. Нет ни одной работы В. И. Ленина, которая бы, с этой точки зрения, не имела глубокого философского основания, не развивала с той или другой стороны марксистскую философию, в которой диалектический материализм не проявил бы своей самой существенной черты — быть руководством познания и действия. Диалектический

материализм развивался В. И. Лениным отнюдь не только в его специальных философских трактатах, он развивался во всех без исключения его работах, посвященных анализу общественной жизни, взаимодействия классов, разработке организационных и тактических основ нашей партии. Специальные философские труды В. И. Ленина — это диалектико-материалистическое обобщение опыта политической и теоретической борьбы партии, это подведение итога развития философских идей, рождавшихся в огне революционной практики и являвшихся глубоким теоретическим основанием стратегии и тактики партии, ее борьбы и ее побед. Нельзя отделить историю развития В. И. Лениным философии марксизма от политической деятельности В. И. Ленина, это две стороны одной и той же научно-революционной деятельности вождя и теоретика пролетарской революции.

Путь разработки и освоения ленинского философского наследия должен быть определен, исходя из того, что диалектика В. И. Ленина — это теория познания и изменения действительности, закон революционного действия. Изучая революционное действие В. И. Ленина, мы изучаем руководящие принципы этого действия, теорию познания, диалектику, логику В. И. Ленина.

Политическую программу революционной социал-демократии и народники, и «легальные марксисты», и ревизионисты пытались представить продуктом увлечения диалектикой. Вопрос о диалектике, ее органической связи с политикой партии приобрел особую теоретическую и практическую значимость, он превратился в вопрос о философском обосновании тактики рабочего класса России, в вопрос о правильном понимании нарастающих революционных событий, их исторической необходимости, о роли и значении активного действия людей, объединенных в классы и борющихся друг с другом, в вопрос о путях и формах организации пролетариата, его подготовки к предстоящей буржуазной революции. От защиты и дальнейшего развития органической связанности материалистической диалектики и политики революционной социал-демократии зависело правильное решение проблемы соотношения субъективного и объективного факторов процесса революционного движения рабочего класса, соотношения экономической и политической борьбы рабочего класса, соотношения демократической и социалистической сторон классовой борьбы революционной марксистской партии.

Пытаясь «убить» живую душу философского материализма Маркса — его диалектику — и тем самым обескровить революционную политику социал-демократии, буржуазные «критики» Маркса на Западе и в России особенно любили ссылаться на «мистику» гегелевской диалектики, под влияние которой, якобы так неосторожно попал Маркс. Маркса сначала превра-

щали в правоверного гегельянца, приписывали ему кучу мистического вздора, выдумывали бездну глупостей о диалектике и потом, принимая позы «спасителей» подлинной истины в марксизме, «соединяли» Маркса с Кантом. Гегельянизировав марксизм, легче всего было сделать вид «победоносной» расправы с «философски необоснованным» учением, изложенным в «Капитале».

В. И. Ленин в своих работах уделил огромное внимание разоблачению попытки подsunуть вместо материалистической диалектики Маркса идеалистическую диалектику Гегеля. Он вскрыл глубокую противоположность метода Маркса методу Гегеля, одновременно решительно подчеркнул то положительное в диалектике Гегеля, что, по указанию Маркса, являлось ее «рациональным зерном».

В противовес пессимизму, неверию в творческие силы человека и научного познания мира, характерные для последующей после Гегеля буржуазной философии, В. И. Ленин в своей статье «Фридрих Энгельс», написанной в 1895 году, отметил у Гегеля веру в человеческий разум и его права, учение о постоянном процессе развития и изменения действительности, закон вечного развития. «Хотя сам Гегель,— писал В. И. Ленин,— был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — учение Гегеля было революционным» (Соч., т. 2, стр. 7).

Подчеркивая положительные стороны гегелевской диалектики, В. И. Ленин одновременно подверг жестокой критике ее идеализм. Он учил нас видеть две стороны идеалистической диалектики, отражающих двойственность немецкого бюргера—его стремление к революции и боязнь ее, стремление к решительному бунту против «мерзкой действительности» и жалкое лакейство перед нею. Диалектика в том ее виде и форме, как ее развивал Гегель, не была пригодна для подлинно научных и революционных целей, она должна была быть коренным образом преобразована, переработана. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение, они создали диалектику, коренным образом отличающуюся от гегелевской. В. И. Ленин в своей статье «Фридрих Энгельс» дал классическое изложение главного и основного в марксистском преобразовании диалектики Гегеля. Он писал: «В противоположность Гегелю и другим гегельянкам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производ-

стве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат» (Соч., т. 2, стр. 7—8).

В этом изумительном ленинском обобщении главного и основного результата марксовой разработки материалистической диалектики и ее применения в качестве орудия раскрытия объективной диалектики общественного исторического процесса показано органическое соединение всех сторон революционного марксизма: философии, экономической и исторической теорий, теории социализма.

Марксист исходит из основной идеи диалектического материализма,— подчеркивал В. И. Ленин,— идеи естественно-исторического процесса общественно-экономических формаций, идеи выделения из разных областей общественной жизни области экономической, из всех общественных отношений — отношений производственных, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние суть надстройка над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека. «Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 121). Она вооружила социологию объективным критерием отделения в общественной жизни случайного от необходимого, несущественного от существенного, дала возможность перейти от описания общественных явлений к строго научному анализу их.

Отвергая вымыслы о пленении Маркса гегельянщиной, отвергая ревизионистские рассуждения на тему, что марксизм связан с верою в гегелевские триады, в абстрактные, не требующие проверки практикой, догмы и схемы, В. И. Ленин дал следующее определение диалектического метода: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленные и допускающие поэтому

всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» (Соч., т. 1, стр. 148).

Никакого места здесь нет для идеалистической теории развития Гегеля, для утверждения «непререкаемости диалектического процесса». Идеальное, — подчеркивал В. И. Ленин, вслед за Марксом оттеняя противоположность материалистической диалектики идеалистической диалектики, — есть только отражение материального. Теория должна точно изображать действительный процесс, и тогда социология освободится от идеализма, в ней не будет места ни для фаталистической, ни для субъективно-волюнтаристической концепций исторического общественного процесса. Материалистическая диалектика, имея своим исходным пунктом центральное положение философского материализма Маркса — идеальное есть отражение материального, — отрицает и субъективизм и буржуазный объективизм в социологии. Требуя сведения всех фактов общественной жизни к производственным отношениям, материалистическая диалектика вооружает социологию единственно научным критерием при оценке общественных явлений. «Марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 374).

Только тот может назвать себя марксистом, кто строго выдерживает это требование диалектического материализма. Мало для марксиста признать материю первичной по отношению к духу, это признание было краеугольным камнем и домарксистского софистического материализма. Марксист должен суметь развить признание первичности материи до признания возможности верного отражения в сознании объективного мира и в соответствии с этим добиваться того, чтобы любое его теоретическое положение было формулировкой задачи и цели борьбы передового общественного класса против классов реакционных. «...Самым высоким идеалам цена медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе...» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 371). В этом, — как указывал В. И. Ленин, — суть «Капитала» Маркса, суть коренного отличия диалектики Маркса от идеалистической диалектики Гегеля. Материалистическая диалектика включает в себя **практически-революционное** отношение к действительности, она является главной теоретической основой революционной политики марксистской партии.

На примере выяснения различий в понимании исторической необходимости у марксистов и у Гегеля и субъективных

социологов, В. И. Ленин показал, какое огромное значение имеет марксова диалектика для разработки революционной социал-демократической политики.

Диалектика Маркса, — разъяснял В. И. Ленин, — отвергает всякие разговоры об исторической необходимости вне анализа конкретных фактов развития действительности. Например, утверждение марксистов о том, что развитие капитализма в России являлось исторической необходимостью, было основано на объяснении пореформенной истории России, состоящей в разорении массы и в обогащении меньшинства, гигантской экспроприации мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом. Указывая, что эти полярные течения возникали и усиливались там и постольку, где и поскольку развивалось и упрочивалось товарное хозяйство, марксисты заключили на основании этих фактов, что имеют дело с буржуазной организацией общественного хозяйства, **необходимо** порождающей экспроприацию и угнетение масс. Отсюда для марксистов и последовал вывод о том, что будущее России — это все усиливающаяся классовая борьба трудящихся **во главе с рабочим классом**, самые условия труда и обстановка жизни которого обуславливают его передовую роль в борьбе за демократию и социализм. «Естественно, — писал В. И. Ленин, — что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат» (Соч., т. 1, стр. 174).

Утверждения марксистов о том, что то или другое историческое явление необходимо, — это результат диалектического анализа материального процесса, научное отображение в теории основных законов развития изучаемых фактов, сведения этих фактов к их материальному основанию, сущности — производственным отношениям; это теоретическая формулировка развивающейся классовой борьбы. Диалектико-материалистический анализ действительности поэтому является единственно научным и глубоко революционным по своим результатам, но самому своему внутреннему существу. В диалектико-материалистическом анализе действительности политика партии приобретает свое философское обоснование, а философия в свою очередь — двигательную, жизненную силу, пронизывается строгой партийностью, ставит себя на службу политики революционной партии, революционного класса.

Научность анализа исторического и общественного процесса, обусловленная диалектико-материалистическим подходом к изучению фактов и явлений общественной жизни, необходимо включает в себя революционность, ибо сведение этих фактов и явлений общественной жизни к производственным

отношениям означает раскрытие всех форм эксплуатации и угнетения, раскрытие перспективы выхода из состояния буржуазного рабства. «Социалистическая интеллигенция,— писал В. И. Ленин,— только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. **ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ** работа ее должна будет при этом направляться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие» (Соч., т. 1, стр. 278).

Убеждение марксистов в том, что рабочий класс является единственным и естественным представителем всего трудящегося и эксплуатируемого населения,— убеждение, являющееся результатом диалектико-материалистического анализа общественной жизни,— становится теоретической основой политической деятельности революционных марксистов; теория и практика революционного марксизма выступают в неразрывном единстве.

Внутреннего и неразрывного соединения глубокой научности с революционностью требует от общественной теории диалектический материализм Маркса. На многочисленные вопли и клеветнические измышления буржуазной «критики» и ревизионизма, всего более боровшихся против такого соединения научности и революционности в марксовской теории, В. И. Ленин ответил: «А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная» (Соч., т. 1, стр. 308). И далее В. И. Ленин разъяснил, что такое соединение научности и революционности обусловлено не субъективным желанием Маркса-революционера, а объективно, самой диалектико-материалистической природой и характером теории. Только материалистическая критика действительности может быть научной, только материализм превратил социологию в науку. Материалистическая критика сопоставляет политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве антагонистических общественных отношений, вскрывает все формы антагонизма и эксплуатацию в буржуазном обществе, прослеживает их эволю-

цию доказывает их переходящий характер, неизбежность и превращения в другую форму, помогает тем самым пролетариату осознать свою роль могильщика старого общества. «Эта теория,— писал В. И. Ленин,— основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на вопросы пролетариата». Далее В. И. Ленин продолжил, раскрывая связь научности с революционностью в марксистской теории, «...и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма». (Соч., т. 1, стр. 278. Подчеркнуто мной — В. Г.).

Критический и революционный характер материализма Маркса глубоко отличает научную объективность марксистского анализа общественной жизни от той псевдообъективности, которой так похвально буржуазные «критики» и ревизионисты. «Непреодолимая привлекательная сила,— писал В. И. Ленин,— которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (Соч., т. 1, стр. 308).

Революционность и глубокая научность совпадают в теории марксизма,— указывал В. И. Ленин,— не случайно, а объективно-необходимо, ибо процесс сближения науки и революционной демократии трудящихся масс с момента их зарождения был объективно закономерен и необходим. Корнями своими он уходил в глубь коренных интересов революционно-демократического движения трудящихся масс и самой сущности научного познания объективного мира.

Стремление науки ко все большему и большему охвату объективной истины возникает на основе прогрессивного развития материальных условий жизни общества, практических потребностей в изменении и развитии производительных сил. Наука — необходимая функция исторического прогресса. Она поэтому, по самой сути своей, постоянно вступала в конфликт с противоположными прогрессивному ходу развития человечества стремлениями эксплуататорских классов ограничить круг ее выводов, притушить ее острое критическое содержание.

В соответствии со своими классовыми интересами буржуазия всегда устанавливала для обнаружения объективной истины известные рамки. В связи с определенными историческими условиями классовой борьбы эти рамки могли быть либо раздвигаемы (период борьбы молодого буржуазного общества против феодализма), либо суживаемы (период полного господства буржуазии и загнивания буржуазного общества). Но

всегда и при всех условиях они так или иначе ограничивали творческие возможности науки.

Читая книгу Р. Рей «Современная философия», В. И. Ленин подчеркнул следующее место из этой книги, в котором Рей довольно откровенно сформулировал задачу буржуазной философии — охранять науку от материализма. Рей писал: «Нужно, значит, и непременно нужно, чтобы завоевания науки и научного духа были ограждены, в случае надобности наперекор им самим». Защищать науку наперекор ей самой, по мнению Рей, следует от *...чрезмерной смелости*, — «какую являют нам, например, некоторые материалистические обобщения». В. И. Ленин на полях книги заметил: «Защита от материализма». («Философские тетради», стр. 398).

Разоблачая партийную, классовую заинтересованность буржуазии в установлении определенных пределов, за рамки которых не могли быть расширяемы научные истины, В. И. Ленин писал: «Будем считать внешний мир, природу — «комбинацией ощущений», вызываемых в нашем уме божеством. Признайте это, откажитесь искать вне сознания, вне человека «основы» этих ощущений — и я признаю в рамках своей идеалистической теории познания *все* естествознание, все значение и достоверность его выводов. Мне нужна именно эта рамка и только эта рамка для моих выводов в пользу «мира и религии». Такова мысль Беркли. С этой мыслью, правильно выражающей сущность идеалистической философии и ее общественное значение, мы встретимся впоследствии, когда будем говорить об отношении махизма к естествознанию» (Соч., т. 14, стр. 18).

Здесь В. И. Ленин вскрывает общественное значение идеалистической философии, призванной стать надсмотрщиком над естествознанием и общественной наукой, «наукой над науками», «госпожей всех наук».

На протяжении всей истории развития научного познания мира развивалось неразрешимое в обществах, покоившихся на системе эксплуатации человека человеком, противоречие между философией угнетателей и объективно революционной сущностью науки; между подлинными интересами научного творчества и классовой, партийной заинтересованностью эксплуататоров в сокрытии обнаруживаемой научным познанием объективной истины.

Это противоречие и приводило к сближению борьбы науки на свое освобождение от цепей идеалистической философии с борьбой трудящихся масс за освобождение от угнетения и рабства.

«Экономическая действительность, — писал В. И. Ленин, — с бьющей в глаза наглядностью показывает нам классовое деление общества, как основу хозяйственного строя и капитализма и феодализма. Внимание науки с самого появления на свет политической экономии устремлено на *объяснение* этого клас-

сового деления. Вся классическая политическая экономия сделала ряд шагов по этому пути, Маркс сделал еще шаг дальше. И современная буржуазия так испугана этим шагом, так обеспокоена «законами» современной хозяйственной эволюции, слишком очевидными, слишком внушительными, что буржуа и их идеологи готовы выкинуть всех классиков и всякие законы, лишь бы сдать в архив юриспруденции... всякие там... как их?.. социальные неравенства» (Соч., т. 20, стр. 179—180).

Неуклонно шло нарастание противоречия между наукой и идеалистической философией, отделением науки от идеализма. Движущей пружиной этого прогрессивного процесса было развитие промышленности. Несмотря на все усилия и старания ее идеологов, буржуазия не была в состоянии приостановить, заглушить этот процесс, корни его скрывались в неискоренимом движении и развитии производительных сил человечества. Это противоречие достигло в эпоху империализма высшего пункта своего развития, заставляя идеологов буржуазии изощряться в грубом и пошлом издевательстве над логикой и историей. Показательны в этом отношении «отчаяние и шаллеизм» главы буржуазных «критиков» Маркса в России П. Струве, полностью разоблаченного В. И. Лениным. Как и вообще вся буржуазная «критика», весь международный ревизионизм, П. Струве усиленно занялся изгнанием из науки неприятных для буржуа обобщений, пропагандой мертвой схоластики, модного в буржуазной философии скептицизма. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, — писал В. И. Ленин, раскрывая враждебность струвизма науке, — отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить *лес* — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве» (Соч., т. 20, стр. 179).

Во всемирной истории человечества единственно до конца прогрессивным классом является лишь рабочий класс. Ничем не ограниченное развитие научного познания мира возможно лишь на великом пути борьбы этого класса за реализацию конечной цели пролетарского революционного движения — установления бесклассового общества.

Уже в своих первых теоретических работах В. И. Ленин с необыкновенной силой показал живую органическую связь науки с революционными стремлениями рабочего класса, связь, определяющуюся самой объективной логикой эволюции общественной жизни, всем ходом развития человеческой истории. Он обнажил материальные корни никогда не затухавшей с момента своего возникновения борьбы материализма с идеализмом, свел идеологическую борьбу классов современного общества к ее основе — борьбе материальных и по-

литических интересов противоположных общественных классов капиталистического мира. Сопоставив основные посылки философского материализма с итогами и достижениями всего исторического знания человечества, неизбежно рождающего диалектический материализм, В. И. Ленин, продолжая дело Маркса, соединил воедино борьбу философского материализма и науки против идеализма с борьбой рабочего класса против буржуазного общества.

В отличие от всех других общественных классов прогрессивность рабочего класса безгранична. Рабочему классу нет нужды боязливо вглядываться в даль будущего. Его будущее — коммунистическое общество — не омрачено, как это было на заре политических побед у его предшественника — класса буржуазии, — призраком новых общественных противоречий, новых классовых битв.

История борьбы и побед рабочего класса полностью совпадает с коренными интересами всей будущей истории освобожденного от цепей угнетения и рабства трудящегося человечества в целом. Нет поэтому никаких преград у рабочего класса для полного сочетания его интересов с интересами обнаружения объективной истины, с самой жизненной правдой о действительности. Рабочего класса не пугают и не могут пугать далеко идущие выводы той науки, которая видит свою задачу в раскрытии объективной диалектики, критерием истины считает самую действительность, ценность свою полагает в строгом критическом отношении к реальному миру.

Безграничны перспективы движения вперед у рабочего класса по пути прогресса, безграничны поэтому просторы для отображения правды о жизни, предоставляемые рабочим классом для науки. Впервые в истории своего развития наука получила в лице рабочего класса такого материального носителя своего дальнейшего движения вперед, по пути все большего и большего охвата объективной истины, который по своей природе, по коренным жизненным задачам борьбы за новую общественную жизнь, против всех сил старого мира, никак не заинтересован в каком бы то ни было затушевывании, сокрытии этой объективной истины.

В реальном факте совпадения коренных интересов научного познания мира с интересами и задачами революционного освободительного движения рабочего класса и надо искать объяснения замечательного качества марксовской теории быть глубоко научно правдивой и революционной в своем существовании.

Великий русский ученый К. А. Тимирязев справедливо писал: «...в мировой борьбе, завязывающейся между той частью человечества, которая смотрит вперед и той, которая рискованно образом вынуждена обращать свои взоры назад, на знамени

первой будут начертаны слова: наука и демократия. Сим победиши» (К. А. Тимирязев, Соч., т. 1, стр. 142).

Рабочий класс нашел в научном познании духовное оружие своей борьбы за освобождение; научное познание обрело в рабочем классе материального носителя своего безграничного прогрессивного развития. Теория познания отбросила при этом, как тормозящую и омертвляющую ее движение и развитие, иррациональную форму и выступило перед миром, непосредственно обнаружив свою революционную сущность.

Буржуазная философия выявляет свою партийность именно в том, что она призвана затушевывать открываемую научным познанием мира объективную истину, она создает в «утешение» угнетенному человеку фантастическое «исполнение» реального мира. Так в России поступали и либеральные народники и «легальные марксисты», послушно следуя по стопам своих западноевропейских учителей.

Известный фальсификатор истории материализма Ф. А. Ланге, «вернувшись» к которому призывал международную социал-демократию Э. Бернштейн, писал: «Человеку нужно дополнение действительности посредством им самим созданного идеального мира». «Наш ум, — утверждал он, — сотворен для того, чтобы воспроизвести в себе гармонический мировой образ и, поставив его рядом с действительностью и выше ее, отдохнуть от борьбы и нужд жизни, возвышаясь мысленно в мир всех совершенств» (Ф. А. Ланге, «История материализма», изд. 1883 года, т. II, стр. 464—469).

Представители всех разнообразных течений и форм буржуазной мысли на Западе и в России сделали это положение Ф. А. Ланге боевой программой, основным принципом своих теоретических работ, направляемых против марксизма. В. И. Ленин ответил им, что марксизм, действительно, смертельный враг всякой идеализации, уводящей «от нужд и борьбы», от действительности.

«Русские социал-демократы, — писал В. И. Ленин, — срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирамия и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком» (Соч., т. I, стр. 218—219).

Единство теоретического познания и практического действия трудящихся масс получило в марксизме свое замечательное выражение.

Вековечное противоречие между глубоко диалектической

природой и революционной сущностью научного познания мира, с одной стороны, и узко классовыми интересами материальных носителей научного прогресса в прошлом, с другой, впервые в истории было разрешено.

«В самом деле,— писал В. И. Ленин,— задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе» (Соч., т. 1, стр. 308).

Критически перерабатывая и объединяя в новом высшем синтезе все передовое и прогрессивное, что было достигнуто в истории человеческой мысли, марксистская философия с необычайной силой проявила в себе то, что так пугало буржуазию уже в раннюю эпоху возникновения и развития научного познания мира и революционно-демократического движения народных масс: наука в марксизме до конца раскрыла свое объективное революционное содержание; социальные и политические требования трудящихся масс впервые в истории получили подлинно научное обоснование.

В. И. Ленин о теоретико-познавательном обосновании марксистской общественной теории

Утверждая соединение в самой сущности марксистской общественной теории глубокой научности с революционностью, указывая при этом, что такое соединение не есть случайность, а обусловлено диалектико-материалистической природой и характером теории, что материализм объективно необходимо включает в себя полетарскую партийность, В. И. Ленин уделил огромное внимание разоблачению клеветнических измышлений буржуазной «критики» и ревизионизма относительно якобы гносеологической беспомощности марксизма.

Он разъяснил, что именно диалектико-материалистическая теория развития, примененная в «Капитале», и опыт такого применения — опыт, принесший блестящие научные результаты, превративший социологию в науку, — есть глубочайшее философское, теоретико-познавательное обоснование общественного учения Маркса. Диалектико-материалистическая теория развития, примененная к изучению общественной жизни, привела к созданию стройного историко-экономического учения Маркса, составляя его суть, революционную душу. Кто не понял диалектического материализма, тот не может понять и историко-экономических взглядов автора «Капитала». В. И. Ленин неопровержимо доказал, что логика «Капитала» и есть диалектико-материалистическая теория развития, диалектика Маркса, теория познания, которую так тщетно искали буржуазные «критики».

Сама идея диалектического материализма,— утверждал

В. И. Ленин,— превратилась из гипотезы в научную теорию именно в силу гениального марксовского применения ее к объяснению закономерности общественного развития капиталистического мира. Если диалектический материализм дал возможность впервые создать научную социологию, теорию общественно-экономических формаций, то эта теория явилась его научной проверкой, конкретизацией, развитием. Диалектический материализм составил органическую, неотъемлемую часть экономического и исторического учения Маркса, основной принцип исследования, теорию познания, логику «Капитала». В. И. Ленин зло издевался над «критиками», недоуменно вопрошавшими: «Да где же у Маркса изложены основы его материализма?». Сам он овладевал по «Капиталу» не только экономической и исторической теорией Маркса, но и его материалистической диалектикой, теорией познания, блестяще развитыми и научно утвержденными в этом гениальном труде К. Маркса.

«В самом деле,— писал В. И. Ленин,— в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории», в самом тесном значении слова,— в только». (Соч., т. 1, стр. 117). И дальше В. И. Ленин, разоблачая Михайловского, ловит его на признании в 1877 году того, что основная цель сочинения Маркса — показать закон развития современного общества. Не значит ли это, что диалектико-материалистическая теория развития, примененная к изучаемым общественным фактам и явлениям, и составила гносеологическую основу «Капитала»? «Он (Михайловский — В. Г.) читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу...» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 125).

Разоблачая клеветнический вымысел П. Струве о философской необоснованности марксизма, В. И. Ленин писал, что под философским обоснованием теории «...можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук (и г. Струве сам признал, что уже психологизм дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм), или опыт применения этой теории» (Соч., т. 1, стр. 398).

Твердо установленные законы наук, изучающих различные группы вещей и явлений материального мира, есть твердо установленные, открытые законы развития этих вещей и явлений. Требуя под философским обоснованием понимать сопоставление посылок теории с этими законами развития объективного реального мира, В. И. Ленин ставит вопрос о всеобщей связанности, взаимодействии и взаимозависимости от-

дельных сторон единого материального процесса и их переходов друг в друга, обусловленных общими законами диалектического развития. С этой точки зрения философское обоснование есть не что иное, как приращение посылок теории в соответствие с основными выводами, итогами исторического развития науки и практики человечества, в соответствие с познанными основными законами развития природы и общества.

Сопоставление посылок теории с твердо установленными законами других наук, т. е. применение итога, вывода из истории развития человеческого знания, и есть, по В. И. Ленину, философское обоснование науки. Оно дает отражение всесторонней взаимозависимости вечно движущихся, переходящих из одного состояния в другое материальных вещей, отражение объективной диалектики.

Во второй половине своего разъяснения о том, что следует понимать под философским обоснованием теории, В. И. Ленин указал «или опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что «за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко научное, поистине философское (курсив автора) истолкование целому ряду (это NB) исторических фактов огромной важности». Последнее заявление автора содержит признание, что материализм — единственно научный метод социологии...» (Соч., т. 1, стр. 398).

Что показал опыт применения теории познания диалектического материализма в социологии?

Во-первых, — диалектический материализм вооружил социологию единственно правильным решением проблемы отношения духа к материи, сознания к бытию и, далее, проблемы диалектики формы и содержания, отдельного и общего, явления и сущности, случайности и необходимости. Известно, что домарксистская философия абсолютно отграничила эти последние категории друг от друга, следствием чего было неумение социологии отделить в общественной жизни важное, существенное от неважного, несущественного. Социология не имела научного критерия выделения из многообразия случайностей закономерного. Марксистская философия, сведя к диалектическому единству форму и содержание, отдельное и общее, явления и сущность, случайность и необходимость, работала на основе общего материалистического решения вопроса об отношении духа к материи, общественного сознания к общественному бытию понятие общественно-экономической формации, она указала сущность, основу общества — производственные отношения, которые облекаются политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Определенная система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирующая

и перехода в высшую форму, в другой социальный организм.

Как указывает теория познания диалектического материализма, все явления и факты общественной жизни могли быть объяснимы лишь методом сведения их к их сущности — производственным отношениям, методом раскрытия диалектического единства формы и содержания, явления и сущности, случайности и необходимости.

«На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как содержанием, и политической и идеинной формой...» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 390).

Во-вторых, — применение теории познания диалектического материализма к объяснению фактов общественной жизни, с одной стороны, опровергало детски наивный взгляд субъективистов, пытавшихся отдать всю историю человечества под нравственный надзор «критически мыслящей личности», скидывавших со счета истории «общее», «сущность», закономерность, с другой стороны — отвергло и фаталистическую концепцию буржуазных объективистов, обожествлявших общее, превративших человека в раба объективного закона исторического процесса.

В природе путь реализации необходимости есть действие слепых бессознательных сил, законы развития необходимости проявляются во взаимодействии этих слепых сил. В обществе историческая необходимость реализуется в действиях людей, одаренных сознанием и волей. Каждый человек ставит определенные цели для своих действий, преследует свои частные интересы. Эти частные цели и интересы людей приходят во взаимное столкновение и противоречия. В итоге перекрещивания и взаимоборьбы множества отдельных волей, стремлений, действий в классовых обществах получается совсем иной результат, чем тот, которого отдельные люди ждали и желали от своих частных действий.

На поверхности исторической общественной жизни поэтому, по видимости для тех, кто не проникает в глубь явлений, в их сущность, господствует случайность, игра случайного человеческого произвола, усмотрения и действия. Так и полагали идеологи либерального народничества. Однако, вскоре они сталкивались с тем, что за случайными и произвольными действиями отдельных людей скрывается какая-то могущественная сила. Игра случайностей оказывается в конечном счете подчиненной этой внутренней, скрытой силе. Перед этой силой идеолог либерального народничества со своим субъективным методом вынужден был отступать в область мечтаний, он не мог ни раскрыть объективной основы этой силы, ни объяснить. На самом деле последствия перекрещивающихся, взаимодействующих частных интересов и поступков людей самым су-

щественным образом влияют на положение и жизнь не только отдельных людей, но и всего общества в целом, на всю совокупность взаимных отношений всех членов общества, обуславливая дальнейшее поведение членов общества, независимо от их сознания, воли и желания. Случайность человеческого произвола, усмотрения и действия здесь уступают свое место необходимости. Необходимость оказывается скрытой пружиной частных действий людей: случайность переходит в необходимость.

Однако необходимая зависимость того или иного поступка человека сама ограничена известными пределами, человек в своем поведении зависит от необходимости лишь в конечном счете. В выборе того или иного поступка в пределах и рамках объективных условий он относительно самостоятелен, волен действовать либо в соответствии с этими условиями, либо вопреки им. И в том и в другом случае его поступки, его поведение детерминированы, необходимо обусловлены, сам же выбор соответствующего или противоборствующего необходимости поведения произволен: необходимость вновь переходит в случайность.

Эти взаимопереходы случайности в необходимость и необходимости в случайность в общественном историческом процессе и порождают важнейшую проблему теории познания, проблему необходимости и случайности, отдельного и общего, индивидуального и социального. Разрывая взаимопереходы необходимости и случайности, фиксируя свое внимание на одной фазе диалектического процесса, отвлекаясь от другой, утверждают либо, как это делали струвисты, что человек раб необходимости и не имеет никакой свободы поведения, либо, как это делали либеральные народники, что человек в своих действиях абсолютно произволен, всегда находится в состоянии абсолютной свободы. В том и в другом случаях исторический общественный процесс рассматривается с позиций метафизики, игнорируется главное — движущая сила самого общественного исторического процесса, приводящая к диалектическому единству противоречащие друг другу категории необходимости и случайности, общего и отдельного, индивидуального и социального.

И субъективисты — либеральные народники, и буржуазные объективисты — «легальные марксисты» исписали горы бумаги, пытаясь разрешить «конфликт» между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. На самом деле, как неопровержимо установила теория познания диалектического материализма, тут никакого конфликта нет. «Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его

действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» (Соч., т. 1, стр. 142).

В. И. Ленин указал, что только общественная теория Маркса раскрыла диалектику объективного и субъективного, индивидуального и социального в общественном историческом процессе. «Все дело в том, — писал В. И. Ленин, — что подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной твердо установлено лишь теорией Маркса» (Соч., т. 1, стр. 391).

Диалектика индивидуального и общего полностью проявилась в разработанной Марксом теории классов и классовой борьбы, в раскрытой марксизмом объективной диалектике взаимосвязи массы, класса, партии, личности. «Теория же, — писал В. И. Ленин, — классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полной точностью и определенностью». (Соч., т. 1, стр. 389—390).

«Критически мыслящая личность», выступавшая у либеральных народников в качестве единственного героя и творца истории, нашла свое подлинное, действительное место. Личность была поставлена в определенные общественные отношения, ее помыслы, чувства, идеи нашли свой социальный источник.

Идеолог либерального народничества приходил в отчаяние, сталкиваясь в действительности с тем, что его мечтания об абсолютно свободном творчестве разбиваются о могущественное препятствие.

«Неужели государство — волчок, неужели это — чугунное колесо? — спрашивает Kleinbürger¹⁾, видя, что «колесо» вертится вовсе не так, как он того желал бы.

О нет, — могли бы мы ответить ему, — это не волчок, не колесо, не закон фатума, не воля провидения: его двигают «живые личности» «сквозь строй препятствий» (вроде, напр., сопротивления непосредственных производителей, или представителей старо-дворянского сословия), именно те «живые личности», которые принадлежат к имеющей перевес общественной силе. И поэтому, чтобы заставить колесо вертеться в другую сторону, надо против «живых личностей» (т. е. общественных элементов, принадлежащих не к идеологическим

¹⁾ Мелкий буржуа.

состояниям, а прямо выражающих насущные экономические интересы) обратиться тоже к «живым личностям», против класса — обратиться тоже к классу» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 336).

Человек не может быть в состоянии абсолютной свободы, абсолютного произвола, как утверждала теория либерального народничества, ибо он **общественный** человек, живет и действует в общественной системе, он часть целого и его жизнь имеет своим основанием жизнь общественного целого, определенной системы производственных отношений, определенных классовых интересов. Отдельный человек суть явление общего, частичка, одна из многих сторон этого общего.

Человек не может быть и в состоянии абсолютной несвободы, в состоянии рабства перед объективными законами, ибо общественное целое, частичкой которого он является, складывается в итоге взаимоперекрещивающихся частных волей, стремлений, действий, в свою очередь обобщающихся в классовой воле, стремлении и действии. Общественное целое несводимо к простой механической сумме единичных, каждая из его составных частиц обладает относительной самостоятельностью. Уничтожьте эту относительную самостоятельность частицы, и жизнь общественного целого потеряет свои краски, свою многокачественность, будет обескровлена. В соответствии с марксистским пониманием общественного исторического процесса. В. И. Ленин утверждал великое значение воли, действия, отдельной личности в том случае, если они находят отклик в массе, если кипучая энергия личности подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. В противоположность идейным восприимчивым струвизмам — «экономистам», обрекавшим партию и членов партии на пассивность, на рабство перед стихийностью, В. И. Ленин писал: «Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знающего всякому русскому практику факта, какие чудеса способен совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности» (Соч., т. 5, стр. 417).

Весь вопрос о роли личности сводится к тому, при каких условиях деятельности личности обеспечен успех, в чем состоит гарантия того, что эта деятельность не останется одиночным актом, тонущим в море противоположных актов. «В этом же, — писал В. И. Ленин, — состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность» (Соч., т. 1, стр. 142—143).

Представлять человека абсолютно свободным, независимым от необходимости — значит поставить его в условия изолированности от других людей, вывести его за пределы общества. Напротив, отрицать возможность свободы воли человека, представить человека абсолютно несвободным, значит всецело растворить индивидуальное во всеобщем, представить общее безликим. Развитая марксизмом теория классовой борьбы есть классическое преодоление и той и другой односторонности, классическое воплощение в жизнь диалектико-материалистического решения проблемы необходимости и случайности, необходимости и свободы, отдельного и общего, индивидуального и социального.

«...Действия «живых личностей», — писал В. И. Ленин, — в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, след., по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям *классов*, борьба которых определяла развитие общества» (Соч., т. 1, стр. 391).

* * *

В. И. Ленин сосредоточил особое внимание на изучении «приемов исследования» Маркса, на изучении метода «Капитала»; его особенно интересовало именно **теоретико-познавательное** обоснование марксовского учения, развитая в «Капитале» теория развития. В работах 90-х годов XIX столетия он дал гениальный анализ основных руководящих принципов познания, примененных Марксом в «Капитале» к изучению общественной жизни буржуазного мира, анализ «логики» «Капитала». В. И. Ленин не раз подчеркивал, что «...материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы укавать «едиственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории» (Соч., т. 1, стр. 128—129). «...Марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений...» (там же, стр. 177).

Понимание «драгоценных приемов» познания, примененных Марксом в «Капитале», было поднято В. И. Лениным на небывалую высоту. Значительно позднее, в 1915 году, он писал: «Если Маркс не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания матери-

ализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (В. И. Ленин, «Философские тетради», стр. 215).

Изучая особенность приемов марковского анализа, диалектику «Капитала», как отраженную диалектику исторического процесса общественной жизни буржуазного общества, В. И. Ленин гениально использовал эти приемы для изучения современной ему общественной жизни и, раскрывая объективную диалектику процесса развития капитализма в России, вступавшей в полосу империализма, неизмеримо обогатил их, придал философскому обоснованию общественной теории Маркса новый вид. Его работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» представляла собой дальнейший шаг в развитии диалектики «Капитала», была первым изложением философских основ рождавшейся в России Коммунистической партии. В этой работе В. И. Ленин дал «критикам» и ревизионистам до конца революционный ответ на то, что нужно понимать под философским обоснованием историко-экономической теории Маркса.

В 1916 году в фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин заметил, что метод изложения и изучения диалектики должен быть аналогичен методу анализа общественной жизни в «Капитале» Маркса.

Изучая изложенную и утвержденную «Капиталом» теорию развития, как единственно научную теорию познания, «прием» анализа, руководствуясь ею в практике своей работы, мы следуем природе изучаемого нами явления, ибо логика «Капитала» есть отраженные законы развития материального процесса, диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики объективного мира.

Исключительный интерес для выяснения этой точки зрения В. И. Ленина и ее исторического развития представляет сопоставление обобщений, сделанных им в 1894 году, с обобщениями 1916 года. Разоблачая реакционную боязнь народнической философии опереться в своем анализе общественной жизни на самую действительность, противопоставляя марковскую диалектику, теорию познания диалектического материализма теории познания позитивиста Михайловского, витавшего в заоблачных высях абстрактных рассуждений о непознаваемости сущности реального мира, В. И. Ленин писал: «Он (Маркс—В. Г.) берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возмож-

ность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации» (Соч., т. 1, стр. 123—124).

В 1916 году, подытоживая огромную работу по изучению истории философии, В. И. Ленин развивает далее этот свой взгляд на диалектику «Капитала». Как в 1894 году, он считал, что «Капитал» Маркса есть непревзойденный образец изложения диалектического метода, что в «Капитале» Коммунистическая партия может найти руководство к познанию и действию, найти изложение диалектики, как теории познания.

«У Маркса,— писал В. И. Ленин,— в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыш *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)». «Философские тетради», стр. 328).

Сопоставление ленинских обобщений 1894 и 1916 гг. наглядно показывает, что В. И. Ленин уже в работах прошлого столетия понимал «драгоценные приемы» объяснения общественных явлений, примененные в «Капитале» Маркса, как диалектику, как теорию познания. Он систематически концентрировал внимание на том, что диалектика Маркса есть «прием объяснения истории» и не случайно называл материалистическое понимание истории *методом* познания, считая диалектику революционной душой материалистического понимания истории. «Помните,— писал В. И. Ленин А. Н. Потресову 27 апреля 1899 года,— как один наш общий знакомый в «прекрасном далеке» зло высмеивал и разносил втух и прах меня за то, что я назвал материалистическое понимание истории — «методом»? А вот, оказывается, и Каутский позинен в столь же тяжком прехе употребляя тоже слово: «метод» (Соч., т. 34, стр. 15).

В. И. Ленин обращал внимание на то, что диалектика как теория познания требует признания идеального отражением материального, зависимости хода идей от хода вещей, сопо-

ставления посылок теории с твердо установленными законами других наук, раскрытия в зародыше ведущих противоречий данного ряда изучаемых явлений, прослеживания от начала до конца их развития. Далее она требует сводить (слово, по-стоянно употреблявшееся в данном случае В. И. Лениным) равнообразные действительности к развитию материального субстрата, к сущности, внутреннему единству (сведение многообразных явлений общественной жизни к производственным отношениям, как первоначальным, основным; «сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 376); «сведения индивидуального к социальному» (там же, стр. 390).

В. И. Ленин определял сущность материалистического понимания истории как теорию развития, созданную Марксом и примененную им для изучения общественной жизни, для анализа возникновения и развития буржуазного общества, классовой борьбы пролетариата с буржуазией за низвержение власти капиталистов, за установление своей диктатуры, за революционный переход к коммунистическому обществу. Маркс обязывает, — писал он, — смотреть на общество как на живой организм в его функционировании и развитии. «Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественно-го организма и замену его другим, высшим организмом» (Соч., т. 1, стр. 150).

Применяя марксову диалектику и логику «Капитала» как руководство, как «прием» для самостоятельного изучения фактов общественной жизни России, В. И. Ленин дал непревзойденные образцы раскрытия объективной диалектики исторического общественного процесса и отражения этой диалектики в разрабатываемой им политической программе русской социал-демократии.

Далее мы, в меру наших сил и возможностей, сделаем попытку более полно осветить раскрытие В. И. Лениным объективной диалектики исторического общественного процесса в России, здесь же ограничимся лишь приведением нескольких примеров.

Народники противопоставляли развивавшемуся в России капитализму «народный строй производства», крестьянскую общину, кустарную промышленность. Если они и обнаруживали факты эксплуатации в кустарной промышленности, то не относили их за счет капиталистической организации труда, а видели в них результат политической линии правительства. В лучшем случае народники искали причину угнетенного положения производителя в сфере распределения — «мужик беден, скупщик богат». При такой концепции оставалось совершенно не ясным, откуда же мог в России вырасти крупный

капитализм, если в производственных отношениях кустарной промышленности нет ничего капиталистического, если крупный капитализм не представляет собой непосредственного продолжения развития капиталистических отношений, взращенных в широкой системе так называемого «народного строя производства».

«Непонимание связи капитализма с «народным производством», — писал В. И. Ленин, — порождало у народников идеи о не-классовом характере крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенции и т. д. Материалистический анализ, сводя все эти явления к классовой борьбе, должен показать конкретно, что наш русский преформенный «социальный прогресс» был только следствием капиталистического «экономического прогресса» (Соч., т. 1, стр. 424, примечание).

На основании диалектико-материалистического анализа многочисленных фактов В. И. Ленин с непреодолимой точностью констатировал капиталистическую эксплуатацию в кустарной промышленности и доказал, что корни развития крупного капитала уходят в развивающиеся капиталистические отношения в самом «народном строе». Он показал факты эксплуатации мелкого производителя, увеличивающийся процесс отделения его от средств производства, превращения мелкого собственника в наемного рабочего, присвоения частными лицами продукта общественного труда. Анализируя развитие капиталистических производственных отношений в кустарной промышленности, он далее показал, как под влиянием товарного хозяйства в руках отдельных «личностей» скапливаются «сбережения», превращаясь, благодаря полученной возможности оптовой торговли и реализации товаров на далеких рынках, в капитал, как торговый капитал поработает массу мелких производителей, организует капиталистическую домашнюю систему крупного производства, по мере расширения рынка и усиления конкуренции (обусловившей развитие техники) развивающуюся в крупное машинное производство.

Народники метафизически разрывали взаимосвязанные явления одного и того же процесса — «раскрестьянивание» в деревне и рост крупного капитала в городах. Раскрыв процесс развития товарного хозяйства и рост капитализма, как один и тот же органический процесс, В. И. Ленин диалектически соединил «начало» с «концом». «Раскрестьянивание» в деревне, — писал он, — показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, — и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете

объяснить ни того ни другого явления, ни обеднения народа, ни роста капитализма» (Соч., т. 1, стр. 107).

Разрывая «начало» процесса с его «концом», народники не понимали того, что капитал — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени сравниваемых категорий (см. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 200—201). Конкретным анализом процесса развития капитализма в России В. И. Ленин показал, что организация кустарных промыслов в России давала превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма.

Народническое представление «народного строя производства», — заключил В. И. Ленин, — «держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно — материалистического метода» (Соч., т. 1, стр. 197).

Следует подчеркнуть особенность ленинского анализа русской общественной жизни, особенность, выражающуюся в том, что общие положения марксизма служили ему лишь **руководством, теоретико-познавательными принципами, посылами** в деле самостоятельного изучения многочисленных фактов действительности, средством раскрытия объективной диалектики изучаемого процесса. В этом отношении показательным само построение работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин писал позднее, что у него «...абстрактные истины теории играют там лишь роль руководящих положений, лишь орудий для анализа конкретных данных» (Соч., т. 4, стр. 74). В первой главе этой работы В. И. Ленин рассмотрел основные теоретические положения политической экономии по вопросу о внутреннем рынке для капитализма, основные вопросы общей истории развития капитализма. Далее, пользуясь этими теоретическими положениями, как руководящими правилами познания, он во второй, третьей и четвертой главах работы дал глубокий анализ фактам капиталистической эволюции земледелия пореформенной России (земско-статистические данные о разложении крестьянства, данные о переходном состоянии помещичьего хозяйства, о смене барщинной системы этого хозяйства капиталистической), раскрыл конкретные формы, в которых проходило образование капиталистического земледелия. После того, как на основе разбора огромного материала неоспоримо была доказана капиталистическая эволюция земледелия, обнаружены **присущие ей в России формы**, В. И. Ленин в следующих трех главах раскрыл стадии развития капитализма в промышленности (кустарная промышленность, капиталистическая мануфактура, капиталистическая система работы на дому, развитие крупной индустрии). Последняя — восьмая глава — посвящена разбору общей связи между установленными ранее отдельными сторонами процесса, общей картине этого процесса. Эта

глава, обобщающая весь материал предыдущих глав, устанавливает точное значение изложенных в первой главе общих теоретических положений в их применении к той или иной форме, стороне изученного процесса развития капитализма в России, с необыкновенной силой развивает эти положения, обогащает их.

Такое изучение, изложение и развитие марксовской теории, при ее применении к самостоятельному анализу исторического общественного процесса, подготовило гениальное, обусловившее новую эпоху в развитии диалектического материализма, обобщение В. И. Ленина 1916 года: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» («Философские тетради», стр. 329).

Диалектика, теория познания, логика «Капитала» — вот что более всего интересовало В. И. Ленина, вот чему больше всего уделил он внимания в борьбе против врагов марксизма в своих работах, подготовлявших создание марксистской партии в России. С особой силой, при этом, он восстанавливал, защищал и развивал дальше суть, самое главное в материалистической диалектике — учение о единстве и борьбе противоположностей.

Развитие В. И. Лениным закона единства и борьбы противоположностей как закона познания и революционного действия

Утверждения либеральных народников и струвистов, равно как всей буржуазной «критики» Маркса и ревизионизма на Западе, относящиеся к группе вопросов, связанных с марксистским пониманием закона единства и борьбы противоположностей, сводились к попытке доказать несостоятельность диалектического учения о противоречии. Раз противоречиво, заявляли они, стало быть не логично.

Мелкобуржуазные «критики» капитализма — народники с большой силой страсти разоблачали «болезненные язвы» буржуазной общественной жизни, вскрывали противоречия капитализма, срывали маски лицемерия «с казенных оптимистов» — апологетов капитализма, показывали непримиримую враждебность капитализма интересам народных масс. В этом заключалась их немалая заслуга перед освободительным движением. Но народники не умели понять природу и характер противоречий капитализма, не умели объяснить их и, отражая точку зрения мелкой буржуазии, отрицали за капитализмом высшую форму общественной связи по сравнению с прошлым. «Признание прогрессивности этой роли (исторической роли капитализма в хозяйственном развитии России — В. Г.), — разъяснял

В. И. Ленин народникам, — вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима» (Соч., т. 3, стр. 523). Народники не были в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм — не случайность, а прямой продукт экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил. Поэтому они и не видели выхода из состояния буржуазного рабства на путях дальнейшего развития основных противоречий капитализма, дальнейшего обострения классовой борьбы пролетариата против буржуазии, доведения ее до революционного неопровержения капитализма и перехода к новому обществу. Народники стояли на романтически-реакционной позиции отрицания классовой борьбы, на позиции «гражданского мира» в обществе. Марксизм, — утверждал Михайловский, — есть философия «клучачного принципа», нужна «священная борьба с борьбою».

«...Едва ли не самая глубокая причина расхождения с народниками, — писал В. И. Ленин, — лежит в различии основных воззрений на общественно-экономические процессы. Изучая эти последние, народник делает обыкновенно те или другие морализирующие выводы; он не смотрит на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни; он не задается целью представить всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами, имеющими различные интересы и различные исторические роли» (Соч., т. 3, стр. 527—528).

В конечных выводах, отрицающих классовую борьбу, народники объективно смыкались со своими врагами из лагеря апологетов капитализма.

Струвисты, представляя идеологию либеральной буржуазии, в противоположность народникам пытались вообще отрицать противоречивость развития капитализма, пытались доказать, что «в этом мире все прекрасно», что вскрытые Марксом противоречия буржуазного общества — «надуманность», результат «тенденциозности» его «системы», что будто бы капитализм в «чистом» виде есть образец гармонического общественно-развития. Понятно, что они «из кожи лезли вон», отрицая «научность» теории классовой борьбы. Позиции идеологов мелкой буржуазии, выступавших против буржуазности, против капитализма и апологетов капитализма, в конечном счете, смыкались с позицией струвистов в общем походе против марксистской теории классовой борьбы, ее философской основы — материалистической диалектики.

Те и другие пытались неопровергнуть марксистское положение о том, что «противоречие двигает вперед». Для тех и других марксистская диалектика, ее суть — единство и борьба противоположностей — была книгой за семью печатями.

В работах 90-х годов, подробно разоблачая народнические и струвистские воззрения, В. И. Ленин неопровержимо доказал, что гениальность Маркса проявилась именно в том, что он обнажил противоречия капиталистического способа производства, объяснил их происхождение, показал пути их неизбежного обострения, приводящего к взрыву всей системы буржуазных общественных отношений.

Маркс, — указывал В. И. Ленин, — брал товар как клеточку буржуазного общества и показал, следя за его развитием, что уже в этой клеточке заключены в зародышевом состоянии все противоречия капиталистического общества. Двойной характер труда, заключающегося в товаре, выражается в противоречивом единстве двух факторов самого товара — потребительной и меновой стоимости. Эти две стороны товара поляризуются как эквивалентная и относительная форма стоимости. «Относительная форма стоимости и эквивалентная форма, — писал Маркс, прекрасно иллюстрируя конкретное проявление закона единства и борьбы противоположностей, — это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключают или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости...» (К. Маркс, «Капитал», т. 1, стр. 55). В своем дальнейшем движении они приводят к расщеплению товарного мира на товары и деньги. Являясь результатом развития товара, деньги становятся исходным пунктом капитала, — они на определенной ступени товарного производства превращаются в капитал.

Представляя капитал как выражение классовых отношений (классовой противоположности интересов), Маркс показал далее, что капитал вообще возможен лишь как непрерывный процесс производства и воспроизводства этих отношений, — движения, приводящего к такому обострению лежащих в его основе противоречий, которое предполагает необходимость установления новых общественных отношений.

Развитие производительных сил в буржуазном обществе выражается в росте их обобществления; это обобществление в свою очередь происходит в форме основного противоречия буржуазного мира между общественным характером производства и частным принципом присвоения: «Самый рост товарного производства, — писал В. И. Ленин, — разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок. Производство на себя превращается в производство на все общество, и

чем выше развит капитализм, тем сильнее становится противоречие между этим коллективным характером производства и индивидуальным характером присвоения». (Соч., т. 3, стр. 525). Таким образом развитие производительных сил приводит, **во-первых**, к обострению основного противоречия капиталистического способа производства, выражением чего является колоссальный рост богатства на одном полюсе и еще больший рост нищеты на другом, **во-вторых**, к развитию классовой борьбы, к организации и сплочению рабочих масс в революционный класс («из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс» (Маркс). Капитал в своем движении сам развивает объективные и субъективные факторы революционного преобразования буржуазного общества в социалистическое.

Учение Маркса о противоречии, гениально примененное им для анализа капиталистического общества, выявления основных тенденций и закономерностей его развития, приводит к неопровержимому научному обоснованию теории пролетарской революции, диктатуры пролетариата и социализма.

В борьбе против буржуазной «критики» и ревизионизма В. И. Ленин восстановил открытый Марксом закон единства и борьбы противоположностей и в условиях новых форм классовой борьбы эпохи империализма и пролетарских революций неизмеримо развил, конкретизировал его дальше.

В борьбе против либеральных народников и легальных марксистов он с особой силой обращал внимание на то, что единство и борьба противоположностей составляют сущность объективного закона развития действительности, что всякий объективный закон развития есть существенная форма проявления единства и борьбы противоположностей. Легальные марксисты и либеральные народники с разных позиций приходили к одному и тому же результату — извращенному пониманию объективного закона развития. Легальные марксисты фиксировали внимание на моменте единства противоположностей, пытаясь свести целиком к нему объективный закон, отрицая тем самым противоречие, скидывая его со счета объективной логики развития. Либеральные народники, напротив, отрицали самую возможность единства противоположностей, представляя борьбу противоположностей, как внешнее столкновение враждебных сил, не видели во взаимном исключении противоположностей их взаимосвязи. В итоге либеральные народники, как и легальные марксисты, исключали противоречие из числа объективных категорий.

Во всех своих работах В. И. Ленин, отвечая и легальным марксистам и либеральным народникам, систематически подчеркивал, что противоречие есть существенное содержание объективного закона движения явлений реального мира. Противоречие дано не внешне, как нечто наносное, случайное, —

утверждал В. И. Ленин, — а составляет самую сущность развивающейся капиталистической закономерности.

«Противоречие не есть невозможность, — писал Ленин, — *Widerspruch* не то, что *Widersinn*). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. (Соч., т. 2, стр. 162).

Развитие данного строя — развитие противоречивое, и чем дальше развивается это противоречие, тем легче выход из него. Объясняя колебания, которым подвергается спрос на рабочих в зависимости от кризисов или периодов процветания, В. И. Ленин подчеркнул, что эти колебания — закон капиталистического производства. Развитие производительных сил буржуазного общества, о котором так много спорили народники, совершалось именно этим путем противоречий и непропорциональностей.

Капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безусловному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, — пролетаризирование народных масс, ставящее узкие границы расширению личного потребления. Ясно, — констатировал В. И. Ленин, — что мы видим здесь противоречие в капиталистическом производстве. «Само собою разумеется, что было бы грубой ошибкой выводить из этого противоречия капитализма (или и из других его противоречий) невозможность капитализма или непрогрессивность его сравнительно с прежними хозяйственными режимами (как любят делать наши народники). Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 46).

Вскрыть противоречия и проследить за возникновением, развитием и разрешением противоречий капиталистического общества, — разъяснял В. И. Ленин, — означало понять необходимость и условия перехода от капитализма к новому общественному строю.

«...Если производительные силы, — писал В. И. Ленин, — рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия

этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками» (Соч., т. 4, стр. 146).

Противоречия — это явление, недопустимое в общественной жизни, ибо оно разъединяет людей, раздробляет их, порывает общественные связи между ними, утверждали «критики» марксовской диалектики, не умея или не желая понять, что суть диалектического противоречия выражается объективным законом единства и борьбы противоположностей.

Диалектическое противоречие в действительности не есть внешнее столкновение противоположностей, безразличных по своей внутренней сущности друг другу, имеющих абсолютно самостоятельное, не зависимое друг от друга существование.

Без внутреннего единства не может быть и борьбы между противоположностями, составляющими диалектическое противоречие, без внутренней связи между противоположностями не может быть между ними и существенного отношения.

Конфликты между производительными силами и производственными отношениями, между производством и потреблением в капиталистическом обществе именно потому и происходят, что эти внутренние нераздельные моменты разделяются и затем насильственно соединяются.

Разоблачая вульгарных экономистов, Маркс писал: «Именно в кризисах обнаруживается их единство, единство различий. Самостоятельность, которую приобретают связанные друг с другом и дополняющие друг друга моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, следовательно, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства, по-видимому, безразличных по отношению друг к другу моментов не было бы кризиса. Но нет, говорит экономист-апологет. Так как имеется единство, то не может быть никакого кризиса, что опять-таки означает лишь то, что единство противоположных [моментов] исключает противоположность» (Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 181).

Струвисты в качестве апологетов капитализма исключали противоречие, подчеркивая лишь момент единства противоположностей; мелкобуржуазные критики капитализма, напротив, исключали момент единства, существенную связь противоположностей. «Экономисты, — писал Маркс, конкретизируя закон единства и борьбы противоположностей, — которые отрицают кризисы, поэтому останавливаются лишь на единстве обеих этих фаз. Если бы они были только разделены, не представляя одновременно единства, то невозможно было бы и насильственное восстановление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они представляли лишь нечто единое, нераздельное, то невозможно было бы их насильственное разделение, что опять-таки представляет кризис. Он представляет насильственное создание единства между обособившимися мо-

ментами и насильственное обособление моментов, которые, в сущности, представляют нечто единое» (Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 189).

Диалектическое противоречие — это «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними» (В. И. Ленин. «Философские тетради», стр. 328). Это положение В. И. Ленина, данное во фрагменте «К вопросу о диалектике», было по существу им развито и воплощено в жизнь в его борьбе против буржуазной и мелкобуржуазной «критики» Маркса уже в работах 90-х годов.

Разоблачая типичную ошибку романтизма — заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем высшей формы общности, — В. И. Ленин разъяснял, что связь между противоположными классами в буржуазном обществе, создаваемая капиталистическим способом производства, проявляется именно в форме противоречий и антагонизма, что и романтически воспеваемая народниками община, как организация производства, также никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства.

За противоречиями капитализма романтики просмотрели тот факт, что противоречия не только разъединяют людей, принадлежащих к противоположным классам, но и определенным образом соединяют людей одного и того же класса, что противоречия выражают реальные интересы реальных групп населения, занимающих определенное место в общем строе буржуазного общественного хозяйства. «Разве капитализм, — писал В. И. Ленин, — разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже связь между производителями, связь, устанавливаемая рынком? Антагонистический, полный колебаний и противоречивый характер этой связи не дает права отрицать ее существования. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, вынуждает все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса во всей нации и даже в различных государствах» (Соч., т. 2, стр. 192). В том-то и суть диалектического противоречия, что единое (общий строй буржуазного общественного хозяйства) все сильнее, шире, глубже раскалывается на взаимоисключающие части (антагонистические классы — буржуазия и пролетариат), что борьба этих взаимоисключающих частей (классов) все теснее и теснее оплачивает людей, объединяемых материальными и политическими интересами, что этот процесс в конце концов приводит к взрыву данной формы общественной связи противоположных клас-

сов, к замене ее новой, более высокой формой общественной связи между людьми. Капитализм, повышая производительность труда, **обобществляет его**, развивает и выясняет социальную, классовую противоположность трудящихся масс системе эксплуатации человека человеком. «...**БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самих условий существования этого крупного капитализма и потому, может безусловно рассчитывать на **ВЕРНЫЙ УСПЕХ**» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 218).

Раскалывая общество на взаимно противоположные общественные группы, классы, обуславливая обострение борьбы между этими группами, капитализм все сильнее и сильнее **связывает**, сплачивает людей внутри этих групп. «Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы» (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 526).

Сутью диалектического противоречия является именно разъединение («раскалывание») единого на взаимоисключающие части (общества на антагонистические классы — буржуазию и пролетариат). Борьба между противоположными классами общества есть одновременно и **взаимоисключение** и выражающаяся в этом взаимоисключении **взаимосвязь** противоположностей. Борьба противоположностей обязательно включает в себя конкретно-историческую, постоянно изменяющуюся, переходящую от одной формы в другую **взаимозависимость** противоположностей: существование буржуазии немыслимо без эксплуатируемого ею пролетариата; пролетариат, ниспровергая господство буржуазии, превращая орудия и средства производства и общественную собственность, перестает быть пролетариатом, исчезает и само диалектическое противоречие, оно разрешается в реальном революционном переходе предмета в новое качественное состояние.

«Пролетариат и богатство, — писали Маркс и Энгельс, — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности..»

Частная собственность, как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование*, а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден ун-

разднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 2, стр. 38—39).

Свои замечания по поводу понимания противоречия, как закона объективного мира, закона познания, В. И. Ленин в споре с русскими «критиками» Маркса заключил в замечательной формулировке: «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она дает точное изображение в теории всех тех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма» (Соч., т. 4, стр. 69).

Никто после Маркса и Энгельса до В. И. Ленина не доводил признания материалистической диалектики до признания единства и борьбы противоположностей — основной сути диалектики — объективным законом развития действительности, законом, **необходимо определяющим полемический характер** научно-общественной теории, следовательно, **необходимо обуславливающим революционность, партийность этой теории.**

Диалектико-материалистический анализ действительности должен дать точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Но тогда субъект познания (исследователь) объективно необходимо ставится «в полемическое отношение» к действительности, ко всему консервативному, реакционному, что составляет одну из сторон вскрывающегося противоречия. «...В пределах всего антагонизма, — писали Маркс и Энгельс, — частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетариат — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 2, стр. 39). Соединение глубокой научности с революционностью в марксистской теории, о чем речь шла выше, здесь проявляется с наглядной очевидностью, оно заключено в *самой* сути диалектики, в законе единства и борьбы противоположностей.

В. И. Ленин далее подчеркнул, что противоречие сводится к борьбе материальных классовых интересов, вытекающих из определенной системы производственных отношений, что в классовых обществах производственные отношения по сути своей противоречивые отношения, отношения господства и подчинения.

Ошибка народников заключалась именно в том, что в своих попытках понять природу общественного противоречия, они абстрагировались от ее материальной сущности — производственных отношений, от классовой борьбы. Понять противоречие как закон движения общественной жизни означало для В. И. Ленина раскрыть его материальную сущность — производственные отношения — и далее обнаружить конкретных классовых носителей противоположных сторон противоречия, точно и ясно представляя положение различных классов, расстановку классовых сил. Для народника — субъективного идеалиста не существовал научный критерий решения вопросов общественной жизни, состоящий в сведении всех многочисленных фактов к одной основе — производственным отношениям, к борьбе пролетариата с буржуазией, у них исчезал материальный субстрат противоречия, оно лишалось своего основания.

«Мы видели», — писал В. И. Ленин, — что и романтизм, и новейшая теория (марксизм — В. Г.) указывают на одни и те же противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, ссылающиеся на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве, во вредном действии машинной индустрии и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно признает все эти (курсив В. И. Ленина — В. Г.) противоречия, которые признавал и романтизм. Но спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научный анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий? (курсив мой — В. Г.) — Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизуют свои указания на противоречия точно так же лишь для добрых пожеланий» (Соч., т. 2, стр. 229).

В. И. Ленин систематически подчеркивал, что все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма (см. Соч., т. 1, стр. 423).

В противоположность народнической реакционно-романтической критике капитализма, не умеющей объяснить противоречия капитализма, В. И. Ленин доказал, что крупный капитализм в России относится к «народному производству», как вполне развитое явление к неразвитому; что освобождение производителя от средств труда и присвоение продукта его труда владельцами денег объясняется не политикой, не распределением, а отношениями производства, складывающимися

в товарном хозяйстве, образованием противоположных по своим интересам классов, которое характеризует капиталистическое общество; что критикуемая действительность есть действительность, включающая в себя присущую капитализму противоположность классов и столкновения их. Народники, игнорируя сложившиеся уже социальные противоположности, считая их «случайными», внешними для действительности, мечтающие об «иных путях для отечества», являлись утопистами-реакционерами.

«Народник», — писал В. И. Ленин, — для критики капитализма считает достаточным констатировать наличие эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплуатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма — осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей». Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса, — критику, основывающуюся не на моральных суждениях «личности», а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса». (Соч., т. 1, стр. 423).

Нет противоречия вообще, есть конкретное противоречие — результат борьбы материальных интересов. Идеализм может указать противоречие, но понять происхождение, вскрыть реальное содержание, объяснить его он не в состоянии. Учение о противоречии стало действительным и научным только как материалистическая теория, только в руках величайших материалистов-диалектиков — Маркса, Энгельса, Ленина.

На протяжении всех своих работ 90-х годов В. И. Ленин с особой силой подчеркнул, что при изучении какого-либо ряда общественных явлений главное — это свести все стороны, все факты изучаемой общественной жизни к основному, определяющему развитию противоречию, представив это противоречие как борьбу определенных материальных интересов определенных общественных групп, классов. Реальные интересы, реальные столкновения противоположных сил и есть критерий для решения вопросов о природе, направлении, содержании и развитии общественного явления. Такое понимание противоречия и его роли кладет непреходимую грань между марксистско-ленинской точкой зрения и идеалистической, даже в лучшем ее представлении — гегелевской философией. Последняя делает противоречие центральным фо-

кусом своего учения о диалектике, признает закон единства и борьбы противоположностей законом познания, но выхолщивает его материальное содержание, сводя его к борьбе духа с природой, и поэтому превращает противоречия в пустую отвлеченность, всюду и везде внося в историю общественной жизни религиозное начало.

В противоположность гегелевской философии Маркс и В. И. Ленин видели источник противоречивого развития в материальной сущности явлений, а возможность разрешение противоречия в «чувственной», активной деятельности революционных классов. Они учили сводить противоречия всех общественных явлений к материальным производственным отношениям. В. И. Ленин разъяснил народникам это коренное, принципиальное отличие марксовского учения о противоречии от учения Гегеля на примерах конкретного разбора их собственных ошибок.

В иной форме, отличной от гегелевской, идеологи народничества повторили общее для идеалистов всех оттенков и разновидностей стремление искать пути разрешения противоречий в сфере абстрактной мысли, абстрактных мечтаний.

Протест народников против буржуазности, — как отметил В. И. Ленин, — был превосходным, но выводы их — мизерны. Раскрытие вопиющих противоречий буржуазного общества, стремление пригвоздить буржуазную цивилизацию и буржуазию к позорному столбу, казалось, должны были бы заставить народников отвернуться от буржуазного общества, идти к антиподу буржуазии. Вместо этого последовал уход народников в мир реакционной мечты.

Народники разоблачали лицемерие апологетов капитализма, указывали на разрушительное действие машинного производства и разделения труда, на концентрацию капиталов и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие несправедливости в распределении богатств. В этом В. И. Ленин видел большую заслугу мелкобуржуазной критики капитализма и принципиальное отличие ее от буржуазного апологетизма струвистов. И однако отсутствие научного, диалектико-материалистического анализа и объяснения констатируемых противоречий привело народников к реакционным утопическим требованиям или восстановления старых способов производства и обмена, или насильственного удержания буржуазного способа производства в рамках старых имущественных отношений.

Народник не видел у буржуазии глубоких корней в русских производственных отношениях и поэтому утешал себя детскими иллюзиями о возможности исправить «положение дел» устранением «пройдох». Естественно, что с этой точки зрения **классовая борьба** была ни при чем.

«С классом, — отвечал народникам В. И. Ленин, — может бороться только *другой класс*, и притом непременно такой, который вполне уже «дифференцирован» от своего врага, вполне противоположен ему, но с «пройдохами», разумеется, достаточно бороться одной полицией, в крайнем случае, — «обществу» и «государству» (Соч., т. 1, стр. 331).

Противоречие между общественным характером производства и частным принципом присвоения, между буржуазией и пролетариатом составляет самую основу — качественную определенность капиталистического способа производства. Разрешение этого противоречия есть взрыв старого качества и переход к принципиально иному способу производства — социалистическому, к новому качеству. Революционное разрешение противоречий определяет собою смену форм, смену качеств. Буржуазные «критики» Маркса не понимали и не смели, в силу своей классовой природы, понять эту истинную суть противоречия, фиксировали все свое внимание лишь на внешних сторонах его проявления, сводили противоречие к внешним случайным столкновениям, закрывали глаза на побудительную силу развития противоречия, заключенную в нем самом, искали причины противоречивого развития общественной жизни в посторонних явлениях. Поэтому народники в 90-х годах и затыкали выявляющиеся противоречия соответствующей «сентиментальной фразой», на каждый вопрос отвечали «невытнтым пожеланием».

«Маркс и Энгельс первые показали, — писал в 1895 году В. И. Ленин, — что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство» (Соч., т. 2, стр. 5).

В борьбе с буржуазными «критиками» В. И. Ленин показал, что учение Маркса о противоречии есть развитие и конкретизация старого домарксистского материализма, показал что нет материи без движения, но самое это движение, развитие материи — есть развитие противоречивое, развитие, рождающее борьбу как свою необходимую жизненную форму.

Обязанность материалиста и сводится поэтому, по В. И. Ленину, к тому, чтобы отыскать корни, причины противоречия в самом развивающемся предмете, вещи, материальной сущности, к тому, чтобы представить развитие предмета как саморазвитие, самодвижение. Разрешение противоречия не есть внешнее его устранение. Оно достигается его дальнейшим развитием, в котором революционная сторона противоречия черпает свои силы и энергию для уничтожения и самого противоречия, уничтожения, необходимо связанного с переходом предмета от старого к новому качественному состоянию.

Кто высказался так или иначе, вольно или невольно против марксистско-ленинского понимания материи, тот неизбежно должен отказаться и от марксистского учения о противоречии. Нет противоречия вне материи, развивающейся, движущейся, вечно переходящей от одной формы к другой. Противоречие есть выражение переходов и превращений в могучем, все определяющем, абсолютном движении материи. Покой есть мера движения материи. Он относителен и условен. Самодвижение материи в противоположность этому своему моменту — абсолютно. Единство и борьба противоположностей — закон движения материи. Единство в движении есть мера борьбы. Оно условно, относительно — борьба же в противоположность единству абсолютна, как абсолютно само движение. Разрешение противоречий может быть лишь в борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться, вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы» (Маркс). «Следовательно,— продолжал В. И. Ленин,— прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения» (Соч., т. 1, стр. 309).

Кто не на словах, а на деле, целиком и полностью стоит на этой позиции материалистической диалектики В. И. Ленина, тот вооружен могучим революционным орудием познания, тот неразрывно до конца должен связать свою жизнь, работу и борьбу с жизнью и борьбой рабочего класса, тот должен уметь подчинить теорию основной задаче — завоеванию диктатуры пролетариата, строительству социализма. Для В. И. Ленина с самого начала материалистическая диалектика была теорией познания и революционного действия. Применение материализма

Маркса к изучению общественных отношений неизбежно приводит,— категорически утверждал В. И. Ленин, — к самому активному участию в классовой борьбе общества, превращая таким образом познание в процесс, основой которого является революционная практика изменения мира.

Иная позиция, иная отправная точка зрения,— утверждал В. И. Ленин,— приводит к искажению действительности, к сдаче принципиальных позиций и ведет в болото оппортунизма.

В. И. Ленин не видел марксизма вне процесса его развития. Он прямо говорил, что марксист должен двигать дальше во всех направлениях свою теорию, если он не хочет отстать от жизни, что необходима самостоятельная разработка теории, умение применить руководящие принципы теории Маркса к объяснению закономерностей, форм и особенностей развития русской действительности. Он учил русских революционеров умению сводить все явления общественной жизни к их материальной сущности, производственным отношениям и таким образом представлять развитие общества, как естественно-исторический процесс. Учил далее тому, что нет материального процесса, движущей пружиной которого не являлась бы борьба различных сторон противоречий, внутренне этому процессу присущих, что всякое развитие есть раздвоение единого на взаимно-исключающие части и взаимоотношения между ними, что стальной хребет всех общественных явлений, их жизненный нерв в обществах, покоящихся на системе эксплуатации человека человеком,— борьба классов, развивающаяся в капиталистическом обществе до захвата власти пролетариатом.

Сведение всех форм и выражений борьбы к ее материальной сущности — производственным отношениям, непримиримость борьбы до полного уничтожения одной стороны противоречия другой, требование конкретного анализа содержания противоречия и хода его развития, строгая партийность теории — вот центральные узлы, отмеченные В. И. Лениным в марксистском учении о противоречии.

Эти основные положения В. И. Ленина были развиты им в применении к изучению русской действительности, были гениально конкретизированы в учении о двух путях развития капитализма в России, в идее гегемонии пролетариата, в учении о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Неизмеримо обогащенные опытом революции 1905 года, опытом организации революционного рабочего движения, соединения социализма с рабочим движением, опытом борьбы с оппортунизмом, с предательством II Интернационала, эти положения были В. И. Лениным далее обобщены в замечательной формулировке, записанной им в фрагменте: «К вопросу о диалектике».

«Тождество противоположностей» («единство» их, может быть, вернее сказать? Хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций, во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей» (В. И. Ленин, «Философские тетради», стр. 327).

Все ленинские работы 90-х годов прошлого столетия, представляя гениальную конкретизацию революционной концепции развития, вооружают нас исключительной силой и мощью орудием классовой борьбы.

Закон единства и борьбы противоположностей в работах В. И. Ленина с самого начала его политической деятельности выступил, в отличие от Плеханова и остальных «ортодоксов», законом движения самой действительности, основным законом познания.

Позднее В. И. Ленин писал: «На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например, зерно», «например, первобытный коммунизм». То же у Энгельса. Но это «для популярности»...), а не как закон познания (и закон объективного мира)». («Философские тетради», (стр. 327).

У самого В. И. Ленина, закон единства и борьбы противоположностей явился «ключом» к раскрытию объективной диалектики исторического общественного развития России. На этой основе он разработал революционную стратегию и тактику классовой борьбы марксистской партии.

Материалистическая теория познания — орудие ленинского раскрытия объективной диалектики исторического общественного процесса

В. И. Ленин систематически разъяснял, что решительная борьба революционного марксизма против ревизионизма и буржуазной «критики» отнюдь не должна ни в какой степени умалять значение дела самостоятельной творческой разработки марксистской теории, ее дальнейшего развития. Более того, В. И. Ленин писал по поводу чепуховых вымыслов ревизионистов о том, что революционные марксисты будто исключают критическое претворение и дальнейшее развитие теории: «...я прямо сказал, что принятие чего-либо на веру,

исключение критического претворения и развития есть тяжкий грех, а для того, чтобы претворять и развивать, «простого истолкования», очевидно, недостаточно» (Соч., т. 3, стр. 557—558).

Непримиримый враг абстрактной схемы, каких бы то ни было попыток заслонять ими исторические вопросы, В. И. Ленин, оставаясь всецело на почве теории Маркса, будучи последовательным марксистом, требовал развития основных положений марксизма сообразно с изменяющимися условиями и местными особенностями разных стран. «Мы вовсе не смотрим, — писал В. И. Ленин, — на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь *общие руководящие* положения, которые применяются в *частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России». (Соч., т. 4, стр. 191—192).

В. И. Ленин призывал русских социал-демократов, отбрасывая прочь ревизионистские наскоки на марксизм, прочно и всецело стоять на почве революционного марксизма, на почве признания глубокой научности марксистских обобщений революционного опыта стран Западной Европы, безусловной применимости этого опыта в русских условиях, признания необходимости известного подражания и заимствования, поскольку и в России наблюдались те же основные процессы развития капитализма, были те же основные задачи социалистов и рабочего класса. Однако, он при этом категорически предупреждал, чтобы эти признания научности и революционности общих положений марксизма и их применимости в России не повлекли за собой забвения особенностей исторического общественного процесса России, которые должны были найти полное выражение в особенностях программы партии.

К чему приводит забвение необходимости самостоятельною анализа и раскрытия **особенных форм проявления общих** для разных стран закономерностей исторического процесса, мы можем видеть на примере плехановской постановки вопроса о взаимоотношениях классов и партий в предстоявшей в России буржуазной революции.

В. И. Ленин вполне согласился с Г. В. Плехановым, утверждавшим, что спор с народниками по поводу возможности для России миновать «мучительный этап капиталистического развития» — беспредметен: в России развитие капитализма было уже налицо. Прав был Г. В. Плеханов и в том, что глав-

ной задачей революционеров было создание марксистской рабочей партии, соединение социализма с русским рабочим движением. Утверждение Г. В. Плеханова о том, что России предстоит буржуазная революция, В. И. Ленин считал «непреодолимой истиной».

Все высказанные выше положения Г. В. Плеханова были целиком разделяемы В. И. Лениным, в этом отношении позиции Г. В. Плеханова и В. И. Ленина были едиными. Но далее между ними наметились глубокие расхождения.

Г. В. Плеханов прервал свой анализ буржуазной эволюции общественной жизни России как раз там, где должно было начаться раскрытие **особенных форм** исторического процесса буржуазного преобразования России. Констатируя наличие буржуазной экономики в России, он сосредоточил свое внимание на том **общем**, что свойственно капиталистической системе хозяйства, где бы, в какой бы стране она ни развивалась, пренебрег необходимостью конкретного анализа особенных исторических условий этого развития. Говоря философским языком, в своем анализе буржуазной эволюции общественной жизни Г. В. Плеханов остановился там, где необходимо было раскрыть в этой эволюции диалектику соотношения **общего и особенного**.

Общие закономерности и **сущность** развивающейся новой системы общественных отношений (буржуазные общественные отношения) всегда, в любой стране **повторялись** (отделение производителей от средств производств, превращение рабочей силы в товар, противоречие между общественным характером производства и частным принципом присвоения и т. д.), но каждый раз они пробивали себе путь к осуществлению, проявляясь в **особых** исторических условиях, при особом соотношении сил борющихся между собой классов. Диалектика требует строгого учета конкретно-исторического взаимодействия классов, из борьбы которых и складывается тот или другой **тип** общественного исторического процесса, требует строгого учета особых условий проявления общего. «Возможны, — писал В. И. Ленин, — конечно, бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отрывка Маркса про другую историческую эпоху» (Соч., т. 3, стр. 11).

Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу процесса возвышения формирующегося класса капиталистов, в какой бы стране развивался этот процесс. Однако, история буржуазных преобразований знает несколько типов капиталистической аграрной эволюции. Капитализм создавал себе соответствующие

«формы земельных отношений из старых форм — из феодально-помещичьего, крестьянско-общинного, кланового землевладения. В Германии пересоздание средневековых форм землевладения шло, приспособляясь к рутине, к традициям, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства. Крестьянство здесь пережило трудный переход от барщины к кнехту и гроссбауэру. В Англии это пересоздание шло революционно насильственно, но насилия производились здесь над крестьянскими массами в пользу помещиков.

Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распорядков не может произойти буржуазный переворот в земледелии. Исторически решался лишь вопрос о том, **будет ли эта «чистка» произведена за счет помещиков или крестьян**, будет ли она помещичьей или крестьянской. Ответить на этот вопрос нельзя было иначе как конкретным анализом **особого** положения каждого из борющихся между собой классов, раскрытием конкретного соотношения классовых сил, но это и означало отражение в теоретическом анализе объективной диалектики общественного процесса, диалектики конкретно-исторического соотношения общего и особенного в этом процессе.

Г. В. Плеханов сосредоточил свое внимание на процессе капиталистического развития в «чистом виде», как он представлен в теоретической политической экономии, в абстрагированном от конкретно-исторических условий развития капитализма в России. Поэтому в своем проекте программы русской социал-демократии он и предъявил обвинения **не русскому капитализму, а капитализму вообще**. В анализе исторического общественного процесса у Г. В. Плеханова оказались обойдены **противоречия и общественные бедствия**, порождаемые особой эволюцией русского капитализма. У него получилась не программа борющейся партии, а «скорее программа *для учащихся* (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 21). Проект Г. В. Плеханова дал «программу экономического *учебника*, посвященного капитализму вообще» (Там же, стр. 41).

У Г. В. Плеханова оказалось нарушенным основное требование теории познания диалектического материализма — **конкретность** анализа, хотя сам Г. В. Плеханов любил повторять и подчеркивать положение — «истина всегда конкретна». Он не сумел раскрыть объективной диалектики соотношения **общего и особенного** в историческом общественном процессе буржуазного преобразования России. В связи с этим он не сумел вскрыть в этом процессе и ведущего **противоре-**

чия капиталистической эволюции, обусловившего чрезвычайно своеобразную расстановку классовых сил в нарастающей буржуазной революции.

В противоположность Г. В. Плеханову В. И. Ленин не ограничился простым констатированием буржуазной эволюции общественной жизни России. В соответствии с требованием теории познания диалектического материализма он продолжил анализ исторического общественного процесса дальше и вскрыл внутренне присущее этому процессу диалектическое противоречие: борьбу двух объективно-возможных противоположных линий буржуазной эволюции в России, двух линий и исхода буржуазной революции. «Либо старое помещичье хозяйство, — писал В. И. Ленин, — тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революции, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства» (Соч., т. 3, стр. 10—11).

Анализ экономической основы, на которой оказались возможны эти две линии буржуазной эволюции в России, В. И. Ленин дал в ряде своих работ, начиная с работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Свою работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин считал «конспектом позднейших экономических работ (особенно «Развития капитализма»). В ней, по оценке В. И. Ленина, была дана «...теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в «левом блоке» на выборах во II Думу и в «лево-бллокистской» тактике» (Соч., т. 13, стр. 82—83).

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин доказал в споре с народниками, что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском, и вне, и внутри общины. Из его анализа капиталистической эволюции следовало, что в России возможны или капитализм типа *a* или капитализм типа *b* — иными словами или капитализм монархически либеральный, черносотенный или народнический («реалистический, демократический»). Позднее в письме И. И. Скворцову-Стенанову В. И. Ленин писал: «И, по моему крайнему разумению,

Ильин (псевдоним В. И. Ленина — В. Г.) был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги («Развитие капитализма в России» — В. Г., указал, что из нее вытекает возможность двух видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба этих видов еще не кончена» (Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 214).

Раскрытие особенности буржуазной эволюции, объективной возможности ее двух линий, двух противоположных форм обусловило необходимость решения основного вопроса политики русского рабочего класса. Рабочий класс должен был выработать определенное отношение к столкновению двух различных тенденций буржуазной эволюции, которые обе оставались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различную быстроту его развития, различную широту захвата его прогрессивных влияний. Рабочий класс «...не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям» (В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 22).

Своеобразие русской революции заключалось в том, что борьба пролетариата против абсолютизма совпадала с борьбой против крупной буржуазии, поддерживаемой и охраняемой крепостническим государством. Русский абсолютизм не стоял в стороне от развертывающейся между буржуазией и пролетариатом борьбы. Он заключил в 1861 году «мерзостный компромисс» с либералом и всей своей тяжестью давил на рабочий класс, активно выступая на стороне буржуазии. В. И. Ленин показал, что со времени «освободительной реформы» правительство «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм. Государство крепостников и помещиков опиралось в своей политике на крупную буржуазию, поэтому «друзья народа» являлись злейшими реакционерами, когда говорили, что естественная задача государства «...охранять экономически слабого (так должно быть дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика, — писал В. И. Ленин, — свидетельствует о том, что задача нашего государства — охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой «экономически слабых» постоять за себя. И это, конечно, его естественная задача, потому что абсолютизм и бюрократия насковзь пропитаны крепостнически-буржуазным духом и потому, что в экономической области буржуазия царит и правит безраздельно, держа рабочего «тише воды, ниже травы» (Соч., т. 1, стр. 241).

Буржуазия не может не сознавать, — указывал В. И.

Ленин, — задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится развивающегося рабочего движения, растущего пролетариата, который только один и способен наиболее полно использовать демократизацию общественного политического строя. Буржуазия была заинтересована в том, чтобы государство, опирающееся на привилегию землевладельцев и капиталистов, держало бы в полной бесправности рабочих и крестьян и тем связывало движение рабочих, задерживало развитие его классового самосознания. В этом и заключалась роль самодержавия.

«Особенно внушительным, — писал В. И. Ленин, — реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная бюрократия, которая de facto и правит государством российским... Эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» (Соч., т. 1, стр. 272). Для В. И. Ленина не было никакого сомнения в том, что самодержавие представляло интересы крупной буржуазии вкупе с крепостниками против рабочих и крестьян. Борьба двух путей развития капитализма — прусского, во главе которого стояли помещики и крупная буржуазия, фактически диктующая проведение своих экономических и политических интересов самодержавному государству, и революционно-демократического, носителем которого являлось крестьянство, выступавшее против невыносимого, тяжелейшего двойного гнета, накладываемого крепостниками и капиталистами, — и было основным своеобразием предстоящей буржуазной революции.

Как самая постановка вопроса о борьбе двух путей капитализма в России, так и разрешение его явилось у В. И. Ленина раскрытием объективной диалектики борьбы классов в России, непревзойденным образцом конкретного развития пролетарской теории познания, логики «Капитала» Маркса.

Руководствуясь откровенным диалектико-материалистическим положением — в теоретическом анализе опираться только на факты и, вскрывая их материальную сущность, сводить к ней все наблюдаемые явления, — В. И. Ленин проник за толщу многочисленных наслоений общественной жизни, открыл и обнаружил ее суть, ведущее противоречие (борьбу классовых носителей противоположных способов буржуазного преобразования России), налагавшее отпечаток на все последующие стороны русской действительности.

Диалектика, как закон движения, изменения мира, ее суть — развитие, как борьба противоположностей, — были

показаны В. И. Лениным в действии, показаны с изумительным мастерством, мастерством гения человечества, величайшего мыслителя.

Первоочередная задача, стоявшая перед русским революционным движением, была задача повести трудящиеся массы под руководством пролетариата в бой против абсолютизма. Но выступить против абсолютизма — сначала выступить и против крупного капиталиста, против определенной формы, способа развития и укрепления буржуазного общества. Развивая общие принципы марксизма и используя опыт западноевропейской революции для изучения русской действительности, В. И. Ленин, ни капельки не сомневаясь в предстоящем буржуазном характере русской революции. Но он вскрыл особенности этой революции — необходимость борьбы не только с помещиками и самодержавием, но и вступившими с ними в тесный союз представителями крупной буржуазии. В. И. Ленин видел, что предстояла борьба не только за развитие буржуазной революции, но и за определенные способы разрешения ее основных задач. Уже в 1894 году он заявил, что капитал «...у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения» (Соч., т. 1, стр. 273).

В. И. Ленин утверждал, что борьба с абсолютизмом на известном этапе ее развития невозможна без борьбы с крупной буржуазией, что в условиях России буржуазия не может играть руководящую роль в буржуазной революции, что буржуазия неизбежно изменит делу своей собственной революции и встанет на сторону царя против пролетариата и руководимых им трудящихся масс. Такая позиция В. И. Ленина по отношению к крупной буржуазии не могла, конечно, понравиться Плеханову, Аксельроду и др. «старикам». У вас, — говорил Аксельрод В. И. Ленину, — «заметна тенденция, прямо противоположная тенденции той статьи, которую я писал для этого же самого сборника... А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочим, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самостоятельности. Точнее говоря, это — задача свержение абсолютизма» (См. В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. 1, стр. 489).

Аксельрод сам констатировал противоположность позиции по отношению к либералам у него и В. И. Ленина. Да это и понятно. Аксельрод не видел различий между интересами

пролетариата и крупной буржуазии в борьбе против самодержавия. Он, как это следует из приведенной цитаты, считал, что эти интересы совпадают, тогда как В. И. Ленин, наоборот, четко и ясно определял их противоположность. В. И. Ленин говорил об уже состоявшемся и укрепляющемся союзе крепостника с крупной буржуазией, говорил об особом развитии капитализма, имевшем место под покровительством царя с 1861 года. Он констатировал готовность со стороны буржуазии жертвовать своим демократизмом ради союза с правительством против пролетариата. Аксельрод же видел лишь совпадение в данный исторический момент ближайших интересов пролетариата в России с интересами либералов.

Ульянов, — продолжал в своих воспоминаниях Аксельрод, — улыбаясь заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом» (В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. 1, стр. 489).

Позиции Плеханова были противоположны позициям В. И. Ленина. Плеханов не видел возможности развертывания решительной борьбы пролетариата с буржуазией до завоевания последней политической власти. Он призывал партию пока не пугать либерала «красным призраком», толкал рабочий класс на беспринципный союз с буржуазией. Ради единства интересов пролетариата и буржуазии в борьбе против абсолютизма Плеханов временно «снял» вопросы борьбы, видел необходимость «на время» умерить революционный пыл рабочего движения. Плеханову было чуждо умение по-марксистски развешивать и сочетать противоположности, он абсолютировал значение союза рабочего класса с либералами против самодержавия, видел центр тяжести (сущность развития) не в борьбе, а в моменте **единства**.

Плеханов требовал так написать программу партии, чтобы не пугать либералов «красным призраком», чтобы под ней подписался любой из «несистематических противников демократии». «Не пугая никого далеким пока «красным призраком», — писал Г. В. Плеханов, — такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма... Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России». (Избранные философские произведения, т. 1, стр. 107). В работе «Наши разногласия» он обосновывал этот свой взгляд «опы-

том» западных буржуазных революций. «В самом деле, — писал Г. В. Плеханов, — что значат уверения историков в том, что в такой-то исторический период буржуазия или, — что почти то же самое — общество боролось в такой-то стране против абсолютизма? Ни более не менее, как то, что буржуазия толкала (курсив мой — В. Г.) и вела рабочий класс на борьбу или, по крайней мере, рассчитывала на его поддержку... Наше «общество» не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих; оно не знает даже, на кого направит свое оружие рабочий-инсургент: на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы. Отсюда его робость и нерешительность, отсюда овладевшее им теперь тяжелое и безнадежное уныние. *Но измените положение дел, обеспечьте нашему «обществу» поддержку одних только городских предместий, — и вы увидите, что оно знает, чего хочет, и умеет говорить с властью языком, достойным гражданина*» (Избранные философские произведения, т. 1, стр. 359. Курсив мой — В. Г.).

Плеханов обращал внимание на то, что на Западе в период буржуазной революции буржуазия «толкала» рабочий класс на активную борьбу с силами прошлого общества. Он особо подчеркивал роль пролетариата, как могучего пособника буржуазной революции. Тщетно было бы искать у Плеханова и в последующих работах 90-х годов такой постановки вопроса, которая ставила бы самый исход предстоявшей революции в зависимость от того, будет ли рабочий класс руководителем, передовым борцом и организатором революционного движения, или он проявит себя только в роли послушного орудия в руках буржуазии. Г. В. Плеханов не дал себе труда подумать над тем, что возможны также исторические противоречия действительности, когда последовательно развиваемая буржуазно-демократическая революция в некоторой степени более выгодна пролетариату, нежели буржуазии, когда буржуазия становится в лагерь контрреволюции против осуществления задач своей собственной революции. Раз предстоит революция буржуазная, значит ее движущей силой должна быть буржуазия, опирающаяся на рабочий класс — так представлял будущее движение Плеханов, и ясно, что он был очень недоволен ленинской позицией. 14 июля 1901 года в письме к В. И. Ленину по поводу его статьи «Пониматели земства и аннибалы либерализма» Г. В. Плеханов писал: «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это не тактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему... Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник».

И так, смягчайте, голубчик. **Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка.** Тогда же он послал письмо к П. А. Аксельроду, в котором писал: «Но тон его (Ленина — В. Г.) по отношению к либералам и к либера-

лизму в России слишком *не доброжелателен* (Ленинский сборник, III, издание 2-е, стр. 203—204, 205—206).

Г. В. Плеханов не понимал, что крупная буржуазия превратилась в опору крепостнического государства, что во имя борьбы с нарождавшимся классовым врагом — пролетариатом она жертвовала своим демократизмом.

Марксова диалектика, замечательно конкретизированная и развитая В. И. Лениным в его борьбе против струвистского объективизма, не являлась орудием борьбы в руках Г. В. Плеханова. Он не сумел вскрыть всех особенных форм проявлявшейся классовой борьбы в России, понять конкретную расстановку классовых сил (вскрыть борьбу противоположностей) и тем самым правильно определить политику пролетариата и партии пролетариата. Он ограничился общим указанием на необходимость процесса развития буржуазной революции в России, не занимаясь выяснением конкретного положения классов, определявших своей борьбой содержание этой необходимости. Г. В. Плеханов, таким образом, в практике своей революционной работы не сумел раскрыть самую суть диалектики — закона единства противоположностей, понять и применить теорию познания Маркса, как закона движения самой реальной действительности.

* * *

В прямом соответствии со своим решением вопроса о двух путях развития капитализма в России, В. И. Ленин определял и свою политику по отношению к крестьянству.

Способно ли хоть отчасти наше крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом? — спрашивал В. И. Ленин.

Решение этого вопроса группой «Освобождение труда» и в работах Плеханова было отрицательное.

Фиксируя все свое внимание на реакционной черте крестьянства, Г. В. Плеханов по своему обыкновению вывел отрицание возможности революционных выступлений мелкого производителя не из действительного изучения фактов, не из анализа русской действительности, как этого требовала марксистско-ленинская теория познания, а из общего представления о положении крестьянства в западноевропейских странах, уже давным-давно расчистивших дорогу мощного капиталистического развития.

В. И. Ленин не мог не знать отношения Плеханова к крестьянству. Тщательно изучая русскую действительность, восстанавливая, развивая основной принцип марксизма — конкретность истины (о чем любил так часто писать Г. В. Плеханов), формулируя свои выводы как теоретическое, с точки зрения марксизма, объяснение положения действительности, В. И. Ленин считал необходимым противопоставить свои

взгляды на крестьянство взгляду группы «Освобождение труда». Он уже в 1894 году отмежевался от политически вредной точки зрения Г. В. Плеханова. В. И. Ленин писал: «...Как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И на этот вопрос нельзя ответить не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части» (Соч., т. I, стр. 270).

При разработке проекта программы русских социал-демократов В. И. Ленин был вынужден прямо указать авторам программы группы «Освобождение труда», что они не понимают диалектики в крестьянском вопросе, что они не сумели объяснить противоречия самой жизни мелкого производителя, сторонились и убегали от этого противоречия.

«А так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, — писал В. И. Ленин, — все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с *самодержавием*. Такое положение исключается, по-видимому, следующим положением проекта группы «Освобождение труда»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». В. И. Ленин дальше, указывая авторам программы группы «Освобождение труда» на двойственность положения нашего крестьянства, заметил: «Но это — противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами» (Соч., т. 4, стр. 225).

Мелкий буржуа двулик. В его отношениях к окружающим общественным классам необходимо различать две стороны — реакционную и прогрессивную. Противоречие, представляемое борьбой этих двух сторон, не есть противоречие ума, — указывал В. И. Ленин, — а противоречие самой жизни.

Пролетариат должен возглавить выступление крестьянства, поскольку оно способно на революционную борьбу с самодер-

жавием против крепостника-помещика и заключившего с ним союз крупного буржуа, должен быть руководителем его в этой борьбе. Одновременно пролетариат должен все свои силы приложить к тому, чтобы пресечь проявление реакционных черт крестьянства, поскольку оно, отстаивая себя как мелкого собственника, склонно пойти на союз с реакционерами.

Русский социал-демократ, — утверждал В. И. Ленин, — «...может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*» (Соч., т. 4, стр. 222).

В. И. Ленин указывал авторам программы группы «Освобождение труда», что они, не раскрывая двойственного характера крестьянского движения, отрицая возможность революционных выступлений крестьянства под руководством пролетариата, ревизуют взгляды Маркса на крестьянство, как возможного союзника рабочего класса, при определенных исторических условиях и обстоятельствах. В. И. Ленин тут же, после цитаты, приведенной им из программы группы «Освобождение труда», указал, что ссылки на Маркса противников идеи возможного союза рабочего класса и крестьянства несостоятельны. Характеристика Марксом французского крестьянства 50-х годов прошлого столетия вся основана на глубоком анализе двойственности мелкого буржуа. Бонапартизм не был бы понятен, если бы Маркс не сумел вскрыть диалектики борьбы двух сторон, присутствующих мелкому производителю». «18 Брюмера Луи Бонапарта» лучшее доказательство незаконности ссылок в крестьянском вопросе на основоположников марксизма. В. И. Ленин напомнил группе «Освобождение труда» следующую характеристику, данную Марксом французскому крестьянству 50-х годов:

«...Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых parcelлой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту parcelлу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его parcelлу и дал ему привилегированное положение». В. И. Ленин, приведя это место из работы Маркса, заключил: «Вот именно поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т. е. в России прежде всего и больше всего самодержав-

ние, и необходима для рабочей партии» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 225, 226).

В критике Готской программы Маркс и Энгельс были вынуждены с новой силой заострить внимание международной социал-демократии на политической вредности пустозванной, никому ничего не говорящей лассальянской фразы «о сплошной реакционной массе». Основоположники научного социализма, напротив, резко подчеркивали двойственную черту мелкого буржуа и необходимость привлечения его на сторону единственно до конца революционного класса — пролетариата в борьбе против всякого угнетения и эксплуатации.

Но в своем анализе положения крестьянства В. И. Ленин не ограничивался простым усвоением общих марксистских принципов и опыта Западной Европы. Пользуясь диалектикой Маркса как революционной теорией познания, развивая марксизм в материалистических обобщениях русской действительности, он использовал опыт западноевропейского рабочего движения для правильного понимания и освещения фактического положения русского крестьянства, познания особенностей этого положения.

«Крестьянский вопрос в России, — писал В. И. Ленин в работе «Проект программы нашей партии», — существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем*, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества*. Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сырана, в России — еще нет» (Соч., т. 4, стр. 221).

В. И. Ленин с точностью констатировал, что путем осуществления опромной работы социал-демократии и рабочего класса в деревне по организации крестьянства для борьбы с крепостническими остатками, крестьянство неизбежно встанет на революционный путь. Крепостническое государство, заключив в 1861 году союз с крупной буржуазией против пролетариата, ограбило крестьян в пользу помещиков. Сила гнета, бесправие, бюрократия, выжимавшие все соки из крестьянства, не могли не вызвать сопротивления крестьянства и его решимости подняться на борьбу против помещика и помещичьего государства.

В. И. Ленин, как никто другой, доказал, что деревня не представляла собою единого целого, что процесс разложения крестьянства шел исключительно быстро и вместо так желаемого народниками мира и общего согласия в деревне бурно проявлялась жестокая классовая борьба народившейся сельской буржуазии с бедняком, превращаемым в сельскохозяй-

ственного пролетария. Но особенность этой классовой борьбы, особенность, из анализа которой вытекала гениальная ленинская постановка вопроса о возможной революционности крестьянства, заключалась в том, что процесс разложения крестьянства все еще развивался в рамках старых крепостнических учреждений, связывающих все крестьянство, «тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общиной».

«В русской деревне,— писал В. И. Ленин — переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией» (Соч., т. 4, стр. 231).

Чем сильнее развивался процесс классовой борьбы в деревне, чем глубже была капиталистическая дифференциация крестьянства, тем невыносимее становился гнет крепостнических остатков, гнет бесправия, административной дикости и произвола, тем все больше и больше революционизировалось крестьянство в борьбе против крепостнических остатков за демократический путь развития капитализма в России. В. И. Ленин и здесь, развивая марксову диалектику, учит нас тому, чтобы каждое наше теоретическое положение было формулировкой действительного положения вещей, отражением объективной диалектики их развития.

Уже в 1894 году в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин рассматривал крестьянство как возможных союзников рабочего класса в борьбе против самодержавия и помещиков. «И социал-демократы,— писал он,— будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не включает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцветут при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков» (Соч., т. 1, стр. 271).

Как видно из приведенного выше, В. И. Ленин не только видел возможность вовлечения крестьян на сторону революции, в качестве союзников рабочего класса, но видел и возможность лозунга национализации земли, как лозунга демократической революции. Мы знаем, какая ожесточенная борьба разгорелась впоследствии между меньшевиками и В. И. Лениным вокруг лозунга национализации земли. Зародыш этой борьбы с достаточной силой проявил себя уже в 1902 году в спорах внутри редакции «Искры» при обсуждении рабо-

ты В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии».

В. И. Ленин писал в работе «Аграрная программа русской социал-демократии»: «Другое дело — национализация земли. Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть» (Ленинский сборник, III, стр. 352).

Плеханов, Аксельрод и Мартов потребовали исключить это место из работы В. И. Ленина. Они не были согласны с В. И. Лениным и считали, что лозунг национализации земли суть реакционный и совершенно неприемлемый, антиреволюционный (см. Ленинский сборник, III, стр. 384—385). Они продолжали смотреть на крестьянство, как на «инертную» массу, неспособную на революционную самостоятельность.

«Весь дух марксизма,— писал В. И. Ленин Инессе Арманд, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Соч., т. 35, стр. 200).

Каждое явление — учит теория познания диалектического материализма — должно быть рассмотрено в связи его с другими явлениями. В. И. Ленин и подошел к оценке положения крестьян в России строго с позиций этого требования диалектики: он рассмотрел положение крестьянства и в его связи с развивающимися в деревне буржуазными отношениями, и в его связи с еще сохранившимися крепостническими отношениями. В том-то и дело, что глубоко противоречивое положение крестьянства в России определялось тем, что крестьянство находилось на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства. Крестьянство, рассматриваемое с позиций уже развивавшегося в деревне буржуазного общества, не представляло единой массы, единого класса, оно классово дифференцировалось, внутри его развернулась классовая борьба. Рассматривая же крестьянство с позиций еще сохранившихся в деревне остатков крепостнического общества, нельзя было не прийти к выводу о том, что против этих остатков, против крепостников помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает оставаться классом, именно классом, не капиталистического, а крепостного общества. Конечно, положение — крестьянство класс и не класс — было выражением противоречия, но противоречия самой живой жизни, противоречия диалектического. В. И. Ленину принадлежит величайшая заслуга раскрытия этого диалектического противоречия в положении русского крестьянства, из теорети-

ческого осознания которого последовали далеко идущие следствия для тактики революционной марксистской партии.

«Мы ставим в кавычки слово крестьянство,— писал В. И. Ленин,— чтобы отметить наличие в этом случае неподлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто омущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку-постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне» (Соч., т. 5, стр. 97).

На основе изученного им огромного количества фактов В. И. Ленин пришел к диалектико-материалистическому обобщению исторического противоречия в положении нашего крестьянства, к отражению диалектики его борьбы, к показу как могут сочетаться и сочетаются в жизни действительные противоположности.

Меньшевики не могли понять ленинской диалектики, они не видели ее источника в самом положении крестьян, в соотношении классовых сил, считали диалектику В. И. Ленина надуманностью, гегельянством и т. д. Сами они не сумели довести признание диалектики Маркса до признания ее законом познания (теорией познания), не сумели раскрыть конкретного содержания соотношения классовых сил в России, отразить объективную диалектику революционного движения. Между тем, осознание этой диалектики давало пролетариату возможность стать во главе миллионов масс мелких собственников против самодержавия, опираясь на знание противоречивого положения этих масс осуществить впоследствии перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. **Диалектика из закона познания у В. И. Ленина превращалась в закон действия, закон изменения действительности.**

* * *

В непосредственной связи с гениальным ленинским анализом соотношения классовых сил, противоречивого положения крестьянства в России, раскрытием двух противополож-

ных тенденций в буржуазном развитии общественной жизни России находилось и отношение В. И. Ленина к народничеству.

Конкретный диалектико-материалистический анализ своеобразного положения в России мелкого производителя обусловил глубокое отличие ленинской критики народничества от критики народников в работах Г. В. Плеханова.

Г. В. Плеханов сосредоточил в борьбе с народниками все свое внимание на разоблачении реакционных черт народнической идеологии. Его огромные заслуги перед революционным освободительным движением заключаются в том, что он блестяще доказал антинаучность этой идеологии, ее реакционный утопизм. Мы помним указание В. И. Ленина, что без выяснения Г. В. Плехановым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайлова невозможно было бы формирование русского марксизма. И однако при этом В. И. Ленин систематически отмечал, что Г. В. Плеханов в своей борьбе с народниками был односторонен, он не вскрыл двойственного характера народнической идеологии, пренебрег ее **положительной** стороной. Г. В. Плеханов преимущественно критиковал народников методом сопоставления их теоретических воззрений с теоретическими воззрениями марксистов и делал это с присущим ему необычайным талантом, поражающей эрудицией, литературным блеском. Не исключая возможности и необходимости сопоставления антинаучных идей народников с единственно научными идеями марксизма, В. И. Ленин считал такой метод критики народнической идеологии далеко не достаточным и ограниченным. «Было бы отступлением от материалистического метода,— заявил он в «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», — если бы я, критикуя воззрение «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях» (Соч., т. 1, стр. 216).

Материалистический метод,— утверждал В. И. Ленин,— требует не только сопоставления критикуемых антинаучных идей с идеями подлинной науки, но и сличения их с существующими классовыми противоречиями, раскрытия их классового источника и классовой сущности, представления их как теоретической формулировки таких-то требований такого-то класса.

Философствование о возможности «иных путей для отечества»,— пустоту, антинаучность и реакционность которого так прекрасно разоблачил Г. В. Плеханов,— было лишь внешним облачением народничества; не в этом философствовании

заклучалась сущность народничества (см. об этом В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 481).

Сущность народничества заключалась в представительстве интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа, в протесте против крепостничества и буржуазности в России с точки зрения мелкого буржуа, с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Источник народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России (см. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 322, 375, 384, 420).

Г. В. Плеханов, допуская отступления от материалистического метода, не вскрыл этой сущности и этого источника народничества и, подвергая уничтожающей критике народническую теорию «самобытности» развития общественной жизни России, стал на путь отрицательного отношения ко всей политике народничества, а не одной только ее половины. В отличие от Г. В. Плеханова, В. И. Ленин свел народнические идеи к их сущности, к производственным отношениям, и в связи с этим раскрыл за отрицательной, реакционной стороной народничества ее положительную сторону, как теоретическую формулировку демократических требований мелких производителей, противостоящих в качестве класса крепостническому обществу помещикам и их государству.

Какое огромное значение имело раскрытие двойственного сущности народничества, его представительства интересов мелких производителей для разработки революционной марксистской «лево-блжкнстской» тактики, отвергавшейся меньшевиками, видно из следующего замечания В. И. Ленина, данного в «Предисловии к сборнику «За 12 лет»: «Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость «лево-блжкнстской» тактики вытекает неизбежно из тех же основных теоретических взглядов марксизма на народничество» (Соч., т. 13, стр. 83).

В. И. Ленин писал о своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» «Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции» (Соч., т. 13, стр. 82—83).

Критикуя струвистов, как представителей русской либеральной буржуазии, заключающей союз с крепостниками-помещиками, В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» указал, что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпосылочности народничества, от которого следует решительно отбросив все реакционные черты программы, не

только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше.

Содержанием народничества,— писал В. И. Ленин,— является, «...представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно также является Янусом, который «смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,— а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны» (Соч., т. 1, стр. 480—481).

Начиная с работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», В. И. Ленин систематически подчеркивал необходимость не забывать о демократической части программы народничества (См. Соч., т. 1, стр. 270), не забывать о необходимости выделения революционного содержания народничества (см. Соч., т. 4, стр. 226, 230).

Отступления меньшевиков от материалистического метода в критике народничества В. И. Ленин связывал с их неконкретным подходом к анализу соотношения классовых сил в процессе буржуазного преобразования общественной жизни России, с крайне абстрактным анализом положения крестьян. Впоследствии, подводя итоги своей борьбы против меньшевиков, В. И. Ленин писал: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общественное движение»), что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития» (Соч., изд. 3-е т. XIV, стр. 214).

* * *

Красной нитью во всех работах В. И. Ленина периода 1894—1903 гг. проходит раскрытие противоположности между крупной буржуазией, заключавшей союз с крепостниками-помещиками, жертвовавшей демократизмом и многочисленной

мелкой буржуазией (особенно крестьянством), поднимавшейся на борьбу за демократизацию общественного строя. Рабочий класс и его партия, — систематически отмечал В. И. Ленин, — поставлены историей не перед единой буржуазной демократией, а перед двумя ее борющимися между собой большими общественными группами — перед монархически-либеральной и республикански-революционной буржуазной демократией.

Естественно, из такого анализа объективной основы развивающейся буржуазной революции неизбежно вытекал вопрос об отношении рабочего класса к борьбе классовых носителей двух противоположных линий, тенденций, форм или способов буржуазного преобразования России.

В ряде своих работ 90-х годов, являвшихся всесторонней теоретической подготовкой создания партии, В. И. Ленин ставил вопрос о реализации возможности революционно-республиканского типа буржуазного преобразования общественной жизни России в прямую зависимость от гегемонии социалистически организованного пролетариата в освободительном движении крестьянской массы. Конкретная возможность буржуазно-демократической революции в России реализовалась в действительность в жестокой классовой борьбе пролетариата с буржуазией за крестьянские массы, в процессе развития и укрепления союза рабочего класса с крестьянством, под руководством рабочего класса.

В ленинской идее гегемонии пролетариата в предстоявшей буржуазно-демократической революции нашла свое гениальное выражение диалектика сочетания социалистических и демократических задач борьбы рабочего класса, диалектика превращения реальной возможности народной революции в действительность. Идея гегемонии рабочего класса была впервые высказана В. И. Лениным в 1894 году. «На класс рабочих и обращают социал-демократы, — писал В. И. Ленин, — все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы* к **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**». (Соч., т. 1, стр. 282).

Указывая, что в русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности (между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-первых, между всем

крестьянством и всем помещичьим строем, во-вторых), В. И. Ленин настаивал на том, что в ближайшее время вторая противоположность имеет для социал-демократии наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Если рабочий класс хочет встать во главе всего народа на борьбу против самодержавия, он должен поднять знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков крепостничества. (см. В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 401). И только в том случае борьба крестьян против крепостничества может быть успешно завершена, если ее возглавит **социалистически организованный пролетариат**.

Необходимым условием осуществления рабочим классом его роли гегемона крестьянской революции В. И. Ленин считал **выделение** рабочим классом его демократизма, как самого последовательного, до конца революционного. В полной демократизации общественного строя, — указывал В. И. Ленин, — заинтересован лишь пролетариат, поэтому лишь он один может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения.

Только пролетариат, — утверждал В. И. Ленин, — способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. «Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, *ослабило* бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь, все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*». (Соч., т. 2 стр. 312).

Это и есть ленинское учение о диалектике в применении к анализу действительного развития буржуазной революции в России, гегемоном которой являлся и мог являться только один класс — пролетариат, класс, враждебный самым основам буржуазного общества.

Диалектики В. И. Ленина не могли понять меньшевики. Им это историческое положение В. И. Ленина опять-таки показалось грубым нарушением логики, огромным, непонятным противоречием. Гегемоном буржуазной революции яв-

ляется пролетариат — классовый враг буржуазии. Действительно, это было противоречие, но противоречие самой жизни, ведущее, двигающее, развивающее противоречие, объективная диалектика революции, отраженная В. И. Лениным в его гениальном анализе классовой борьбы и претворенная Коммунистической партией в боевое действие пролетариата.

Ленинская постановка вопроса учит нас, что диалектика есть отражение основных законов объективного процесса, вооружает человека на сознательную борьбу за овладение предметом, вещью, явлением и приводит его к руководству своей собственной «судьбой»; диалектика есть учение об овладении основными законами действия над предметом, руководство к действию.

Сочетание социалистической и демократической борьбы пролетариата в единой классовой борьбе против помещиков и капиталистов, в борьбе, которая в свой водоворот неизбежно должна была втянуть под руководством пролетариата опрощенные эксплуатируемые трудящиеся массы, содержала в себе возможность перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Эта гениальная идея В. И. Ленина, развитая им в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», нашла свое четкое выражение уже в его работах 90-х годов, в постановке вопроса об особенностях развития революционного движения в России, о союзе рабочего класса с крестьянством, о гегемонии пролетариата в общедемократическом освободительном движении.

Борьба за демократизацию понималась В. И. Лениным как средство борьбы пролетариата с буржуазией за политическую свободу, за политическую власть, за осуществление социализма.

«...Социал-демократы, — писал В. И. Ленин, — должны стремиться организовать классовую борьбу пролетариата в самостоятельные политические рабочие партии, борющиеся за демократию, как средство завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 239).

Подчеркивая двойное проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, В. И. Ленин всегда настаивал на неразрывной связи социалистических и демократических задач рабочего класса.

«Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политиче-

ской свободы и демократизации политического и общественного строя России)» (Соч., т. 2, стр. 304).

В. И. Ленин учил руководить борьбой трудящихся масс против абсолютизма за осуществление общедемократических требований, но ни на минуту не забывать основной задачи пролетариата — завоевание диктатуры пролетариата, направлять эту борьбу так, чтобы каждую отдельную форму ее, каждое положение подчинять интересам пролетариата, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения. Не дать возможности таскать каштаны из огня руками рабочих для буржуазии, подчинить буржуазную революцию, в первую очередь, завоеванию больших выгод для пролетариата в его борьбе за окончательный слом всего капиталистического общества — такова по В. И. Ленину была задача гегемонии рабочего класса.

В ленинском соединении двух сторон классовой борьбы рабочего класса основная цель пролетариата — завоевание диктатуры пролетариата — не только не терялась, как это было у Плеханова, но, наоборот, ею определялось все развитие классовой борьбы. Пролетариат — гегемон буржуазно-демократической революции. Он активно направлял классовую борьбу по пути перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. И эта основа всей программы и тактики пролетариата, всей революционной деятельности социал-демократии была В. И. Лениным ясно изложена уже в первых его работах 90-х годов.

Передовой боец революции, руководя крестьянскими массами в их борьбе за демократию, ни на минуту не должен был забывать об определении общего положения всех своих союзников в этой борьбе. По мере развития борьбы, — предупреждал В. И. Ленин, — реальные классовые интересы неизбежно приведут ряд союзников в лагерь контрреволюции.

Руководить революцией против самодержавия означало для В. И. Ленина каждый шаг революции брать с бою не только с силами абсолютизма и реакционной буржуазии, но и, в других ее выражениях, со своими собственными союзниками за общий характер борьбы, за максимальное развязывание условий политической свободы пролетариата. «Объединение, — писал В. И. Ленин, — есть плюс, когда оно поднимает объединяемых на уровень сознательной и решительной программы объединяющего. Объединение есть минус, когда оно принижает объединяющих до уровня предрассудков массы» (Соч., т. 5, стр. 61). Такая постановка вопроса сразу же определила и ленинское понимание союза рабочего класса с крестьянством.

Мы помним, что русские оппортунисты из кожи лезли вон, оберегая либеральную буржуазию от «ислуга» перед «крас-

ным призраком» социализма. Они, как известно, уговаривали рабочий класс не пугать «общество» теорией социалистической революции и диктатуры пролетариата. Мы отметили выше соответствующие колебания в этом вопросе и у Г. В. Плеханова.

В. И. Ленин решал этот вопрос в единственно революционном плане. Он писал: «Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?» (Соч., т. 2, стр. 309). Так ставит вопрос, — отвечает В. И. Ленин, — это означает не понять основ марксизма, опустить все конкретное содержание развивающейся действительности, не понять специфических условий развивающейся буржуазной революции в России, ее характера, природы, движущих сил, это означает по существу сдачу революционных позиций.

«...Соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую *классовую борьбу пролетариата* не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, размывая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия» (В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 314).

Поддержка крестьянства в его борьбе за демократические требования не предполагает и не требует никакого компромисса с несоциал-демократическими программами и принципами. Наоборот, только тогда выступления мелкой буржуазии, мелкого собственника могут принять организованный, дисциплинированный и решительный характер, когда во главе революционного движения встанет класс, единственно способный довести дело демократизации до конца, толкать эксплуатируемые массы на большую последовательность в своих требованиях. Отказ, хотя бы и временный, от социализма неизбежно привел бы к меньшей решительности во всем выступлении революционных классов, потому что демократизм пролетариата не был бы отделен от демократизма остальных групп общества. В том то и дело, что В. И. Ленин утверждал невозможность доведения до конца демократии без завоевания диктатуры пролетариата. Демократия есть средство — говорил В. И. Ленин — не только завоевания политической свободы в рамках буржуазно-демократического государства,

но и средство борьбы за диктатуру пролетариата, за социалистическое строительство. Нельзя отделить демократическую борьбу пролетариата от социалистической борьбы, от борьбы за диктатуру пролетариата, от социалистического строительства. Это две противоположные стороны одного и того же процесса классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Высшая жизнеспособность, сила и энергия классовой борьбы — суть единство этих двух противоположных сторон. Тот, кто попытался бы разорвать их на самостоятельные части, тот понизил бы классовую борьбу пролетариата до уровня буржуазного движения.

В статье «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин отметил, что созданная им организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» черпала «...свои силы именно из *соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата*» (Соч., т. 2, стр. 317).

Положение В. И. Ленина о необходимости сочетания в единой классовой борьбе социалистических и демократических задач, сформулированное им в работах 90-х годов, развивалось впоследствии на протяжении всей теоретической и политической деятельности В. И. Ленина. Оно вошло составной частью в ленинскую теорию социалистической революции, стало в современные нам дни боевым средством братских коммунистических партий по революционному преобразованию общественной жизни.

В 1916 году, обобщая опыт партии по сочетанию демократических и социалистических задач В. И. Ленин писал: «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть» (Соч., т. 35, стр. 213). Искусству соединения борьбы за демократию и борьбы за социалистическую революцию В. И. Ленин настойчиво учил революционеров-марксистов, подготавливая создание марксистской революционной партии в России.

Ленинское соединение демократических и социалистических задач единой классовой борьбы рабочего класса и явилось непревзойденным образцом гениальной конкретизации материалистической диалектики в действии.

Гносеологические основы ленинского решения вопроса о роли партии — руководящей и направляющей силе народной революции

В прямой связи с ленинским решением вопроса об исторической необходимости буржуазной революции в России, о борьбе классовых носителей двух противоположных форм, спосо-

бов реализации этой необходимости, о роли рабочего класса, призванного своим активным сознательным вмешательством создать условия превращения реальной возможности революционно-демократического развития и исхода буржуазной революции в действительность, находится и разработка В. И. Лениным учения об особой роли революционной марксистской партии.

Учение В. И. Ленина о партии, ее роли в революционном движении рабочего класса, в историческом общественном процессе, по своему глубокому внутреннему существу есть обобщение, вывод, итог диалектико-материалистического анализа истории освободительного движения человечества, истории классовой борьбы, истории возникновения и развития рабочего класса, его революционного движения. В ленинском учении о партии подведен гениальный итог борьбы революционного марксизма по всем основным вопросам философии и общественной теории и с субъективистами, пытавшимися скинуть со счета мировой истории объективные законы общественного развития, и с фаталистами, превращавшими народные массы, классы, партии и человека в беспомощных рабов обожествляемой ими закономерности. В учении о партии В. И. Ленин дал непревзойденный образец научного отражения диалектики соотношения объективного и субъективного в историческом общественном процессе, соотношения стихийности и сознательности этого процесса, соотношения и взаимосвязи масс, класса, партии, личности.

И либеральные народники, и «легальные марксисты» с разных позиций приходили к одному и тому же результату — отрицанию за народными массами какого бы то ни было творческого значения в истории развития общественной жизни.

В. И. Ленин назвал народническую манеру мышления и рассуждения об общественной жизни и ее процессах узко интеллигентским сомнением, бюрократическим мышлением (См. Соч., т. 2, стр. 490).

С точки зрения народников не могло быть и речи о развитии, следовало говорить лишь об уклонениях от желательного по их мнению, история человеческого общества это история возникновения идеалов, история «критически мыслящих личностей» — носителей этих идеалов.

При такой глубоко идеалистической системе взглядов представление о классовой борьбе, об исторической роли масс, классов, партий совершенно исключалось, равно как исключался и какой бы то ни было объективный анализ исторических событий. Народники высказывали полное недоверие и пренебрежение к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно со своими

интересами. «Народник же, — писал В. И. Ленин, — всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории» (Соч., т. 2, стр. 491).

Либеральные народники клеветнически утверждали, будто марксисты, признавая объективную закономерность, историческую общественную необходимость, тем самым отрицают роль сознательной деятельности людей, они отождествляли детерминизм в общественной науке с фатализмом. Между тем, сами народники, сбрасывая со счета мировой истории объективную необходимость и закономерность, пытались навязать ложную идею возможности миновать «мучительный этап капиталистического развития», превращали всю прошлую историю человечества, историю буржуазных преобразований стран Западной Европы в бессмысленный стихийный процесс. Разум и чувство, — писал Михайловский, — «можно сказать, не присутствовали при возникновении современного экономического порядка в Европе». Со своим субъективным методом либеральные народники, как видно из приведенного заявления Михайловского, попадали «из огня да в полымя». «Что это за чепуха, — отвечал Михайловскому В. И. Ленин, — будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные плоты и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов» (Соч., т. 1, стр. 378).

Игнорирование и пренебрежение народными массами, третирующее их как лишенных творческой самостоятельности было характерно и для «легальных марксистов» и их идейных продолжателей — «экономистов» и меньшевиков.

Струвистский объективизм является основой для ряда реакционных политических выводов. Весь смысл его заклю-

чался в попытке подsunуть вместо революционной теории классовой борьбы теорию мирного спокойного ожидания, веру в непрерываемость объективного процесса общественного развития, источники которого якобы лежат далеко за пределами познавательных возможностей человека. Такая попытка была выражением основной политической задачи «легальных марксистов», они стремились посеять в рабочем классе неверие в свои творческие силы, в возможность что-либо изменить в ходе развития общественной жизни, активно повлиять на ход ее развития.

Глубочайшая опасность струвистского буржуазного объективизма заключалась в том, что Струве предвосхищал и пытался обосновать оппортунизм в рабочем движении в России. Его фаталистическая концепция исторического общественного процесса явилась идейным источником ревизионистских идей экономизма и впоследствии меньшевизма. Струвизм служил экономистам и меньшевикам общей теоретической основой широко пропагандировавшейся ими теории самотека, фетишизации общественного развития.

«Экономисты» и меньшевики, вслед за международным ревизионизмом, сводили роль субъективного фактора в истории (роль революционной рабочей партии, роль сознательности рабочего класса, роль революционной теории) к нулю, обрекали партию на пассивность. Они решали проблему соотношения объективной и субъективной сторон исторического процесса в сугубо мистическом плане. Фетишизируя экономику, они превратили понятие экономики в мертвую абстракцию.

Струвисты заявляли, что историческая необходимость и объективная закономерность есть железная «неотвратимая» цепь заранее predeterminedных событий. Воля, сознание классов, партий и отдельных людей также заранее predeterminedны. В общественной жизни, поэтому, не может быть свободы действия, в ней полностью, целиком, без остатка господствует лишь необходимость.

Необходимость, продолжали струвисты, по природе и существу своему непознаваема, она не может быть предметом научного исследования. Следовательно, она всегда «слепая». Между необходимостью и свободой и далее между объективной и субъективной сторонами исторического общественного процесса струвисты, а вслед за ними «экономисты» и меньшевики воздвигали «Китайскую стену». В связи с этим они и не признавали роли теории и партии, как мобилизующей и организующей силы рабочего революционного движения.

Разоблачая реакционный смысл философских домыслов либеральных народников и струвистов в отношении исторической необходимости, В. И. Ленин защитил в своем учении о

партии и развил дальше следующие положения марксистской теории о соотношении объективной и субъективной сторон исторического процесса:

1. Законы развития реального мира — природы и общества — объективны и независимы от воли и сознания людей, следовательно, необходимость, т. е. такое развитие, которое с неизбежностью вытекает из внутренней связи и взаимодействия явлений, существует в природе и обществе независимо от сознания и желания людей. Люди не могут произвольно «отменять», «уничтожать» или «создавать» законы экономического развития. Необходимость, закономерность развития природных и общественных явлений — первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние неизбежно и необходимо должны приспособляться к первой.

2. Законы развития как явлений природы, так и явлений общественной жизни вполне познаваемы, следовательно, люди могут раскрыть внутреннюю связь событий, понять взаимодействие и взаимосвязь действующих объективных причин и их следствий. Необходимость может быть познана, и когда люди действуют со знанием дела, необходимость слепая превращается в необходимость познанную.

3. Практика является рычагом перехода из состояния слепой, непознанной необходимости в необходимость познанную, когда люди, действуя в направлении действия объективных законов развития, ускоряют или замедляют ход событий. Революционная деятельность людей — сущность перехода от непознанной необходимости к необходимости познанной, к овладению законами развития общественной жизни, к состоянию свободы.

4. Реальная возможность для своего превращения в действительность нуждается в благоприятных условиях, создающихся борьбой, силой сплоченности, организованности, способности тех классов и партий, которые заинтересованы в превращении возможности в действительность. Решает здесь сознательность, воля, энергия этих классов, борющихся с классами и партиями, заинтересованными в заглушении, в подавлении данной возможности, в расчищении дороги к превращению в действительность противоположной реальной возможности. «По мере расширения и углубления исторического творчества людей, писал В. И. Ленин, — должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем» (Соч., т. 2, стр. 491).

С точностью установив классы, определявшие своими действиями противоположные способы и формы реализации необходимости процесса буржуазного преобразования общественной жизни России, В. И. Ленин, далее, разработал гениальную политическую программу действий рабочего класса. Эта программа была рассчитана на то, чтобы рабочий класс

знес в историческую борьбу крестьян и помещиков, поддерживаемых крупными капиталистами, свою сознательную, организованную волю, направил тем самым историческое развитие по пути подавления и заглушения возможности прусского варианта буржуазного преобразования и обеспечения победы буржуазно-демократической революции.

Категория исторической необходимости предстала в диалектико-материалистической концепции В. И. Ленина как отражение борьбы классов, из которой складывалось живое историческое общественное развитие. Здесь мы вновь должны констатировать существенное отличие, в плане гносеологии, ленинского раскрытия категории исторической необходимости от плехановского.

В 90-х годах прошлого столетия Г. В. Плеханов не понимал необходимости теоретической борьбы на два фронта. Тогда он считал единственным и главным противником марксизма в России народников, развивавших антинаучную волюнтаристическую концепцию исторического общественного процесса, пренебрегал задачей борьбы против струвистов, протаскивавших, напротив, теорию **обожествления** закономерности, фаталистическую концепцию общественно-исторического процесса.

В связи с этим Г. В. Плеханов всю силу своего дарования употребил на доказательство бесспорного марксистского положения о независимости исторической общественной необходимости от сознания. В этом заслуга и положительная сторона философской деятельности Г. В. Плеханова.

Однако то, что он не видел необходимости одновременного разоблачения неокантианского объективизма «легальных марксистов», их фаталистической исторической концепции, наконец то, что он сам был склонен к известной абстрактности анализа общественного процесса, привело его к нарушению принципа партийности в теории познания диалектического материализма. В спорах с народниками по поводу исторической необходимости развития капитализма и буржуазной революции в России Г. В. Плеханов ограничился общими теоретическими рассуждениями. Он не увязал решение этого вопроса с практикой революционного движения рабочего класса. Борьба партий и классов за установление определенного пути развития буржуазной революции, союз рабочего класса с крестьянством, сочетание в единой классовой борьбе пролетариата демократических и социалистических задач, гегемония пролетариата в крестьянской буржуазной революции — все это конкретное содержание исторической необходимости скрылось от Г. В. Плеханова. Марксистское понимание категории исторической общественной необходимости потеряло свой действительный характер, субъективная сторона общественного исто-

рического процесса оказалась приниженной. Историческая необходимость была отвлечена от конкретного исторического действия классов и партий.

Эта ограниченность плехановского раскрытия категории исторической общественной необходимости была впоследствии гипертрофирована «экономистами» и меньшевиками.

Историческая закономерность буржуазного преобразования России в представлении «экономистов» и, впоследствии, меньшевиков стала носить роковую печать фатализма. Отсюда их обращенные к рабочему классу призывы покориться «исторической необходимости», занять выжидательную позицию, остаться в хвосте у либеральной буржуазии. Историческая необходимость выглядела у «экономистов» и меньшевиков как метафизическая непреерекаемая категория, в которой каждая сторона, форма имеют заранее predetermined, законченный вид. Они упускали из виду, что признание исторической необходимости **независимой** от сознания и воли человека есть лишь правильная постановка вопроса, который требует далее конкретного анализа **возможных** реальных форм, способов реализации исторической необходимости, конкретного учета сил, энергии, сплоченности, воли к борьбе тех общественных групп, классов, партий, которые заинтересованы в **той или иной** реально возможной форме реализации исторической необходимости.

Историческая необходимость — объективная категория действительности, она не зависит от сознания и воли человека, но всегда **возможны** бесконечно разнообразные сочетания типов, форм, линий ее реализации и всегда эта ее реализация проходит в ожесточенной классовой, партийной борьбе за тот или иной тип объективной закономерности. Здесь широкий простор для **свободного** выбора направления сознательного действия в соответствии с **особыми** жизненными интересами той или иной общественной группы; широкий простор для **включения сознательности** в объективный, независимый от сознания исторический процесс, для обратного воздействия сознания, воли на этот процесс.

«Экономисты» и меньшевики бессильно остановились перед диалектикой соотношения стихийной эволюции и сознательной деятельности, соотношения объективного и субъективного в историческом общественном процессе. «Говорить же, — писал В. И. Ленин по поводу фаталистической теории стихийности «экономистов», — что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов, — это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе — тоже необходимый результат

взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов» (Соч., т. 5, стр. 290).

* * *

Для достижения действительной свободы от стихийного действия законов развития природы и общества В. И. Ленин требовал революционной практики и создания для нее материальных условий. Свобода, в марксистско-ленинском ее понимании, возникает, развивается и осуществляется в действительности в борьбе против стихийного действия законов развития природы и общества. Революционная практика масс является рычагом перехода прогрессивного человечества от состояния слепой необходимости к свободе, эта практика должна быть организована, проникнута высокой сознательностью.

В. И. Ленин указывал, что марксизм учит уметь соединять полную научную трезвость в анализе объективного положения вещей, объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами; учит уметь диалектически сочетать объективные и субъективные факторы исторического процесса классовой борьбы.

Сила обратного воздействия воли, энергии, сознания и действия людей, объединяемых в класс,— субъективный фактор исторического процесса — тем сильнее и могущественнее, чем эффективнее осуществляется руководящая, организующая и направляющая роль революционной партии. Это значит, прежде всего, что партия должна иметь передовую теорию, научно разработанные программу, стратегический план действий и тактику.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин особо подчеркнул «громадный общий интерес» вопроса «об отношении сознательности к стихийности» (Соч., т. 5, стр. 346).

Положению пролетариата, его коренным материальным и духовным интересам может соответствовать лишь социалистическое сознание, отражающее и научно выражающее эти интересы. «...Социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, если только эта теория сама не пасует перед стихийностью, если только она подчиняет себе стихийность» (В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 357).

Решение вопроса о соотношении стихийности и сознательности В. И. Ленин подчинял и выводил из общего решения марксизмом основного вопроса философии об отношении сознания к бытию. Бытие рабочего класса определяет его влечение к социализму. Вместе с зарождением пролетариата с естественной необходимостью у пролетариата зарождается

социалистическая тенденция. Чтобы сократить муки и бесчисленные трудности ее развития и достижения высших форм социалистического сознания — научного социализма, необходимо внесение социалистической теории в стихийное рабочее движение **извне**. Революционная марксистская партия и призвана внести в стихийное рабочее движение научный социализм, социалистически организовать пролетариат.

Рабочий класс,— систематически во всех своих работах подчеркивал В. И. Ленин,— в силу общественных экономических причин отличается из всех классов капиталистического общества наибольшей способностью к организации, влечением к социализму. Без этого условия организация профессионалов-революционеров, организация революционной коммунистической партии была бы игрушкой, авантюрой, пустой вывеской.

«Так как в оформившемся пролетариате,— писал Маркс и Энгельс,— практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому приукрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*,— то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 2, стр. 40).

Эта суровая, закаляющая школа труда объективно обуславливала способность пролетариата к восприятию теории научного социализма, к объединению в социалистической организации. Так создавалась реальная почва создания революционной партии рабочего класса, высшей формы его классовой организации.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин многократно подчеркивал, что защищаемая в ней организация профессионалов-революционеров имеет смысл лишь в связи с действительно революционным и стихийно поднимающимся на борьбу против самодержавия и капитализма рабочим классом. Этот смысл предельно ясно раскрыт В. И. Лениным в следующем положении, вытекающим из глубокого существа материалистического понимания диалектики соотношения стихийности и

сознательности: «Но объективно-максимальная способность пролетариата к объединению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации». (Соч., т. 13, стр. 87).

Марксистская партия и есть сила, реализующая объективно-максимальную способность рабочего класса к объединению, есть соединение социализма с рабочим движением, есть высшая форма классовой организации рабочих, руководящая и направляющая сила социалистического революционного действия рабочего класса.

В рецензии на статью И. В. Сталина «Ответ социал-демократу» В. И. Ленин дал следующее гносеологическое обоснование своего положения о «внесении сознания извне» в стихийное рабочее движение: «1) Философский вопрос об отношении сознания к бытию определяет сознание. Сообразно с существованием двух классов и сознание вырабатывается двойное: буржуазное и социалистическое. Положению пролетариата соответствует сознание социалистическое. 2) «Кто может и кто вырабатывает это социалистическое сознание (научный социализм)?» «Современное социалистическое сознание может возникнуть лишь на почве глубокого научного знания» (Каутский), т. е. выработка его «есть дело нескольких интеллигентов-социал-демократов, обладающих требуемыми к тому средствами и досугом». 3) Как проникает это сознание в пролетариат? «Тут-то и выступает социал-демократия (а не только интеллигенты-социал-демократы», которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание». 4) Что встречает социал-демократия в самом пролетариате, идя в него с проповедью социализма? Инстинктивное влечение к социализму» (Соч., т. 9 стр. 357). Так В. И. Ленин решал вопрос о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто рабочим движением, между сознательностью и стихийностью.

В. И. Ленин раскрыл это соотношение в следующем классическом положении работы «Что делать?»: «И вот я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную

подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию и — 5) — тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем» (Соч., т. 5, стр. 433).

В. И. Ленин указывал, что главное — когда масса, вынужденная положением, в которое ее поставило развитие русского капитализма, усиление тяжести двойного гнета — царского самодержавия и растущего под его защитой купца, фабриканта, заводчика, широкой лавиной втягивается в движение, — заключается в работе крепких политических руководителей, политических организаторов, иначе Зубатовы могут увлечь за собой неразвитые слои массы. Вопрос о том, сметет ли ураган безудержной энергии, непоборимой силы народных масс старое здание самодержавия, решался в зависимости от того, куда направляются его сокрушительные удары.

Силы, управляющие движением, решали вопрос жизни и смерти царизма.

В. И. Ленину принадлежит великая заслуга перед международным освободительным движением в классическом раскрытии диалектики соотношения общественных классов и политических партий. «В обществе, — писал В. И. Ленин, — основным на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий» (Соч., т. 10, стр. 61).

Разрозненные действия миллионов масс трудящихся, — указывал В. И. Ленин, — должны быть слиты в могучий удар по царизму, отдельные стремления, желания, воли трудящихся представлены как единое стремление, желание, воля, направленные на осуществление определяемых и выдвигаемых марксистской партией центральных задач революционной борьбы. Эти задачи партией выдвигаются на основе глубокого отражения в теории объективных процессов, объективных условий революционного действия пролетариата.

Революционная деятельность партии и рабочего класса невозможна, не раз указывал В. И. Ленин, без точного и ясного анализа и отражения в теории объективной стороны исторического общественного процесса. «...Объективное развитие, — писал В. И. Ленин, — создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч.» (Соч., т. 5, стр. 364—365).

Теория марксизма должна точно отразить общественные процессы в их развитии и опмирании, определить тенденцию

развития, установить какие классы, слои, группы объективное развитие губит, ослабляет и, напротив, какие классы, группы, слои создает и укрепляет. «Без революционной теории,— указывал В. И. Ленин,— не может быть и революционного движения» (там же, стр. 341). Но простого сознания общественных законов, тенденций общественного развития совершенно недостаточно для ускорения движения общественной жизни по пути прогресса, для этого нужна организация революционного действия передового класса.

Партия, глубоко изучая объективную сторону исторического процесса, выявляет сущность экономических процессов, экономические законы развития. Далее она организует использование этих экономических процессов, экономических законов рабочим классом, в интересах рабочего класса.

Выявление В. И. Лениным реальной возможности победы народной революции и далее победы рабочего класса над буржуазным обществом — итог глубокого теоретического анализа объективных процессов общественного развития, точного установления тенденций этого развития. Реальная возможность победы буржуазно-демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую была глубоко обоснована в гениальных теоретических работах В. И. Ленина.

Основываясь на выводах своего теоретического анализа действительности, раскрывая условия максимального быстрого превращения реальной возможности народной революции в действительность, В. И. Ленин определил цель движения пролетариата и изложил ее в научно-формулированных пунктах программы-минимум и программы-максимум; опираясь на выводы своей теории и исходя из программы революционной партии, определил общее направление, путь, по которому должно быть направлено революционное движение пролетариата с точки зрения достижения наибольших результатов при данном соотношении борющихся классовых сил.

Установив непреодолимое значение марксистского положения о том, что Россия вступила в полосу развивающейся буржуазной революции, В. И. Ленин не остановился перед этой бесспорной истиной, а дал глубокий анализ отношений всех основных классов к этому факту, их особенных интересов и положения. На этой совершенно конкретной основе В. И. Ленин, далее, определил взаимоотношения классов, исторические особенности их борьбы между собой, дал блестящий прогноз перспективы революции. В связи с этим для революционеров стала совершенно ясной роль и историческое место каждого класса в развивавшемся революционном движении — изменническая, подлая роль либералов, жертвовавших своим демократизмом и вступавших в «мерзостную» сделку с самодержавием, возможность и историческая необходимость широкого революционного демократического движения крестьян-

ства под руководством русского пролетариата, передовая роль гегемона революции — рабочего класса.

Задача революционеров далее заключалась в том, чтобы внести это ясное понимание расстановки классовых сил и положения каждого класса в стихийное рабочее движение. В. И. Ленин подчеркнул в «Что делать?», что сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если они «...не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения» (Соч., т. 5, стр. 383).

Разъясняя роль создаваемой партии, В. И. Ленин писал в «Что делать?», что критическое, переходное состояние революционного движения заключается в том, что — *людей нет и — людей масса*» (там же, стр. 436). Людей масса, потому что рабочий класс и трудящиеся слои населения выделяли все новые и новые массы недовольных, желающих протестовать и бороться против общественного рабства. Людей не было, потому что не было руководителей, политических вождей, партии, способной организовать всю массу на сознательную борьбу, единую и стройную работу, указать место в этой общей борьбе каждой силе.

«Скажите пожалуйста,— спрашивал В. И. Ленин «экономистов»: — когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки,— не «бумажное» ли это дело проведения нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающей на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущим и последующим и возводит законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться?» (Соч., т. 5, стр. 468).

В организационном плане построения партии, обоснованном всей борьбой В. И. Ленина за восстановление и дальнейшее развитие марксовой философии, борьбой против струвистского объективизма, меньшевистского понимания исторического процесса, была выражена твердая уверенность в творческих возможностях пролетариата. В. И. Ленин писал: «Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,— и все нам членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию» (Соч., т. 5, стр. 435).

В ленинском определении диалектики взаимосвязи народной массы, рабочего класса — гегемона этой массы, партии — направляющей и руководящей силы рабочего класса нашло свое замечательное дальнейшее развитие и марксистское понимание вопроса о роли личности в истории. В. И. Ленин решительно разоблачал, как реакционные, попытки со стороны «экономистов» противопоставить вождям массу, разжечь в массе дурные и тщеславные инстинкты, подорвать доверие массы к руководителям и организаторам партии. Он назвал «экономистов», пытавшихся вызвать недоверие рабочих масс к профессионалам-революционерам, демагогами. «И я, — писал он, — никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса». (Соч., т. 5 стр. 432).

Невозможно осуществление рабочим классом его исторической роли гегемона народных масс без высшей формы классовой организации — партии, невозможна организация и развитие революционной партии без выдвинутых из ее среды испытанных, талантливых, вооруженных передовой теорией и двигающих эту теорию вперед вождей.

«...Без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально-подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спешивших друг с другом, невозможно в современном обществе стойкая борьба ни одного класса» (В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 430).

«Экономисты», плененные струвистской фаталистической концепцией исторического процесса, не понимали, что классическое решение вопроса о роли личности в истории дано марксовой теорией классов и классовой борьбы, что дальнейшее развитие марксистского решения вопроса о роли личности в истории давалось В. И. Лениным в раскрываемой им диалектике взаимосвязи масс, класса, партии, вождей.

«Экономисты», как писал В. И. Ленин, сделали открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма». Да это клевета на марксизм, — ответил им В. И. Ленин, — превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого» (Соч., т. 5, стр. 363).

При правильно определенном соотношении взаимосвязи

масс, класса, партии энергия руководителей, вождей партии необычайно возрастает. «Именно теперь, — заключил В. И. Ленин, — русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может, наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатейшие силы» (Соч., т. 5, стр. 417).

Заключение

В своих работах, подготовлявших возникновение и создание марксистской революционной партии в России, В. И. Ленин разъяснил и развил основные положения Маркса и Энгельса о самом предмете и характере пролетарской философии, представил логику «Капитала» Маркса как теорию познания пролетариата, как учение об основных законах развития общества, основных законах развития мышления, восстановил и конкретизировал оплощенный и забытый теоретиками II Интернационала основной принцип марксизма — единство теории и практики, включил практику классовой борьбы в теорию познания пролетариата, как ее основу, критерий доктрины. Осуществляя борьбу против реакционных философских измышлений народников, легальных «марксистов» и ревизионистов, В. И. Ленин дал нам непревзойденный образец применения и развития материалистической диалектики в практике своей работы по руководству революционным движением рабочего класса и трудящихся масс.

В. И. Ленин восстановил и конкретизировал основной закон диалектического материализма — единства и борьбы противоположностей, своими гениальными постановками вопроса о двух путях развития капитализма в России, о гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазной революции, о сочетании двух — социалистической и демократической — сторон единой классовой борьбы пролетариата, о союзе рабочего класса с крестьянством, показал, что всякая правильно понятая политическая задача борьбы за преобразование старого мира есть отражение развивающихся противоречий действительности, есть лишь теоретическая формулировка диалектики объективного, реального процесса, что сущность закона единства и борьбы противоположностей есть непримиримая борьба противоположностей, единство которых выступает в ней как ее условный и относительный момент.

Ленинская диалектика была отражением объективной диалектики действительности. Логика «здорового смысла» «экономистов» и меньшевиков никак не могла примириться с «парадоксальной» «противоречивостью» ленинских положений: пролетариат есть гегемон буржуазной революции, крестьянство — мелкие собственники в союзе с рабочим классом, под

его руководством противопоставлялись как более революционная часть буржуазии фракции крупной буржуазии т. д.

В. И. Ленин с исключительной силой развил дальше принцип партийности, непосредственно вытекающий из марксовского понимания сути диалектики как борьбы противоположностей. Он неопровержимо доказал, что «полемический характер» революционной теории заключается в «полемическом характере» самой действительности, точным отражением которой она является, что марксова диалектика в применении ее к изучению общественных явлений есть закон революционного действия пролетариата. Тезис Маркса — «философы до сих пор лишь объясняли мир, тогда как дело заключается в том, чтобы изменить его» — был В. И. Лениным конкретизирован в практике непримиримой классовой борьбы.

«Диалектика и есть теория познания» — этот вывод неизбежно следует из изучения ленинских работ. В. И. Лениным были заложены основы нового высшего этапа в развитии марксовской диалектики — философии революционного пролетариата, явившейся в работах В. И. Ленина, предшествовавших II съезду партии, глубокой теоретической основой тактических и организационных принципов созданной В. И. Лениным искровской организации.

По определению самого В. И. Ленина, теоретическая формулировка положений, которые впоследствии получили практически-политические выражения в «лево-блокистской» тактике революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, им была дана уже в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Работу «Что делать?» В. И. Ленин рассматривал как сводку искровской тактики и организационной политики (см. соч., т. 13, стр. 82—86).

Работы В. И. Ленина, предшествовавшие II съезду партии, в своей совокупности дали международному коммунистическому движению глубокое теоретическое обоснование особой роли марксистской революционной партии в освободительном движении пролетариата, раскрыли диалектику соотношения революционной рабочей партии и рабочего класса. В. И. Ленин и сплотившиеся вокруг него революционные марксисты-профессионалы-революционеры в борьбе против русского звена международного ревизионизма отстаивали теоретические, тактические и организационные принципы революционного марксизма и практически воплотили их в жизнь. «И никакая другая организация, — писал в 1907 году В. И. Ленин, — кроме искровской, не могла бы в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, создать такой социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал свое дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела...» (Соч., т. 13, стр. 87—88).

СОДЕРЖАНИЕ

Кафедра философии

1. ГОЛОСОВ В. Ф. — Развитие В. И. Лениным теоретических основ Коммунистической партии в период ее возникновения в России	3
2. ДЕМКО Н. И. — В. И. Ленин об истоках буржуазного объективизма	131
3. КЛУБОВ И. С. — В. И. Ленин о взаимосвязи масс, класса, партии, вождей	155
4. КАЛИНИН В. А. — Общие черты и закономерности социалистической революции и их воплощение в практике Китайской революции	197

Кафедра истории партии

5. ГАУБИХ В. В., ПАНОВ И. П. — Красноярские большевики в борьбе за солдатские массы	240
6. ЕФРЕМОВА М. И., ПОБЕДОНОСЦЕВА В. П. — Борьба красноярских большевиков за женские пролетарские массы в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции	269
7. ПОБЕДОНОСЦЕВА В. П. — Борьба Коммунистической партии за демократические преобразования России — важнейшее условие победы Великой Октябрьской социалистической революции	287
8. ЛЕКАРЕНКО Д. М. — Красноярские большевики — организаторы революционных профсоюзов	336
9. ПАНОВ И. П. — Экономическое и политическое положение деревни Енисейской губернии накануне эпохи	351
10. НАГРУЗОВ Д. И. — Большевики Сибири — организаторы крестьянских конференций в период восстановления народного хозяйства	391
11. АЛЕКСЕЕНКО И. И. — Рабочие-двадцатипяти тысячники — проводники политики Коммунистической партии в колхозном строительстве	412
12. БРЫЛЕВ К. А. — Из истории борьбы КПСС за обеспечение социалистической промышленности рабочими кадрами в довоенный период	465
13. БРЫЛЕВ К. А. — Подготовка и воспитание трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны	482

Кафедра истории

14. СТЕПЫНИН В. А. — Об экономических предпосылках крестьянского движения в Енисейской губернии в период борьбы за Октябрьскую социалистическую революцию	515
15. БЛИНОВ А. И. — Место Великой Октябрьской социалистической революции в периодизации истории человечества	539

ОЗ 1956 г.
 Акт № 486

5р-10637